

КРИСТИНА КУН

Первая жертва

КЛУБ
ПОНЕДЕЛЬНИКА

КРИСТИНА
КУН

Freedom

КЛУБ

ПОНЕДЕЛЬНИКА

Первая жертва

18+

НЕУЖЕЛИ Я СХОЖУ С УМА?

Как я могла видеть Эми после
того, как она умерла?

А эта таинственная эсэмэска,
отправленная после ее смерти?

Или моя подруга и вовсе
не умирала?

Городок Блюхэвен любому покажется тихим провинциальным раем. Но только тому, кто не знает, что там происходит. Городом фактически руководит «Клуб понедельника» – организация, в которую входят члены старейших и влиятельнейших семей, связанные обязательством хранить молчание. В ночь, когда гибнет Эми, лучшая подруга Фэй, девушка понимает: что-то пошло не так. Автомобиль, которым управляла подруга не получил серьезных повреждений, а у практически здоровой Эми отказало сердце. Неожиданно пропадают дневники Эми, а затем бесследно исчезает и ее телефон. Очевидно, кто-то после смерти девушки успел покопаться в ее личных вещах. Но ситуация становится еще более загадочной, когда в город приезжает молодой человек по имени Люк, который пытается узнать о причине смерти своего отца. Оказывается, некоторые жители Блюхэвена просто исчезли, а вся информация о них оказалась стертой.

Фэй понимает, что только ей под силу разобраться в произошедшей с ее лучшей подругой трагедии, а заодно и в тайнах ее родного городка. Но иногда некоторые тайны лучше оставить нетронутыми...

ISBN 978-5-699-90426-6

9 785699 904266 >

Freedom

YOUNG ADULT THRILLER

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Андреас Гётц «Ты слышишь смерть?»

Андреас Гётц «Умри тихо, мой ангел»

Клаудиа Пульфюрст «Сёстры лжи»

Кристина Кун «Клуб понедельника.

Первая жертва»

Кристина Кун «Клуб понедельника.

Второе предательство»

КРИСТИНА КУН

КЛУБ ПОНЕДЕЛЬНИКА

Первая жертва

Freedom

Москва

2017

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44
К91

Krystyna Kuhn
MONDAY CLUB. DAS ERSTE OPFER

Monday Club © Verlag Friedrich Oetinger, Hamburg 2015.
Published by agreement with Verlag Friedrich Oetinger.

- Кун, Кристина.**
К91 Клуб понедельника. Первая жертва / Кристина Кун ; [пер. с нем. А. Николаева]. — Москва : Эксмо, 2017. — 480 с. — (Young adult. ТРИЛЛЕРЫ. Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-90426-6

Городок Блюхэвен любому покажется тихим провинциальным раем. Но только тому, кто не знает, что там происходит. Городом фактически руководит «Клуб понедельника» — организация, в которую входят члены старейших и влиятельнейших семей, связанных обязательством хранить молчание. В ночь, когда гибнет Эми, лучшая подруга Фэй, девушка понимает: что-то пошло не так. Автомобиль, которым управляла подруга, не получил серьезных повреждений, а у практически здоровой Эми отказало сердце. Неожиданно пропадают дневники Эми, которые она оставила в школьном шкафчике, а затем бесследно исчезает и ее телефон. Очевидно, кто-то после смерти девушки успел покопаться в ее личных вещах. Но ситуация становится еще более загадочной, когда в город приезжает молодой человек по имени Люк, который пытается узнать о причине смерти своего отца много лет назад. Оказывается, некоторые жители Блюхэвена просто исчезли, а вся информация о них оказалась стертой. Фэй понимает, что только ей под силу разобраться в произошедшей с ее лучшей подругой трагедии, а заодно и в тайнах ее родного городка. Но иногда некоторые тайны лучше оставить нетронутыми...

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

© Николаев А., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ISBN 978-5-699-90426-6 ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Я не рассказчик.
И все-таки это мой рассказ.
Я могу доказать, что он правдив.
Ты мне не веришь?
Тогда прочти эту книгу. В конце
ты найдешь доказательство.

Фэй Мейсон

Все, о чем думает человек, существует.

Роджер Шерами

Пролог

Светильники зала для собраний слепили ей глаза, в то время как снаружи, за высокими окнами, царила полная темнота. Температура здесь, внутри, была просто невыносимой. На побережье штата Мэн все еще стояла гнетущая летняя жара. По ночам над городом бушевали грозы, а днем облака рассеивались.

«Последние славные денечки», — подумала она.

В зале царила напряженная тишина, и все выжидающе смотрели на нее.

Она сделала глубокий вдох. Как же ей хотелось обратить время вспять и начать все сначала. Без ошибок.

— Может быть, еще слишком рано, — сказала она.

— Что это изменит? — Голос был пугающе холодным.

— Каждый последующий день может принести с собой какое-нибудь изменение,

другое решение, — возразила она решительнее и увереннее, чем чувствовала себя на самом деле.

Она огляделась вокруг. Уже давно больше не существовало «правильно» и «неправильно».

Только одна пара зеленых глаз выражала понимание и сочувствие. Остальные уже приняли решение. Однако в конце концов кивнул и он. Ее последний союзник.

Но она не сдавалась.

— Неужели это действительно единственное средство?

— Игра стоит свеч, — убежденно возразил он, и сразу стало понятно, что он хорошо обдумал это заявление. — Я абсолютно уверен в этом. Нет никакой необходимости в еще одном эксперименте. Наконец-то оправдаются все наши усилия последних лет. Та цель, к которой мы так долго стремились, теперь находится прямо перед нами.

Остальные подтвердили свое согласие довольными улыбками.

— И ведь нет никакого риска. В конце концов, ты сама позаботишься об этом, не так ли?

Она вздрогнула. Кто из них сказал это?

— Хватит разговоров. Лето закончилось. Давайте примем решение.

Вопрос, сделают ли они это, отпал сам собой.

Она постаралась успокоить себя мыслью о награде. Знание и накопленный опыт — сколько поколений будут благодарить их за это? И разве она сама не гордилась тем, как далеко они продвинулись?

Она кивнула.

Вдох облегчения разнесся по залу. Она встала, подошла к окну и распахнула его. Но душный, теплый воздух не принес облегчения.

— Тогда мы переходим к следующему пункту, — донеслось до нее со стороны стола. — Новый член клуба.

Она вернулась на свое место, и у нее снова возникло непреодолимое желание возразить.

— С этим ничего не получится.

Указательный палец, украшенный перстнем с печаткой, был направлен прямо на нее.

— Я знаю его лучше, чем ты.

— Когда? — спросила она, после того как все остальные лишь молча кивнули.

— Чем раньше, тем лучше.

Она закрыла глаза. В ее голове пронесся ураган мыслей, выражавших страх и раскаяние. Горечь и... надежду.

— А если она это выяснит? Или он предаст наше дело?

С противоположного конца стола донесся сухой, хриплый смех.

— Он никогда не сделает этого, — просто сказала она. — Никто не предаст «Клуб понедельника».

Глава 1

Что-то разбудило меня. Некоторое время я не шевелилась, а напряженно прислушивалась, стараясь понять, не является ли странная мелодия всего лишь плодом моего воображения. Но Оз тоже прореагировал. Мой черный кот резко поднял голову и уставился на меня. Его задранный вверх хвост подрагивал от возбуждения, в то время как звуки странной мелодии то стихали, то снова становились громче.

Немало озадаченная этим обстоятельством, я сбросила кота со своих ног. Громко фыркая, Оз спрыгнул с кровати на пол и поспешил спастись бегством сначала на письменный стол, а потом на книжную полку. Я приподнялась в постели, наклонилась к окну и, потянув за шнур, подняла жалюзи вверх.

В эту ночь луна светила как-то странно. Белое пятно, которое просвечивалось сквозь

прозрачное облако, казалось, покачивалось в ритме аккордов. Пахло красными розами, которые папа высадил под моим окном. Когда мама была еще жива, он специально к ее дню рождения выписал из Англии новейший сорт роз «Летняя песня».

Ни один листок не шевелился на высоком вязе, ветви которого доходили до фронтона крыши и касались окна моей комнаты. Значит, я никак не могла спутать слабый шум с ветром, который в нашем городке Блюхэвен дул над морем почти в любое время года.

Нет, кто-то должен был исполнять на каком-то музыкальном инструменте эту постоянно повторяющуюся мелодию.

Я вытащила из стенного шкафа свою форму для бега, натянула брюки и надела футболку с гербом средней школы Уэстона, а затем осторожно пробралась ощупью по темному коридору, чтобы не разбудить папу.

Деревянные половицы под моими босыми ногами казались холодными как лед, и я была настолько занята тем, чтобы двигаться бесшумно, что не заметила открытую дверь ванной комнаты и в темноте натолкнулась на нее правым плечом.

Я на мгновение замерла, однако ни один звук не долетел из спальни, где папа спал на огромной двуспальной кровати, которую

они с мамой обнаружили в одном из антикварных магазинов города Салем задолго до моего рождения.

Спускаясь вниз по лестнице, я следила за тем, чтобы не наступать слишком сильно на древние деревянные ступеньки, которые громко скрипели, как только мои босые ноги их касались. Постепенно музыка начала стихать. Когда последняя ступенька лестницы осталась позади, музыку заглушили другие звуки. Я облегченно хихикнула в кулак.

Из гостиной раздавался громкий храп, звучавший действительно опасно для жизни. Дыхание папы было прерывистым, и, наконец, его храп прервали сирены полицейских машин из какого-то телевизионного фильма.

Я бросила взгляд сквозь стекла широкой двустворчатой двери. Папа снова дремал перед телевизором и теперь крепко спал с широко открытым ртом. Все подушки сползли на пол, а крышка массивного дубового стола была усеяна крошками от чипсов. Кроме того, пустой бокал свидетельствовал о том, что после окончания работы в «Новой Ложке», где папа никогда не употреблял алкоголь, он позволил себе пропустить бокальчик красного вина. По телевизору шел его любимый сериал, в котором старшему инспектору Тому Барнеби хватало девяно-

ста минут, чтобы раскрыть преступление, которое детектив Джон Лютер сразу положил бы под сукно.

Я уже вытянула руку, чтобы повернуть потертую латунную дверную ручку, открыть дверь и разбудить папу, но в самый последний момент передумала.

«Ты опять не можешь спать? — Таков был бы его первый вопрос. — Что случилось? Боишься первого школьного дня, Фэй? Или проблемы с парнями? Если да, тогда пришли ко мне Джоша, чтобы я мог его отчитать».

Так мой папа пытался приуменьшить серьезность моей проблемы со сном, при этом он точно знал: на вопрос, почему же мне не спалось, ответа не было.

Я схватила свои кроссовки для бега, осторожно достала из комода карманный фонарик, открыла входную дверь и тихонько прикрыла ее за собой. Свои зеленые кроссовки я надела только тогда, когда гравийная дорожка осталась у меня за спиной.

Меня встретила тишина, и только теперь мне пришло на ум, что звуки музыки могли доноситься из работающего телевизора, а не были фрагментами прошлого кошмара, содержание которого я никак не могла вспомнить и который оставил после себя лишь гнетущее чувство тяжести на душе.

Я продрогла и поэтому застегнула молнию куртки до подбородка. В конце августа в безоблачные ночи температура падала уже ниже десяти градусов. Я быстро прикинула, в какую сторону мне следует повернуть. Чтобы добраться до пляжа, мне понадобилось бы минут пятнадцать. Тогда я решила побежать в противоположном направлении. Подошвы моих кроссовок поскрипывали и напомнили мне звук, который издавали тормоза папиного старого «Форда». Уже через несколько шагов в тусклом свете уличных фонарей я перешла на привычный равномерный темп бега, словно собиралась пробежать ежедневные пять тысяч метров на спортивной площадке нашей школы. Благодаря упорным тренировкам я выиграла в прошлом году чемпионат среди школьников в Каунти.

Бессонница стала неотъемлемой частью моей жизни с тех пор, как я появилась на свет, точно так же, как шум волн в порту и запах соли в свежем морском воздухе. Другие страдают от сенной лихорадки, высокого давления или диабета. Меня же мучил феномен, для которого придумали сложное название *идиопатическая инсомния*, причины которой до сих пор так и остаются невыясненными. Речь шла об очень редком нарушении сна, объяснила мне моя тетя Лиз, как будто это могло меня утешить.

Несмотря на бессонницу, я была счастливым человеком. У меня были папа и Лиз, которые безумно любили меня, Джош, мои друзья, и разве имелось где-то на земле место лучше, чем наш уютный, чистенький Блюхэвен? Нет. Здесь можно было, не опасаясь за свою жизнь, бегать в одиночку по городским улицам. Почему бы и нет? Никто в нашем маленьком городке никогда не запирал входную дверь на ночь. Сейчас я могла бы запросто войти в отель «Блюхэвен Инн», устроиться в мягком кресле в фойе и поставить DVD с каким-нибудь интересным фильмом. Никто бы этого даже и не заметил, а если бы все-таки заметили, то Стефен, владелец гостиницы, в футболке с короткими рукавами и широких шортах, возможно, принес бы мне колу, прежде чем снова улечься в постель.

Я подумала, не зайти ли мне к Эми. Мы не виделись восемь недель — как мне показалось, целую вечность. Мне сильно ее не хватало. В своем вчерашнем сообщении она написала, что слишком устала, чтобы встретиться со мной вечером.

Это полностью выбило меня из колеи. С каких это пор она была такой усталой, чтобы не встречаться со мной? И почему она прислала только короткое сообщение, вместо того чтобы позвонить?

С другой стороны, если она действительно так вымоталась, как она пишет, то

тогда мне не стоит бросать камушки в ее окно и будить ее среди ночи. Людей вообще нельзя будить, никто не знал это лучше меня самой.

Будучи полностью поглощенной своими мыслями, я уже собиралась пересечь Хай-стрит, как что-то коснулось моей руки, и я была вынуждена резко опустить голову, чтобы уклониться от низко свисавшей ветки. Эта ветка выступала далеко на улицу и являлась частью буйно разросшегося куста рододендрона, почти полностью закрывшего почтовый ящик, из которого торчали рекламные проспекты и газеты.

Я резко остановилась и попыталась разглядеть дом, расположенный позади пышных кустов, но тщетно. С давних пор этот земельный участок с находившимися на нем постройками был у городского муниципалитета бельмом в глазу, но заброшенный дом и запущенный сад издавна неодолимо притягивали меня.

Конечно, в покосившейся вилле не было никаких привидений. Или, точнее говоря, теперь не было. Все обстояло иначе, когда Эми и я были еще детьми. Тогда призраки Фуллера, как мы их называли, давали пищу для нашей бурной фантазии.

Однажды, после того как сильный ураган повалил множество деревьев и сорвал с домов несколько крыш, мы обнаружили

в дальней от улицы части дома разбитое окно. С этого момента мы регулярно забирались в этот дом и на несколько месяцев объявили его нашим секретным убежищем.

Неожиданно я снова почувствовала этот запах. Неприятный запах гнили, стоявший во всех комнатах заброшенного дома и намертво въевшийся в стены. Белые льняные простыни, наброшенные на мебель, покрывал такой толстый слой пыли, что попавшие в него мухи так и оставались в нем, а сами простыни были такими ветхими, что, по-видимому, только паутина удерживала материал, не давая ему рассыпаться в прах. Я часами лежала на пыльных деревянных половицах, из трещин в которых выползали мелкие жучки, и слушала рассказы Эми о доме. Эту путаницу из слухов, сплетен и тех фактов, которые нам удавалось вытянуть из Лиз, Эми так здорово приукрашивала силой своего воображения, что мы и сами уже не могли отличить правду от вымысла.

Своими расспросами мы, наверное, всех достали. Уильям Фуллер, последний владелец дома, очевидно, бесследно исчез задолго до нашего рождения, и никто не знал, куда он подевался. Для Эми его судьба была неразрывно связана с жуткой комнатой на самом верху, под крышей, в которой, очевидно, проживала девушка или женщина, так

как она была обставлена белой мебелью, которую кто-то украсил узором из алых роз.

Эми, к любимым книгам которой тогда принадлежал роман Шарлотты Бронте «Джейн Эйр», была уверена: Уильям Фуллер держал незнакомку взаперти в этой мансарде.

Доказательствами служили не только глубокие царапины на деревянном изголовье кровати, но и покрытое плесенью старое стеганое одеяло, о котором я неожиданно снова вспомнила с содроганием. Настоящие облака пыли поднялись вверх, когда однажды, спасаясь бегством от сумасшедшей Мисси Остин, часто бродившей тогда по дому Фуллера, словно привидение, мы бросились на эту кровать в комнате на чердаке.

Я... нет, Эми... потеряла тогда свою заколку для волос. Когда мы убедились, что Мисси ушла, то в поисках заколки вытрясли стеганое одеяло, и тогда я обнаружила это. Все получилось совершенно случайно. Я провела рукой по лоскутному одеялу, сшитому из разноцветных кусочков материи, и нащупала в одном месте не мягкую вату, а нечто плоское, что тихонько похрустывало.

Я показала это место Эми. Она внимательно рассмотрела красный квадрат, в который была вшита луна, и показала на шов: «Ты видишь это?»

В первый момент я не поняла, на что намекала Эми, но потом до меня дошло. В то время как остальные фигурные лоскутки были пристроены к одеялу ровными машинными стежками, луна была пришита к одеялу грубо, от руки.

В течение нескольких секунд Эми распорол этот шов. Она засунула руку между двумя слоями материи и вытащила клочок бумаги.

Я помню, что меня охватило такое чувство, словно мы нашли драгоценное сокровище.

«Послание», — благоговейно прошептала Эми, вертя бумажку в руках. Это оказалась обратная сторона обоев, на которой кто-то нацарапал одно-единственное предложение. До того момента, пока мы не обнаружили эту записку, наше незаконное проникновение в дом Фуллера являлось для нас всего-навсего захватывающим приключением. Но теперь я никак не могла избавиться от чувства, что в этом доме действительно произошло нечто ужасное.

Мне показалось, что свет уличного фонаря неожиданно начал мерцать, когда я снова воскресила в памяти это предложение, написанное неровным корявым почерком:

Помогите, меня держат взаперти

Глава 2

Какой-то шум отвлек меня от этих воспоминаний. Я вздрогнула и посмотрела в сторону дома. Из запущенного сада сквозь густые кусты до меня донесся жалобный звук. Я не знала, что и подумать, так как в особенно тяжелые фазы своей бессонницы была вынуждена постоянно бороться с ее последствиями. Иногда я начинала путать сны и реальность или слышала шумы и голоса, которые не существовали в действительности. Порой у меня начинало рябить в глазах.

Крапива обожгла мои руки, а колючки больно впились в плечо, когда я протиснулась сквозь ворота, чтобы выяснить причину странного шума. Постепенно этот звук превратился в жалобное причитание, от которого у меня по спине побежали мурашки.

Нигде в мире не было более спокойного места, чем наш Блюхэвен, а что касается

того письма в одеяле, то я пришла к выводу, что это Эми сама написала его и спрятала, чтобы убедить меня в своей *Джейн Эйр*-теории: якобы в доме Фуллера насильно удерживалась какая-то женщина. Тем не менее в этом жалобном причитании было что-то жуткое.

Узкая дорожка, представлявшая собой едва заметную тропинку, вилась передо мной сквозь высокую траву. Уложенный здесь некогда слой гравия полностью исчез под густой травой и мхом, а разросшиеся во все стороны кусты закрывали мне вид на окна нижнего этажа дома Фуллера.

— Есть там кто-нибудь? — громко крикнула я и продралась сквозь кустарник, листья которого были влажными от ночной росы.

Однако чем глубже я залезала в заросли, тем тише становилось бормотание, пока окончательно не сменилось другим звуком.

Уии-ии-ии.

Было ли это какое-нибудь животное?

Уии-ии-ии.

Нет, так как теперь я снова услышала, как кто-то бормотал что-то себе под нос.

Трава, доходившая мне до бедер, была здесь притоптана, и четко видный след привел меня прямо к стене дома слева от веранды. Очевидно, я двигалась достаточно шумно, так как монотонное бормотание неожиданно прекратилось.

Я тоже остановилась, поскольку мне показалось, что из-за кустов на меня пристально смотрели два глаза. Шелест клена превратился в топот ног по траве. Шаги быстро удалялись. Мои руки покрылись гусиной кожей, а сердце колотилось так громко, что заглушало шелест листвы.

Я протиснулась мимо буйно разросшихся кустов гортензии и, наконец, заметила тень, которая прижималась к некогда белой стене дома.

Обхватив свое худое тело руками, эта личность пыталась остаться невидимой в темноте.

Я вытащила из кармана своей куртки фонарик и включила его.

Две руки прижались к глазам, пытаясь защитить их от яркого света.

— Нет, нет, нет...

— Мисси?

Стоявшая за кустом женщина медленно опустила свои худые руки и растерянно заморгала в свете фонарика.

Я облегченно вздохнула.

— Что ты здесь делаешь среди ночи, Мисси?

Мисси выглядела еще более опустившейся и одичавшей, чем обычно. Ее спутанные волосы в беспорядке свисали на лицо, а ярко-красная губная помада, нанесенная

неумелой рукой, резко выделялась на смертельно бледном лице.

— Я ничего не сделала.

Я осторожно присела перед ней, стараясь соблюдать дистанцию, чтобы не испугать ее еще больше.

— Успокойся. Я ничего тебе не сделаю.

— Я всего лишь жду.

Мисси уставилась в землю. Ее голос оказался высоким и тонким и звучал как голос маленького ребенка.

— Я Фэй. Не бойся меня. Я дочь Роя, Роя Мейсона. Ему принадлежит ресторан «Новая Ложка». Ты же его знаешь.

Прошло несколько секунд, пока она искаса не посмотрела на меня.

— Рой? Рой Мейсон?

Я предположила, что она лишь тупо повторила имя, так как в Блюхэвене поговаривали, будто она потеряла память. Однако потом у нее, очевидно, наступил один из редких моментов просветления. Кривая улыбка, появившаяся на ее лице, открыла мне ее беззубую нижнюю челюсть.

— Хороший человек. Друг.

Я выпрямилась в полный рост и приблизилась к ней еще на полшага, но в этот момент Мисси опрокинулась навзничь. Прошло несколько секунд, прежде чем мне удалось снова поставить ее на ноги. Мне в нос

ударил резкий запах духов, но, странным образом, мне показалось, что он подходил к ее платью в цветочек, которое я назвала бы винтажным, если бы его носила Джинджер.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Тебе нужна помощь? Мне позвонить моей тете? Доктору Сен Клер?

— Нет, нет, я ничего не скажу.

Она выпрямилась и казалась еще более растерянной и охваченной еще большей паникой, чем прежде. К тому же она спрятала свою правую руку за спину и сощурила глаза.

— Ты хотела войти в дом, Мисси?

Она утвердительно кивнула.

— Так как она вернется.

— Кто?

Она умоляюще посмотрела на меня и прижала указательный палец правой руки к губам.

— Тсс. Это тайна.

И хотя она снова говорила этим своим детским голоском, я почувствовала, как сказанное слово отозвалось эхом в моей душе, приобретя в темноте сада еще более грозное значение.

Тайна.

— Они следят за мной.

Мисси огляделась, и мне на мгновение показалось, что она, словно хамелеон, могла

вращать своими глазами в разные стороны, независимо друг от друга.

— Кому это понадобилось?

Ее голос зазвучал громче.

— Это они тебя послали? Ты должна следить за мной?

Ее лицо, только что выражавшее неуверенность и вызывавшее сочувствие, неожиданно помрачнело. Она схватила меня за руку. Теперь ее движения стали ловкими и уверенными, и она с безумным видом коротко, по-детски, хохотнула.

Как можно спокойнее я сказала:

— Сейчас глубокая ночь, Мисси. Ты должна пойти домой.

Но она снова начала причитать и бормотать себе под нос что-то непонятное, как это было в самом начале.

— Уии-ии-ии. Как же это тяжело. И это щекотно. Как шампанское, говорят... — Она язвительно рассмеялась, потом ее тело содрогнулось, словно получив сильный удар электрическим током. — Как будто ломаются все кости.

Теперь я поняла, что именно в ее голосе смутило меня. Ее голос звучал не только по-детски, но в нем было и что-то механическое. К тому же она говорила так быстро, что я с трудом улавливала смысл.

— Это потрескивает, как огонь, но в конце не остается никакого пепла, — добави-

ла она еще, а после этого резко замолчала и уставилась в темноту.

Издали доносился шум моря, порыв ветра пробежал по траве, словно невидимая рука пригладила ее, чтобы унять дрожание.

Это была странная ночь. В случайной встрече с Мисси было что-то от магии Хэллоуина. От этой мысли у меня по спине пробежали мурашки.

— Мы должны молчать, — неожиданно сказала Мисси изменившимся голосом, как будто к ней снова вернулся разум. — Так будет лучше.

Я с шумом выдохнула воздух, который задержала в груди, и мне захотелось рассмеяться истеричным смехом, а еще лучше посмеяться вместе с Эми. Все это было просто невероятно. Ведь Мисси была сумасшедшей. В конце концов, достаточно было лишь взглянуть на нее. Беззубая, босая и размазанная, как Леди Гага.

Внезапно она сдвинулась с места и, спотыкаясь, проковыляла мимо меня. При этом она цеплялась за буйно разросшийся плющ, который обвивал деревянные столбы веранды. Она бы упала, если бы я не поддерживала ее.

— Проводить тебя домой?

— Домой? — растерянно повторила она.

— Пойдем, Мисси!

Выйдя на улицу, я направилась в сторону

кладбища. Я то и дело оглядывалась, так как не была до конца уверена, что она действительно последует за мной. В конце улицы я показала налево.

— Ты должна идти только прямо, потом повернуть к кладбищу и через сто метров окажешься дома.

— Но я должна привести здесь все в порядок.

— Завтра тоже будет день, — успокоила я ее.

— Дни длинные, — пробормотала она, и это прозвучало скорее как констатация факта, так как по ее виду нельзя было сказать, что это ее пугало.

— Ночи тоже, — заметила я в ответ.

Это был самый длинный разговор, который я когда-либо вела с Мисси. Бедная, сумасшедшая Мисси, которая воровала все подряд, как сорока, и являлась такой же неотъемлемой частью Блюхэвена, как небо, море, мощеные объездные дороги, обширные, ухоженные газоны и уличные фонари со своими дугами, выполненными в романском стиле.

Пробил колокол. Был час ночи. И я вспомнила о том, почему проснулась.

— Ты тоже слышала эту музыку, Мисси?

Она так резко отпрянула в сторону, что чуть было не свалилась вниз со склона. С моей стороны было ошибкой упоминать

музыку. Она и без того была достаточно сильно сбита с толку.

— Ведь ты меня не выдашь, да?

«Мне еще никогда не повредило то, о чем я молчал», — так всегда говорил мой отец.

— Нет, не беспокойся, я тебя никому не выдам.

В отличие от нас Мисси жила в своем особом мире. В таком мире, из которого она, по всей видимости, так никогда и не вернется.

«Некоторых покидает жизнь».

И это тоже сказал мой папа.

Глава 3

Кроме меня лишь немногие ученики приезжали в школу на велосипеде. Из близлежащих населенных пунктов большинство учеников привозили в Блюхэвен на школьных автобусах. Слишком опекающие родители доставляли своих детей на машинах и высаживали их прямо перед школой. Многие из моего выпускного класса уже имели собственные автомобили, как Кэйлеб и мой друг Джош. А вот его сестре-близняшке, Джинджер, повезло гораздо меньше: родители ей не доверяли. Джинджер постоянно нарушала все правила. Она пользовалась автопарком Ланкастеров по своему усмотрению. По ночам она нередко вылезала из окна своей комнаты, и ее можно было найти на всех вечеринках в окрестностях Блюхэвена. Одним словом, она постоянно попадала в переделки. Но мы всегда покрывали ее, где только могли. Так как это было главное правило нашего союза,

который мы заключили, будучи еще совсем детьми. *Один за всех, и все за одного.*

Я нетерпеливо искала глазами Эми. Но ее велосипеда все еще нигде не было видно.

Из нашей компании только Джош и я все лето оставались в Блюхэвене. Кэйлеб вместе со своими родителями, как всегда, уехал в путешествие по Европе, Джинджер навещала кузину в Нью-Йорке. А Эми вдруг совершенно неожиданно решила отправиться в летний учебный лагерь.

Сначала я никак не могла смириться с тем, что в первый раз Эми оставила меня одну на целое лето, но папа сказал, что я эгоистка. Ведь, в конце концов, это я была причиной такого решения Эми. И он был прав. Эми ничего не желала так страстно, как поступить вместе со мной в Гарвард — а чтобы получить стипендию, ей был нужен отличный школьный аттестат.

— Не у каждого, — сказал папа, — есть тетя, которая может оплатить обучение в университете.

В течение лета мы с Эми постоянно перезванивались — но это было далеко не то же самое, что сидеть в порту на причале для яхт и делиться своими впечатлениями. Кроме того, Эми никогда не разговаривала по телефону слишком долго: из-за занятий, домашних заданий или просто потому, что *безумно устала.*

Я могла это понять, но все равно очень скучала по ней. Как ни прекрасно было лето с Джошем, мне нужна была Эми рядом, чтобы чувствовать себя полноценным человеком.

Я снова искала глазами Эми в толпе учеников. Я специально выехала пораньше, так как Эми имела обыкновение являться в школу одной из первых. Но я нигде не могла обнаружить ее ярко-розовый велосипед.

Я медленно повела свой велосипед к стоянке под навесом, которая находилась на переднем дворе школы. Как и каждый год, в первый школьный день на дворе стоял несмолкаемый гул, словно в пчелином улье. Несколько учеников младших классов закрепляли над входом огромный транспарант, на котором яркими красными буквами было написано: *Желаем удачи, выпускники 2016!*

Другие несли цветы в актовый зал, где миссис Хейзел Ирвинг, директриса нашей школы, будет приветствовать нас своей бесконечно длинной речью. Несколько школьников младших классов, стоявшие недалеко от главного входа, то и дело поглядывали на меня. В их взглядах я прочла нечто похожее на восхищение. Всего лишь несколько лет тому назад Эми и я сами стояли на том же самом месте и смотрели на выпускников с такой же смесью зависти и уважения. Тог-

да и мы никак не могли дожидаться, когда тоже окончим школу.

Это было новое, поразительное чувство, когда все вдруг начинают воспринимать тебя с таким уважением и почтением.

В моих ушах все еще звучал плеск волн в бухте, бившихся о скалы. Я чувствовала соль на влажной коже. Слышала крики чаек, заглушавших наш смех. Чувствовала тепло камней, на которых мы лежали, разморенные жарой, повернув лицо к солнцу, тело Джоша рядом со мной и ту дрожь, которая пробегала по моему телу, когда он прикасался ко мне.

Однако с каждым шагом по школьному двору меня все сильнее охватывало чувство беспокойства. Лето закончилось, и теперь начинался, по словам Лиз, один из самых важных периодов в моей жизни.

Я взяла свой велосипед, поставила его в стойку и нагнулась, чтобы защелкнуть замок. И тут я заметила черное пятнышко на своей белой юбке. Какое-то время я просто стояла и в растерянности смотрела вниз. Я не имела ни малейшего понятия о том, как теперь избавиться от этого масляного пятна. Может быть, Эми подскажет мне, как решить эту проблему.

Я вступила на мощеную дорожку, которая проходила мимо уже отцветших кустов рододендрона, и проложила себе путь сквозь

группу загорелых молоденьких девочек, которые остановились, чтобы продемонстрировать друг другу на своих смартфонах фотографии, сделанные на каникулах. По-видимому, они были в седьмом или в восьмом классе. Одна из них была дочерью Элисон. Ей принадлежал супермаркет, расположенный рядом с портом, в котором продавались самые лучшие в штате Мэн сэндвичи с огурцами. С Хоуп, младшей дочерью преподобного Броуди, я была знакома по воскресным богослужениям. Я им приветливо кивнула, когда они услужливо уступили мне дорогу. Не успела я отойти и на несколько шагов, как невольно улыбнулась, так как они начали заговорщицки шептаться друг с другом.

— Вы видели, Фэй поздоровалась со мной!

— Не только с тобой, но и со мной! — тотчас прозвучало в ответ.

— Недавно мой папа был приглашен в особняк Ланкастеров, — услышала я, как хвасталась Хоуп. — Ее тетя, Лиз Сен Клер, и она сама тоже были там. Лоурен говорит, что Джош Ланкастер и Фэй уже помолвлены.

Я невольно рассмеялась, когда представила себе, как Джош упал бы передо мной на колени и сделал бы мне предложение.

Хоуп хихикнула и сказала еще что-то, но я уже ничего не слышала, так как рядом со мной из автобуса высыпала группа уче-

ников, огласивших окрестности громкими криками.

Я прошла на внутренний двор школы Уэстона, где царила благодатная, прохладная, густая тень от вековых дубов. Я направилась к бассейну, из каменистого дна которого непрерывно били ключи с чистой, прохладной водой.

В то время как я погружала свои ладони в воду и тщетно пыталась удалить с подола юбки непокорное масляное пятно, мой взгляд упал на статую Эдварда Уэстона.

Он был не только президентом учредительного фонда нашей средней школы, но, возможно, и самой выдающейся личностью Блюхэвена за последние сто лет. Он написал несколько книг о нашем городе и основал музей.

Памятник был покрыт зеленоватой патиной, что придавало ему «дух» давно прошедших времен, при этом я хорошо помнила похороны Эдварда Уэстона. И нет, я не сочиняла, даже если все и считали это совершенно невозможным, так как в то время мне не было даже трех лет.

В возрасте восьми лет Лиз направила меня к доктору Эрике Майерс, психиатру из Портленда. Она попыталась убедить меня в том, что я спутала похороны Эдварда Уэстона с похоронами моего дедушки, которые состоялись несколько лет спустя. Из-за моей

болезни — так она упорно называла мои нарушения сна — я была якобы слишком впечатлительной. По ее мнению, большое количество раздражителей, видений и образов могли буквально затопить мой мозг. Все было бы в порядке, если бы не моя неспособность все это фильтровать и классифицировать.

Еще тогда я упорно отвергала это объяснение, и не только потому, что мне не нравилась Эрика Майерс. Просто я была абсолютно уверена в том, что мои воспоминания меня не обманывают, так как две детали похорон глубоко врезались в мою память: бесконечно длинная колонна черных блестящих лимузинов, которые очень медленно двигались по заснеженным улицам города в сторону кладбища, и вдова Уэстона Дайана, такая маленькая и хрупкая в своей черной шубке и шляпке, вуаль которой доходила ей до самых плеч.

В то время как мой дедушка умер в середине лета. Я страшно потела в своем черном платье, а Лиз сильно плакала.

Нет, я ничего не перепутала, доктор Майерс!

Я окончательно отказалась от попытки смыть пятно со своей юбки и с любопытством наблюдала за паучком, который быстро спускался на паутинке с широкополой шляпы Уэстона, пока паутинка неожиданно не оборвалась и паучок не упал в воду.

Не повезло!

От легкого порыва ветра листья дубов зашелестели. Я нервно осмотрелась. Все еще никаких следов Эми. Я проверила свой мобильник — никаких сообщений. Странно. До начала занятий оставалось всего лишь десять минут. Немного подумав, я отправилась на поиски Джоша. Если сегодня все так, как бывало всегда — а по какой причине в школе Уэстона что-то должно было вдруг измениться, — то я найду его на баскетбольной площадке, где он по утрам коротал время до начала занятий.

Когда я приблизилась к спортплощадке, то действительно услышала громкий смех.

Раз, два, двигайся!

Раз, два, двигайся!

Я последовала кричалке участниц группы поддержки школьной баскетбольной команды и пошла на знакомый, равномерный звук мяча, когда он ударялся о землю.

Я быстро открыла решетчатые ворота трибуны для зрителей и прошмыгнула внутрь.

На краю баскетбольной площадки стояли три девушки и высоко вскидывали ноги в ритме своей кричалки. Вплоть до последнего года Эми была членом этой группы поддержки — пока школа и оценки не стали для нее важнее.

Я сразу же заметила Джоша. Он как раз вел мяч дриблингом вокруг своего соперни-

ка, каждое его движение было энергичным и отточенным. Я хотела позвать его, но что-то удержало меня от этого. Возможно, это произошло потому, что внезапно он показался мне совершенно чужим, когда стояла там, слегка согнувшись, немного расставив ноги и полностью сосредоточившись на оранжевом мяче, который отскочил к нему. В следующее мгновение он завладел мячом, молниеносно развернулся, устремился к кольцу и высоко подпрыгнул. Я смогла увидеть мяч, как он завертелся в воздухе, и невольно вздрогнула, ожидая, что тот начнет подниматься все выше и выше в небо и никогда больше не найдет путь назад. Мои руки сами собой вскинулись вверх, словно хотели схватить мяч, но он уже ударился о металлическое кольцо и беззвучно проскользнул в сетку.

Остальные игроки окружили Джоша, чтобы восхищенно похлопать его по спине. Я медленно спустилась по ступенькам вниз и села рядом с Кэйлебом, который читал потрепанный комикс и с аппетитом уплетал крекеры с арахисовым маслом.

— А вот и ты, — сказал он и посмотрел на меня с притворным равнодушием. — Что случилось с твоей юбкой? И я хочу непременно услышать все грязные подробности.

— Она плохо уживается с велосипедом. Вот и все.

Он передернулся, очевидно представив, что мне надо было проехать на велосипеде целых полмили до школы.

— Ты должна попросить, чтобы тебе подарили на день рождения машину, как это сделал я.

Кэйлеб захлопнул комикс, очередное издание «Песочного человека» Нила Геймана, и спросил:

— Ты уже что-нибудь слышала о своем втором «я»? Я был уверен, вы с Эми появитесь здесь сегодня утром, держась за руки, после того как так долго не виделись.

— Я ждала ее перед входом в школу. Но так и не обнаружила ни ее саму, ни ее велосипед.

— Действительно необычно. Может быть, ты выяснишь, что происходит. Вчера вечером ее мать меня... — иронично продолжил он, — меня, который обожает и любит ее дочь, просто-напросто спровадила. Обосновав это тем, что наша дорогая общая подруга якобы уже спит.

Выходит, что Кэйлеб тоже еще не видел Эми?

— Да, очевидно, она действительно безумно устала в этом своем летнем учебном лагере, — заметила я с некоторым раздражением.

— На это я могу только сказать, что она сама виновата. Я уверен, у нее было про-

сто отвратительное лето. Учебный лагерь, о боже... — Он закатил глаза. — Ну, что ж, лучше уж я сам поищу ее.

— Не все гениальны, как ты, и не всем обеспечено место в университете, только потому что твой отец учился в — как его там — Институте фундаментальных вопросов в области физики и к тому же располагает необходимой для учебы в университете «мелочью».

Кэйлеб сунул комикс в задний карман брюк, поднялся со своего места и, прежде чем покинуть трибуну, сказал в своей полуироничной и полунадменной манере, которая была типична для него:

— Нет лучшей гарантии потерпеть неудачу, как быть убежденным в том, что успех невозможен, и поэтому даже никогда и не пытаться.

— Вау! — это было все, что пришло мне на ум.

Высоко в небе парили две чайки, и их пронзительные крики прозвучали в унисон с резкими переливами школьного звонка.

Игра закончилась, и младшие школьники собрались вокруг Джоша, который возвышался над всеми. Очевидно, они надеялись на несколько секунд привлечь его внимание, получить от него совет или удостоиться признательного взгляда. Однако Джош заметил меня и быстренько попрощался

с ними, хлопнув каждого по подставленной ладони. Радостно улыбаясь, он подошел ко мне, и мое сердце замерло в груди от охватившего меня волнения. У него были абсолютно правильные черты лица, он унаследовал как красоту своей матери, так и характерные черты лица своего отца. Иногда мне даже самой не верилось, что этот красавец, по которому сходил с ума весь Блюхэвен, выбрал именно меня.

— Эй, ты действительно этого хочешь? — пробормотал он, когда я обвила его руками и поцеловала. — Я же весь потный.

— Именно это я и люблю. Мужской пот.

Он рассмеялся и тоже поцеловал меня. Потом он забросил себе на плечо свой рюкзак.

— Как ты — волнуешься? Ведь, в конце концов, сегодня первый день нашего последнего учебного года. Мы вышли на финишную прямую.

Я громко простонала. Финишная прямая? Скорее это больше напоминало начало марафона. Наступающий учебный год будет заполнен горами домашних заданий, экзаменами, рассылкой заявлений для поступления в колледж и моей работой над ежегодником.

Рука об руку мы поплелись по дорожке, которая проходила между кирпичными постройками и вела ко входу в главное зда-

ние школы. Этому зданию было уже более семидесяти лет, оно возвышалось посреди мягких, зеленых газонов, как огромная глыба, а на его красном фасаде четко выделялись узкие окна. Группки учеников, которые только что лениво бродили по дорожкам или о чем-то шушукались, тотчас распались, и все устремились ко входу в главное здание.

Мы прошли мимо актового зала. Через открытые окна я слышала, как там двигают стулья, до меня донеслись оживленные голоса и громкий смех. Школьный ансамбль настраивал свои инструменты.

— А что насчет сегодняшнего вечера? — слышала я в этот момент голос Джоша. — Поедем в бухту, пока стоит хорошая погода?

Бухта была нашим любимым местом. Она относилась к огромному землевладению бабушки Джоша, Карен, и до нее можно было добраться только по засыпанной щебнем узкой дорожке, ведущей через лес.

— К сожалению, я не смогу. Айдэн, сын Мэнди, наступил на пляже на осколок стекла. — Мэнди была папиной официанткой в «Новой Ложке». — Лиз пришлось наложить ему шесть швов. Сегодня вечером папа предоставил Мэнди выходной, а я вызвалась ему помочь.

Джош остановился, поднял руку и указательным пальцем убрал прядь волос с моего

лица. Этот жест был таким нежным, что мне показалось, будто это прикосновение распространилось на все мое тело.

— Рой наверняка отпустит тебя пораньше... — прошептал он.

— Папа, конечно, ничего не будет иметь против, только...

— Что?

— Собственно говоря, я собиралась встретиться с Эми. Я так давно ее не видела.

— Понимаю, — не скрывая разочарования, вздохнул Джош. — Сначала Эми, потом я...

— Да, ты должен снова привыкнуть к этому, — шаловливо возразила я. — Мужчины приходят и уходят, а лучшие друзья остаются.

Едва я сказала это, как Джош отпустил мою руку. Я уже подумала, что он обиделся, но он лишь помахал Кэйлебу, который приближался ко входу в актовый зал. Рядом с ним бежала Джинджер. То, что Джош и Джинджер были близнецами, возможно, не бросалось в глаза с первого взгляда, но если ты знал их лучше, то не мог не заметить имевшееся сходство. Оба были высокого роста, а их запоминающиеся, выразительные лица очаровывали каждого. Правда, в красоте Джинджер было что-то угловатое, а ее волосы, собранные в дреды, и ее своеобразная одежда, не позволяли ей раскрыться в полной мере.

Джинджер и Кэйлеб не заметили нас, более того, казалось, что они ожесточенно спорили друг с другом.

— Так теперь ты винишь во всем меня?

Громкий, хриплый голос Джинджер заглушал крики младших школьников, которые столпились у входа. Ее светло-рыжие, скрученные локоны развевались на ветру, а ее профиль с немного великоватым носом, казалось, был резко очерчен. Она бурно жестикулировала своими длинными, худыми руками, а когда Кэйлеб что-то ответил, начала нервно грызть ногти.

— Что это с ними происходит? — удивленно спросил Джош.

— Понятия не имею.

Гул голосов в актовом зале усилился, а затем снова стих. Зазвучала музыка. Оркестр заиграл школьный гимн.

— Эй, вы оба. Чего вы ждете? — крикнула нам Джинджер и вместе с Кэйлебом исчезла в проеме двери.

— Что будем делать? — спросил Джош.

— Эми все еще не появилась. Лучше я подожду ее здесь.

— О'кей. Я займу вам места в зале.

Он отпустил мою руку, быстро поцеловал меня в щеку, бегом взбежал вверх по лестнице и последовал за своей сестрой и Кэйлебом.

Я растерянно огляделась. Территория школы опустела. Лишь ветер шелестел ли-

свой деревьев, и отдельные листья, медленно кружась, падали на землю. Я проверила свой мобильник, но опять не обнаружила никаких новых сообщений. Может быть, Эми была уже в актовом зале? Я нервно переступила с ноги на ногу и уже хотела присоединиться к остальным, как подъехала белая «Тойота» Донны и из нее вылезла Эми.

Мне пришлось трижды громко позвать ее по имени, прежде чем она повернулась ко мне.

Я едва смогла узнать девушку, идущую мне навстречу.

Неужели это действительно была Эми?

Разве ее глаза не были гораздо больше, чем раньше? А ее кожа необычно бледной и просвечивающейся? А ее бесконечно длинные ноги, которым я всегда завидовала, стали такими тонкими, что я невольно задалась вопросом, как она могла передвигаться на них, и они при этом у нее не подкашивались.

Мы обнялись, как обычно, и все-таки это было по-другому. Эми одарила меня лишь мимолетной улыбкой. А ее взгляд — он порастил меня до глубины души. В нем было то же самое выражение отчаяния и паники, как в тот раз, когда через три года после своего внезапного исчезновения ее отец снова появился в Блюхэвене, чтобы уговорить Донну переехать к нему в Бостон. К счастью, моей

тете Лиз удалось уговорить Донну не отказываться от спокойной жизни здесь ради человека, который снова обманет ее и опустошит ее банковский счет.

Что бы с ней ни случилось, Эми явно не была готова говорить об этом.

Как можно беззаботнее я спросила:

— Где ты пропадала? Кэйлеб уже собирался отправить поисковую экспедицию.

— Да?

Ее голос, обычно спокойный и теплый, прозвучал хрипло, и я заметила, что на ее впалых щеках появились красные пятна. Она нагнулась, чтобы подтянуть ремешки на своих красных сандалетах.

Передо мной стояла Эми. Моя Эми. Но моя Эми была самым пунктуальным человеком из всех, кого я знала. Моя Эми весело рассмеялась бы, расцеловала бы меня при встрече и задала бы мне тысячу вопросов, даже если бы мы расстались всего лишь несколько минут тому назад. Сейчас мы не виделись восемь долгих недель — а она ничего из этого не сделала. Это просто не укладывалось у меня в голове. Моя Эми никогда не посмотрела бы на меня таким взглядом.

Воцарилось долгое тягостное молчание.

— Пойдем, нам уже пора в актовый зал, — сказала я, в конце концов, сделав вид, что не заметила это неловкое молчание, возникшее между нами.

Мы молча направились ко входу в актовый зал и бок о бок поднялись вверх по лестнице. В дверях Эми помедлила, и я испугалась, когда она неожиданно крепко схватила меня за руку.

— Ты же мневеришь, Фэй, да? — прошептала она. — Всему, что бы я ни рассказала тебе?

— Конечно, поверю, — ответила я, затаив дыхание. — Всему и всегда.

Так же внезапно, как она схватила меня, Эми снова отпустила мою руку.

— Тогда сегодня вечером, в восемь часов, на причале, — сказала она. — Нам надо поговорить.

Вслед за этим она просто пошла дальше, словно ничего не случилось.

По моей спине пробежал озноб, и внезапно я ощутила какой-то странный запах. Он был немного похож на запах жженой резины.

Глава 4

Солнце уже стояло низко над портом, однако жара все еще не спадала. Лишь время от времени легкий бриз колыхал пластиковую занавеску, которая отделяла ресторан от террасы, и прохладное дуновение воздуха проникало внутрь.

Я отерла пот со лба. Всякий раз, когда я покидала кухню, за мной следовал запах стейков, которые жарились на гриле, и порезанного кольцами лука, томившегося в горячем оливковом масле. С пустым подносом в руке я направилась к последнему столу в самом конце зала, на котором группа туристов из Висконсина оставила хаос из засаленных салфеток, липких тарелок и полупустых стаканов, а также довольно скромные чаевые, не насчитывавшие даже и десяти долларов.

Я осторожно составила посуду в стопку на поднос, стараясь при этом ничего не

опрокинуть и не разбить. В течение всего дня я чувствовала себя разбитой и какой-то оглушенной, как часто бывало, если я спала слишком мало. Я вытерла стол начисто и повернулась направо, чтобы пройти вдоль длинной барной стойки на кухню. Мой взгляд непроизвольно упал на зеркало, висевшее над полкой со спиртными напитками.

На мгновение девушка в зеркале показалась мне странно чужой, словно я не узнала свое собственное отражение в зеркале. При этом я выглядела как всегда. Вот только выражение моих темных глаз было, пожалуй, слишком серьезным. Несколько прядей моих пышных черных волос выбились из конского хвоста. Моя кожа была гладкой и — как это называл папа — белой как молоко; она оставалась такой даже после долгого лета. Я могла делать с ней все, что угодно, но максимум, чего я могла добиться, так это получить всего лишь несколько веснушек.

«Как Белоснежка», — сказала однажды Эми, а я возразила, что не хотела бы лежать в стеклянном гробу, находясь в состоянии летаргического сна, по крайней мере, до тех пор, пока вблизи не появится принц.

Когда я сейчас вспомнила тот давнишний наш разговор, то в моих ушах снова зазвучал счастливый голос Эми и перед моим внутренним взором возникла картина, как она непроизвольно пританцовывала при этом.

И, напротив, сегодняшняя наша утренняя встреча в школе засела у меня в голове как заноза. Растерянность не оставляла меня в течение всего дня, и чем ближе был вечер, тем сильнее я волновалась.

После приветственной речи в актовом зале я последовала за Эми к нашим запирающимся личным шкафчикам, которые с первого дня нашего пребывания в средней школе Уэстона располагались рядышком. Все еще шокированная ее внешним видом, я хотела непременно выяснить, о чем она собиралась поговорить со мной. Я пыталась всеми доступными мне средствами добиться от нее вразумительного ответа, но всякий раз Эми уклонялась от разговора, упорно качая при этом головой и упрямо намекая на то, что я узнаю это сегодня вечером.

В конце концов, я оставила свои попытки разговаривать с ней и нетерпеливо наблюдала за тем, как Эми тщательно приклеивала к дверце своего шкафчика сначала расписание уроков, потом список учебников и, наконец, таблицу с указанием учебных классов и аудиторий. Потом она вытащила из своего рюкзака еще четыре записные книжки и разместила их на верхней полке. Эми всегда таскала с собой по меньшей мере две из этих записных книжек, которые она скрепляла между собой широкой зеленой резиновой лентой. В эти записные книжки

она записывала буквально все: свои наблюдения, небольшие рассказы, отрывки разговоров, любимые слова, различные списки, стихотворения, короткие истории. Эми писала действительно хорошо, и мы частенько зачитывали друг другу что-нибудь из этих ее записей.

Я осторожно поинтересовалась у нее о летнем учебном лагере, и у меня отлегло от сердца, когда она сначала нерешительно, а потом все оживленнее стала рассказывать о трех девушках, с которыми познакомилась летом, — о Мэй, Лоре и Эмили.

— Мэй хотела непременно стать писательницей, — сказала она. — Второй Вирджинией Вульф, понимаешь, такой же печальной и такой же гениальной. — Она захлопнула дверцу своего шкафчика и посмотрела на меня. — А Лора... она очень тосковала по дому. Постоянно говорила о том, как скучает по своим друзьям. Она то и дело редела.

Впервые за это утро Эми одарила меня робкой улыбкой. И у меня сразу стало легче на душе.

— И еще там была некая Эмили, — сказала, наконец, Эми. — Какая же честолубивая карьеристка! — Судя по тому, как она сморщила нос, это снова была моя прежняя Эми. — Она день и ночь занималась зубрежкой, хотя у нее что-то было с сердцем, какой-то мио... Еще раз, как это правильно

называется? Ведь это же ты у нас собираешься изучать медицину.

— Миокардит?

— Точно. Иногда она занималась до посинения, а потом теряла сознание и падала без сил. Я была вынуждена постоянно быть на чеку и приглядывать за ней.

Я с удовольствием слушала ее. Это снова была та Эми, которую я знала и любила. Да, она сильно исхудала, стала почти прозрачной, но ничего удивительного в этом не было — ведь этот летний учебный лагерь, очевидно, мало чем отличался от исправительного лагеря. Занятия с восьми часов утра и до пяти часов вечера. Ночной отдых с девяти часов вечера, и в дневное время строгий запрет пользоваться мобильником.

Я должна была так много рассказать ей, но... представится ли мне такая возможность сегодня вечером?

«Нам надо поговорить», — сказала Эми, и это прозвучало весьма тревожно. Я знала, когда в воздухе пахло бедой.

Несколько портовых рабочих, которые напряженно следили за ходом футбольного матча на плоскоэкранном телевизоре, начали громко свистеть. Я непроизвольно еще раз посмотрела в зеркало и заметила, что кто-то пялится на меня. Я обернулась и обнаружила за барной стойкой молодого человека в белой рубашке, которого я еще

никогда не видела в наших краях. Его взгляд был спокоен и направлен прямо на меня, и я заметила, что у него были удивительно синие глаза. В них была та же самая глубокая синева моря, которая неодолимо влекла меня.

Группы туристов встречались в Блюхэвене на каждом шагу, но одинокие туристы забредали в «Новую Ложку» крайне редко.

Я отступила на шаг назад, словно хотела уйти от этого пристального взгляда, и чуть было не столкнулась со своим отцом, который вышел мне навстречу через качающуюся дверь и которому в самый последний момент, к счастью, удалось спасти свой полный поднос.

— Осторожно, Фэй, тарелки очень горячие!

— Извини.

Он испытующе посмотрел на меня.

— Все в порядке?

Я кивнула.

— Да, конечно, — сказала я, хотя все было как раз наоборот.

— Если хочешь, то можешь уйти прямо сейчас, — разрешил папа. — Туристов мы уже обслужили, а на кухне осталось не так уж много работы. Наверняка Эми уже с нетерпением ждет тебя, чтобы рассказать о парнях из учебного лагеря. Боюсь, Кэйлебу придется туго.

«Ах, папа, если бы это было так», — подумала я и чмокнула его в щеку.

— Спасибо, ты самый лучший, самый замечательный и самый классный папа в мире.

Он улыбнулся типичной для него улыбкой — сморщив лоб и полузакрыв глаза, при этом правый уголок его рта подрагивал от смущения. Я подозревала, что эту улыбку он выработал у себя еще в юности, тренируясь перед зеркалом. Так как даже если папа и не желал это признавать, он был довольно привлекательный мужчина, и неудивительно, что целая толпа незамужних, разведенных, одиноких, овдовевших и даже замужних женщин Блюхэвена не давала ему прохода — они не стеснялись расспрашивать о нем даже меня.

Но папа был твердо убежден в том, что такой успех у женщин объяснялся только его кулинарным искусством.

Обрадовавшись, что, наконец, смогу уйти из душного кабака, я распахнула ногой дверь, ведущую на кухню. Там я оставила свою сумку, положив ее рядом с окошком выдачи пищи. Я расстегнула молнию и достала из бокового отделения свой мобильник.

Джош вызвался отвезти меня на причал для яхт, а потом снова забрать оттуда. «Тогда ты сможешь сообщить мне, о чем же Эми должна была тебе обязательно рас-

сказать», — шутливо заметил он. Как будто я когда-нибудь выдавала ему наши тайны.

Он мог бы забрать и Эми, но та отказалась. «Прежде мне надо еще кое-что уладить, — сказала она. — Итак, как и договорились, в восемь часов на причале».

Охватившее меня напряжение постоянно росло. Я нетерпеливо набрала сообщение Джошу:

Уже освободилась. Жду тебя на автостоянке.

Несколько секунд я продолжала смотреть на дисплей, однако поскольку никакого ответного сообщения так и не поступило, я сунула мобильник в карман брюк.

Причал для яхт, уходивший далеко в море в районе Холодной бухты, был нашим любимым местом. Собственно говоря, здесь речь шла о лодочном причале маленького частного порта, в котором стояли на якоре яхты семей Ланкастеров и Шерами. Но поскольку добраться до него можно было только по узкой частной дороге, то это было идеальное место для уединения.

Лишь изредка мы встречали там Вирджинию Доннелли, когда она выходила в открытое море на своей яхте «Побег». Вирджиния была правой рукой моей тети Лиз в Медицинском центре Уэстмилл, а наряду с работой

хождение под парусом было ее второй страстью. Она жила настолько уединенно, что мы могли не опасаться, что она заговорит с нами.

Сколько же вечеров мы с Эми провели там, болтая голыми ногами в воде, расположив между нами бумажные пакеты с вкуснейшими сэндвичами с огурцами и печеньем «Орео» с белым кремом между печенюшками, которое мы обе просто обожали. Мы говорили о Боге и о мире, Эми читала мне вслух, мы много смеялись или молча смотрели на море.

После сегодняшнего странного поведения Эми в школе я с все большим волнением задавалась вопросом, сможем ли мы сегодня вечером снова вернуться к нашей привычной беззаботности.

Из бара донеслись громкие крики портовых рабочих. По всей видимости, для местных болельщиков игра складывалась хорошо, так как кто-то из них крикнул:

— Да, беги, парень, так, словно спасаешь свою жизнь!

Когда крики радости стихли и на какое-то время воцарилась тишина, я услышала, как кто-то сказал:

— Владелец? Это вон тот тип в рубашке в клеточку, который как раз выходит. Рой Мейсон. А почему ты спрашиваешь?

Ответ я не разобрала, так как его заглушили бурные аплодисменты. Тачдаун в пользу «Бостон Пэтриотс».

Я уже сняла с вешалки свою куртку, когда неожиданно услышала, как кто-то назвал имя Джоша и мое. Голос спросившего был мне незнаком, зато я сразу узнала голос того, кто ответил. Он принадлежал Тайлеру Коулману, помощнику начальника управления полиции округа, родившемуся в Блюхэвене и окончившему среднюю школу Уэстона в 2013 году.

Разумеется, не было ничего странного в том, что люди говорили о людях. В конце концов, я сама каждый день делала то же самое с Эми, и, возможно, во всем Блюхэвене не было ни одного человека, которого бы мы при этом забыли обсудить. Но что мог рассказать обо мне и Джоше Тайлер? Я почувствовала, как у меня по телу побежали мурашки, словно моя нервная система подавала сигнал бедствия. Я никак не могла решить, что же мне делать: продолжать подслушивать разговор или предстать перед Тайлером собственной персоной.

Но в этот момент прозвучало имя моей тети.

— Лиз Сен Клер? — переспросил Тайлер. — Да она руководит Медицинским центром Уэстмилл.

Тем самым решение было принято. Недолго думая, я нажала на качающуюся дверь и секунду спустя демонстративно встала за стойкой, оказавшись лицом к лицу с Тайлером.

Тайлер сидел, облокотившись о барную стойку, в левой руке он держал свою форменную фуражку полицейского. С момента окончания средней школы Уэстона он так и не изменил прическу, если в его случае вообще можно было говорить о прическе. Эми считала, что после утренней зарядки и чистки зубов он ежедневно брил себе голову.

Рядом с ним сидел тот самый незнакомец с ярко-синими глазами, который сейчас бесцеремонно разглядывал меня.

— О, привет, Фэй! — По реакции Тайлера я сразу поняла, что он почувствовал себя неловко. — А я и не знал, что ты сегодня здесь. Помогаете своему отцу?

Не дожидаясь моего ответа, он обратился к своему соседу:

— Это Фэй, о которой я тебе рассказывал, ну, ты знаешь, дочь владельца «Новой Ложки» и племянница доктора Лиз Сен Клер. Да, Фэй, а это Люк. Он недавно в Блюхэвене.

Незнакомец протянул мне руку через барную стойку. Когда я взяла ее, он задержал мою руку в своей на мгновение дольше, чем это было принято. Он вел себя так, словно мы с ним уже давно были знакомы, хотя я была абсолютно уверена, что еще никогда не видела его здесь.

— Люк Салерно, — представился он.
Люк Салерно.

И это имя я тоже никогда не слышала.

— Значит, эта забегаловка принадлежит твоему отцу, — громко сказал он, стараясь перекричать гул голосов футбольных болельщиков, которые в этот момент громко выражали свое возмущение фолом на квартиребеке.

— Он не любит слово «забегаловка», — прокричала я в ответ.

— Спасибо за подсказку.

Я кивнула и почувствовала, что смутилась под его пристальным взглядом.

— Что ты делаешь здесь, в Блюхэвене?

— Хочу немного осмотреться.

Никто просто так не осматривался в Блюхэвене. Сюда приезжали либо в качестве туриста, либо портового рабочего.

— И как долго ты собираешься оставаться здесь?

Он поднял руки вверх:

— Посмотрим, что приготовила нам судьба.

Мой мобильник начал вибрировать. Я вытащила его из кармана брюк и прочла короткое сообщение.

Буду через пять минут. Люблю. Джош.

Когда я снова подняла глаза, незнакомец уже покинул барную стойку и направился к двери.

Он был, конечно, симпатичным, но Джош был в два раза симпатичнее. Тем не менее он относился к тому типу «небрежных» парней с модной трехдневной щетиной на щеках, от которых Джинджер буквально сходила с ума. Она бы назвала Люка «лакомым кусочком» и при этом с наслаждением облизала бы губы.

— Как ты думаешь, у нее все хорошо? — Голос Тайлера вывел меня из задумчивости.

— Что ты сказал?

— У Эми все хорошо? — Его взгляд был прикован к моему рту, и он явно нервничал.

— Почему ты спрашиваешь? — поинтересовалась я.

— Ведь обычно вы с ней неразлучны.

— Ты что, шпионишь за ней? Отмечаешь в своем блокноте, где она была? Где она останавливается? Прекрати преследовать Эми!

Тайлер уже давно был влюблен в Эми. В Блюхэвене это ни для кого не являлось тайной. Два последних года он тщетно пытался бесчисленное количество раз пригласить ее на свидание. То и дело он якобы случайно проезжал мимо ее дома на Перкинс-стрит, помогал Донне, где только мог, — короче говоря, пользовался любой возможностью, чтобы увидеть Эми. Одно время мы называли его не иначе как «сталкером». Свое упорное преследование он не

прекратил даже тогда, когда после школьного бала в мае Эми рассказала ему, что теперь встречается с Кэйлебом.

Я обошла вокруг барной стойки, чтобы не кричать во весь голос.

— Прекрати, наконец, бегать за ней. Она и Кэйлеб теперь пара, и так быстро это не закончится.

— Ах да? А вот я в этом не уверен, — сказал он насмешливо, пожалуй, даже злорадно, что было на Тайлера совсем не похоже. Скорее, он был тихим, покладистым типом, даже если это было трудно представить, глядя на его широкие плечи, мускулистые руки и армейскую прическу.

— Что ты хочешь этим сказать?

Он отпил большой глоток колы, затем вытер рукой рот, и на его лице снова появилось это ироничное выражение.

— Скажем так: еще один год, и вы разъедетесь отсюда, не так ли? Колледж и тому подобное. Многое изменится. Вы забудете Блюхэвен, познакомитесь с новыми людьми.

То обстоятельство, что при этом Тайлер, очевидно, не мог смотреть мне в глаза, а все время паялся на висевший вверху телевизор, не на шутку встревожило меня.

— Жизнь меняется быстрее, чем думаешь. Школьная дружба не может продолжаться вечно. Или ты веришь, что вы с Джошем навсегда останетесь вместе?

— Да, я так считаю.

— Продолжай мечтать.

— Тайлер, что все это значит? Ты хочешь мне что-то сказать? Так давай, выкладывай!

— Нет. — Его брови нервно дернулись. — Просто не слушай меня.

Однако в его поведении было что-то такое, что насторожило меня.

— Что, собственно, ты только что рассказывал этому типу? Обо мне и Джоше? И что он вообще делает здесь?

— У него здесь семья, — ответил Тайлер, поднес ко рту стакан и одним глотком осушил его.

— Салерно? В Блюхэвене нет семьи с такой фамилией. — Я взяла свою сумку. — Тебе не стоит так быстро доверять людям. И оставь Эми в покое.

— Может быть, я ей еще пригожусь.

Смех, с которым он это сказал, неприятно задел меня. В нем не было и тени смущения или хотя бы малейшего намека на осознание своей вины. Напротив. Скорее, показалось, что этой последней фразой Тайлер хотел как бы сказать: я знаю нечто такое, чего ты не знаешь.

Эта мысль не давала мне покоя, и мое беспокойство постоянно росло. Что произошло в летнем учебном лагере? Что так сильно изменило Эми? Что ее тревожило?

— Просто оставь Эми в покое, — повторила я.

Не прощаясь, я направилась к двери и распахнула ее правой рукой. На улице, когда я шла по деревянному мостику, по которому можно было добраться до ресторана, построенного над морем на деревянных сваях, мне в лицо повеял свежий ветер. Я сделала глубокий вдох и почувствовала себя так, словно только что вынырнула из воды и, наконец, смогла дышать.

Чайки низко парили над темной водой. Я слышала, как волны налетали на мол и перехлестывали через скалы. Я почувствовала гнилой запах морских водорослей, которые облепили деревянные сваи подо мной.

Солнце склонялось к горизонту, и его последние лучи оставляли на деревянных планках мостика широкие, темные полосы, которые рябили перед моими глазами. Выступающие из воды гребни скал отбрасывали длинные тени, которые в моем воображении могли быть всем, чем угодно. Необитаемыми островами, на которые еще не ступала нога человека. Китами, потерявшими ориентацию и плывущими из открытого моря в направлении побережья. Килем перевернувшегося рыбацкого баркаса, незадолго до того, как он опустится на дно Атлантического океана.

Мой взгляд скользнул по темной автостоянке, которая раскинулась между «Но-

вой Ложкой» и павильонами рыбного рынка в порту. Но я нигде не смогла обнаружить машину Джоша, однако была уверена, что он приедет. Джош всегда приезжал. Он был самым надежным человеком из всех, кого я знала.

А потом я заметила незнакомого молодого человека, который стоял в самом конце деревянного мостика, прислонившись к перилам. Он щелчком отбросил окурок вниз и уставился на воду. Когда он услышал мои шаги на деревянных планках мостика, то выпрямился и двинулся мне навстречу. Его джинсы, которые были ему великоваты, босые ноги в спортивных тапочках, пачка сигарет в нагрудном кармане его рубашки — все это указывало на то, что Люк Салерно относился к тому типу людей, которых не пугала жизнь.

Неожиданно мое сердце забилось так сильно, что я ощутила его биение даже в кончиках своих пальцев. Я нервным движением убрала за ухо прядь волос, выбившуюся из хвостика.

Когда мы встретились в центре мостика, он замедлил шаг, но потом просто прошел мимо меня. Внезапно у меня появилось такое чувство, что Люк Салерно оказался здесь совсем не случайно. Он прибыл в Блюхэвен, чтобы выполнить некую миссию. Он прибыл сюда, чтобы остаться.

Глава 5

Казалось, что узкая полоска облаков, за которой начало скрываться солнце, возникла буквально из ниоткуда. По меньшей мере, я до сих пор ее не заметила. У причальной стенки мелкие камни терлись друг о друга, и при этом возникал шум, похожий на тихие раскаты грома, идущие из глубины моря.

Автостоянка была пуста, не считая нескольких автомобилей, которые и раньше стояли здесь. Несколько буюв плясали на волнах, а стоявшие в порту лодки покачивались на ветру, который с каждой минутой крепчал.

У себя за спиной я услышала пронзительные крики дерущихся чаек, которые набросились на мусорный контейнер, стоявший в нескольких метрах слева от меня. На мгновение я поддалась искушению и чуть было не присоединилась к их гвалту.

Дело в том, что уже около двадцати минут я сидела на скамейке, стоявшей на на-

бережной, и уже в третий раз пыталась дозвониться до Джоша. Когда снова сработал его автоответчик, я разочарованно вздохнула. Это было совсем не похоже на Джоша, раньше он никогда не опаздывал.

Я подумала, что, возможно, Эми уже была на причале, и набрала ее номер, но и на этот раз мне ответил автоответчик.

Я убрала свой мобильник и нетерпеливо огляделась. Нервно переступила с ноги на ногу. Это моя нервозность перекинулась на окрестности, или все было наоборот? Во всяком случае, в воздухе чувствовалось какое-то странное напряжение, даже чайки вели себя необычно.

Совершенно сбитая с толку, я уставилась на мусорный контейнер, где чайки дрались за остатки супербургера.

А потом я увидела, как, шаркая ногами, к контейнеру приблизилась какая-то тщедушная фигура.

Мисси.

На ней была длинная черная юбка и блузка в желто-синюю полоску, а в руках она тащила два пластиковых пакета. Уже издали я услышала, что она разговаривает сама с собой. Возможно, она рассказывала самой себе истории, которые сама и придумала в редкие минуты просветления. Она направилась прямо к мусорному контейнеру. На меня она не обратила никакого внима-

ния. Вероятно, она точно так же забыла нашу встречу вчера вечером, как и мое имя.

Бурно жестикулируя и со словами «Кыш, кыш, прочь отсюда, это принадлежит мне!» она разогнала чаек.

Потом она нагнулась и начала копать в отбросах.

Мисси — это было ее настоящее имя, а для многих здесь, в городке, оно звучало подозрительно похоже на слово «мессия». Она была известна своими рейдами вдоль так называемого «пути мессии», под которым понимались мусорные контейнеры Блюхэвена. В своем маленьком коттедже рядом с кладбищем Мисси раскладывала свои сокровища по картонным коробкам и пластиковым мусорным мешкам, а потом забывала о них. Мой папа, возвращаясь домой из «Новой ложки», часто заносил ей оставшиеся продукты. Иногда и я сопровождала его. Картонные коробки и пластиковые мешки уже громоздились даже на улице перед ее домом, и однажды мы видели, что среди них сидел енот.

Несколько минут спустя Мисси снова выпрямилась, повернулась и, шаркая ногами, направилась ко мне с газетой в руке. Оказавшись передо мной, она протянула мне перепачканный кетчупом номер нашей местной газеты *«Блюхэвен Пэтриот»*.

— Здесь все написано, — сказала она снова с этой своей интонацией, от которой

у меня прошлой ночью руки покрылись гусиной кожей. — Но не написано, когда она придет. Но я умею хорошо прятаться.

Скрипучим голосом она завела детскую считалку:

— *Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, все хорошие дети попадут в рай!*

Она запнулась, подошла вплотную ко мне и с неожиданной робостью положила свою ладонь на мою руку. Она оказалась худой и холодной.

Ее придурковатая ухмылка заставила меня вздрогнуть. Выражение ее лица было как смущенным, так и невинным. Мне казалось, что мне в лицо смотрит само ее безумие собственной персоной.

— Ты обещаешь мне кое-что? Обещаешь это?

— Да, — пролепетала я.

— Ты должна опасаться, — пояснила она сначала тихо, а потом громче, почти сердито. — Но в мое убежище ты не попадешь!

К счастью, в этот момент я услышала шум машины, которая въезжала на автостоянку. Раздался сигнал клаксона, и когда я обернулась, то увидела, что ко мне подъезжал белый «Хаммер» матери Джоша. Через лобовое стекло я увидела, как Джош, извиняясь, поднял руки и покачал головой.

— Не садись в эту машину, — пробормотала Мисси. — Это принесет несчастье.

«Какое несчастье?» — хотела я спросить ее, но она уже двинулась шаркающей походкой в сторону «Новой Ложки» и подобрала с земли алюминиевую банку из-под колы.

Джош наклонился к дверце со стороны пассажира и открыл ее. Я быстро шмыгнула на сиденье.

— Почему ты взял машину Клэр? Или твоя «Альфа-Ромео» не в порядке?

Джош закатил глаза.

— Она-то в порядке. Это Джинджер не в порядке.

О... Я могла себе представить, что там произошло.

— Она позаимствовала твою священную «Альфу»? — Я рассмеялась. — Откуда у нее ключи от твоей машины?

— Она действительно ни перед чем не останавливается. По-видимому, она вытащила их из моего рюкзака. Понятия не имею, куда она уехала.

На самом деле, иногда Джинджер бывала просто невыносима. Как она выразилась, когда вернулась из Нью-Йорка с дредами и в пестрых шмотках? «Сейчас я нахожусь в экспериментальной фазе».

Иногда Джинджер теряла всякое чувство меры. А иногда я почти завидовала ее способности относиться ко всему легко.

Я прикоснулась к кнопке стеклоподъем-

ника и наполовину опустила стекло, чтобы вдохнуть свежего воздуха.

— Эй, с тобой все в порядке? — Джош положил руку на мое колено.

Я посмотрела ему в глаза, задержала свой взгляд подольше, и напряжение сразу спало.

— Да. Просто я рада, что ты, наконец, приехал.

Я ответила на его поцелуй и почувствовала его дыхание, теплое и такое хорошо знакомое. Когда я прикоснулась к его губам своим языком, они оказались на вкус солеными, как море, а его волосы пахли свежестью и прохладой, как вечерний воздух, врывающийся в открытое окно.

— Мне тебя не хватало, — прошептал он.

— Почему же тогда ты опоздал?

— Бабушка. Она пришла как раз в тот самый момент, когда я собирался уже уезжать. Она хотела кое-что со мной обсудить.

Я взялась за ремень безопасности.

— Понимаю.

Конечно, я все поняла. Бабушкой Джоша была Карен Ланкастер. Она руководила семейным предприятием Ланкастеров, целой империей автозаправочных станций, расположенных вдоль побережья, владела многочисленной недвижимостью во всем округе и — как утверждал мой папа — обладала состоянием, которого было бы достаточно

для выживания какого-нибудь провинциального городка.

В сущности, так оно и происходило. Карен Ланкастер была очень великодушна, она оказывала материальную поддержку не только нашей школе, Медицинскому центру Уэстмилл и местной церковной общине, но и спортивным командам города, и без нее преподобный Броуди, вероятно, был бы не в состоянии приобрести новый орган для своей церкви. Но неоспоримым фактом было также и то, что никто не смел перечить бабушке Ланкастер. Если она кого-то вызывала к себе, то нельзя было просто отговориться тем, что тебе нужно заехать за своей подругой, даже если ты и был ее любимым внуком.

— И? О чем же шла речь?

— О вечере следующего понедельника. — Джош немного помедлил. — Меня пригласили на встречу в «Клуб понедельника». В День Труда. Очевидно, они решили уже сейчас принять меня в члены клуба.

Джош убрал руки с руля «Хаммера».

Мне всегда было ясно, что Джош, Кэйлеб, Джинджер и я получим приглашение, но только после того, когда у нас в кармане будет аттестат об окончании средней школы.

— А когда же решится вопрос с нами? — спросила я, пораженная этой новостью.

Джош пожал плечами.

— Бабушка ничего не сказала об этом.

«Клуб понедельника» существовал с момента основания Блюхэвена. В нем были представлены самые древние и самые состоятельные семейные кланы города. Я не знала детально, как возник этот клуб и что связывало его членов, хотя каждый понедельник моя тетя Лиз принимала участие в заседаниях клуба. Эми постоянно пыталась расспросить меня об этом клубе. Но я знала не больше того, что было известно каждому в городе. Когда я спрашивала об этом Лиз, она только смеялась и отшучивалась, якобы встречи были такими же увлекательными, как и библейские вечера преподобного Броди.

Официально было известно лишь то, что «Клуб понедельника» занимается различными вопросами благотворительности. Правда, Джош предполагал, что в его деятельности не последнюю роль играли и хозяйственные интересы. Ведь, в конце концов, их семьи входили в число самых богатых на всем побережье штата Мэн.

Я бросила взгляд направо, где на террасе «Новой Ложки» ветер сорвал кусок красного пластикового навеса; подхваченный ветром, он взмыл вверх, перелетел через перила и упал в море.

— Наверняка скоро речь зайдет и о тебе, — сказал Джош таким тоном, словно хотел утешить меня. До сих пор я постоянно отгоняла от себя мысль, что когда-нибудь

буду участвовать в заседаниях клуба. Будущее — все то, что надвигалось на нас, что от нас ожидалось, — нагоняло на меня ужасный страх. Точно так же, как меня испугали Мисси и заявление Эми, что она должна обязательно со мной поговорить.

Но если Джош уже сейчас получил приглашение на встречи клуба, а я нет, то это должно было иметь свою причину. Не означало ли это, что я еще не была готова? Что мне не доверяли?

— А что с Кэйлебом?

Джош покачал головой.

— Только я.

Меня мучила одна мысль. Если Джош будет принят единственным из нас, то в будущем я даже не смогу его спросить, о чем они там говорили. Он будет не вправе сказать мне это. Еще детьми мы твердо усвоили, что при приеме в клуб каждый обязан дать клятву, что будет хранить абсолютное молчание о встречах членов клуба — с давних пор мы все наизусть знали обет: *Горе тому, кто введет меня в искушение нарушить клятву, и горе мне, если я поддамся такому искушению.*

Неожиданно я почувствовала настоящую потребность остановить время, прямо сейчас. Ничто не должно было измениться; я хотела навсегда остановить это мгновение, как муху в стекле, чтобы сохранить его.

— Фэй, все в порядке? — нежным голосом спросил Джош.

Я уже хотела покачать головой, но в этот момент увидела, как из ресторана выбежал Тайлер. Прижав смартфон к уху, он несясь вдоль автостоянки, пока, в конце концов, не остановился возле своей патрульной машины и что-то не сказал взволнованным голосом. Сразу же после этого он распахнул дверцу машины, запрыгнул внутрь, и тотчас взревел двигатель.

Неожиданно у меня во рту появился какой-то противный привкус, и я закашлялась, чтобы избавиться от него. Закрыв глаза, я откинулась назад и сделала глубокий вдох. Дрожащей рукой я открыла свою сумку, вытащила полоску жевательной резинки и начала медленно жевать. Это оказалась мятная жвачка.

Неприятный, незнакомый привкус исчез, и я снова расслабилась, когда патрульная машина Тайлера приблизилась к нам. Прямо перед нами он резко развернулся, и его машина устремилась к выезду с автостоянки, где он с визгом шин и включенной сиреной, не останавливаясь, повернул налево на Уотер-стрит. Очевидно, выехал по срочному вызову.

— Поезжай, пожалуйста, — попросила я и закрыла глаза, чтобы ничего больше не видеть.

Сейчас не было ничего важнее Эми. Все остальное не играло никакой роли. На нашем привычном месте она мне скажет, что же ее так угнетало, и — все будет как раньше.

Джош медленно поехал к выезду с автостоянки и остановился на перекрестке, в то время как Тайлер на огромной скорости поехал на красный свет светофора, чтобы затем повернуть направо.

— Ты видел только что Мисси? — спросила я Джоша.

Он покачал головой. Поворотник издал легкий шум, когда мы последовали за полицейской патрульной машиной, которую быстро потеряли из виду.

Я подумала, не рассказать ли ему о событиях последней ночи. Но вместо этого сказала:

— Мисси чего-то страшно боится.

— Вероятно, самой себя, — заметил Джош.

Я посмотрела в окно и заметила, что узкая полоска облаков превратилась в высокую гору дождевых туч. Возможно, погода окажется неподходящей для нашей встречи на причале?

Мы поехали мимо кладбища по узкой дороге, ведущей через лес. Она относилась к владениям бабушки Джоша и являлась единственным доступом к пляжу Серебря-

ные пески. Чтобы добраться до причала яхт-клуба, нужно было сделать круг, но главное преимущество этого непроезжего окольного пути заключалось в том, что нам никто не мешал и что не всему Блюхэвену было известно, куда мы поехали.

Мы миновали кладбище и углубились в лес. Качавшиеся на ветру деревья склоняли свои верхушки и, казалось, таращились на меня через ветровое стекло. Словно хотели предостеречь меня от чего-то. Мне стало жутко, и я уже была готова повернуть назад. Но мой папа всегда говорил: «Если однажды выбрал путь, никогда не возвращайся назад». А в таких делах он чаще всего бывал прав.

Глава 6

Вдоль узкой дороги, которой, казалось, не будет конца, с обеих сторон теснились деревья. Их густые кроны растворялись в темноте, так что можно было различить только вздымавшиеся ввысь стволы, которые стояли рядами, как корабельные мачты какого-нибудь старинного галиота.

Я то и дело наклонялась вперед и смотрела через ветровое стекло вверх в надежде увидеть за облаками бледный серп луны, так как когда-то я избрала луну своим талисманом. Она была моим серебряным дозором в те многочисленные ночи, когда я никак не могла заснуть.

Я не знала, от чего сегодня так нервничала. Но Джош, кажется, почувствовал это.

— Вот лето и закончилось, не так ли? — заметил он.

Я тяжело вздохнула.

— И, как всегда, оно было слишком коротким.

Машина остановилась. Джош наклонился ко мне и взял мое лицо в свои ладони.

— Но я никогда не забуду его.

— Я тоже не забуду, — прошептала я и ответила на его поцелуй. — Но сейчас меня ждет Эми.

— И это означает, что мне снова придется делить тебя с ней.

Я испытующе посмотрела на него со стороны и почувствовала облегчение, когда увидела, что он улыбается.

Джош снова тронулся с места. «Хаммер» высоко подпрыгивал на многочисленных выбоинах, имевшихся на лесной дороге, и меня трясло на сиденье, как куклу. Джош рассмеялся, и я уже хотела присоединиться к нему, но в следующий момент мы оба притихли, так как когда мы подъехали к ответвлению дороги, ведущей к Холодной бухте, то оказались перед каруселью из сине-красных световых пятен.

— Что же тут случилось? — пробормотал Джош и резко затормозил.

У меня перед глазами плясали светящиеся точки, а в метрах пятидесяти от нас, казалось, все кишело людьми и автомобилями. Как в ускоренной киносъемке, мы проехали мимо ярко освещенного автомобиля-эвакуатора аварийной службы с надписью «БАТ-ЧЕР» на борту. Дверца была открыта, но я никого не заметила в кабине. Дальше, впе-

реди, я увидела машину «Скорой помощи» и две патрульные машины полиции.

Освещенный ярким световым конусом посреди дороги стоял Фрэнк Тёрнер, который нервным взмахом руки остановил нашу машину. Фрэнк был ответственным начальником городского управления полиции, и я знала его так хорошо, что с самого раннего детства называла его по имени.

Джош опустил стекло и высунулся наружу.

— Что случилось, Фрэнк?

То, как начальник полиции помедлил с ответом, снял свою широкополую шляпу и нервно погладил лысину, заставило мой желудок болезненно сжаться.

— Будет лучше, если вы выйдете из машины, — пробормотал Фрэнк, избегая смотреть на Джоша или на меня.

Джош отъехал в сторону и припарковался позади красного спорткара, на котором ездила Вирджиния, коллега моей тети Лиз.

Снова появилось чувство, что я направляюсь к чему-то, что лежало вне моего контроля.

Я не шевелилась, а смотрела вслед Джошу, как в свете фар он подошел к Фрэнку, переговорил с ним и вдруг бросился бежать.

В этом месте лес уже поредел, море находилось совсем близко. Лиственные деревья, некоторые из которых уже потеряли свои листья, стояли здесь на большом удалении

друг от друга посреди мягкого ложа из мха и трав. Настоящий сказочный лес, через который тянулась — я увидела это только сейчас — уродливая просека. Земля была перепажана следами шин.

Меня бросило в дрожь, а мои колени задрожали, когда я ступила на дорогу. В воздухе стоял запах выхлопных газов и чего-то горелого, вызывавшего у меня смутные воспоминания.

Левой шиной, от которой остались только какие-то лохмотья, машина зацепилась за дерево, и я сразу узнала ее. Это была «Альфа-Ромео» Джоша.

Поднялся легкий порыв ветра. В воздухе закружился листок и упал мне прямо на руку. Я медленно двинулась вперед, словно собиралась парить над землей, причем меня крайне смущал скрип, который мои туфли издавали на дороге со щебеночным покрытием. Он казался мне слишком громким в этой тишине, хотя ни о какой тишине здесь не могло быть и речи, так как окрестности оглашались громкими возгласами, строгими командами Фрэнка и пронзительным звучанием неуместно веселой мелодии мобильного.

«Альфа-Ромео» определенно съехала с дороги и на пять-шесть метров углубилась в лес, прежде чем ее остановило дерево, оказавшееся у нее на пути. Но, и это немно-

го успокоило меня, на первый взгляд показалось, что машина пострадала не очень сильно.

Ведь авария, которая почти не оставила следов на самой машине, не была настоящей аварией, а всего лишь повреждением кузова, не так ли? А полиция, карета «Скорой помощи», пожарные — все это лишь обычные меры предосторожности.

Джош помчался не к своей машине, а к черному джипу Фрэнка, который был припаркован позади машины «Скорой помощи». Как в ускоренной киносъемке, я подбежала к джипу, и первое, на что упал мой взгляд, были разноцветные заколки в волосах Джинджер. В следующий момент я подумала, что ее рот был перепачкан кровью, но потом до меня дошло, что это была всего лишь ее помада. В бледном свете она выглядела как женщина-вамп, и, очевидно, именно этого она и хотела, так как вокруг шеи у нее была повязана узкая кожаная лента с серебряной окантовкой, а поверх платья цвета бордо, глубокий вырез которого Клэр наверняка бы не одобрила, был накинут черный жакет с глубоким запахом.

Я перевела дух. Она была в порядке.

— Джинджер, ты себя хорошо чувствуешь? — спросила я.

Она сидела, завернувшись в одеяло, и в то время, как она по старой привычке, словно

грызун, непрерывно грызла ногти на пальцах своей левой руки, бумажный стаканчик дрожал в ее правой руке. Я забрала у нее этот стаканчик, когда горячий кофе начал капать ей на колени.

— Со мной ничего не случилось, — пробормотала она. — Со мной ничего не случилось. Но ты ничего не должна говорить маме, о'кей? Ты не скажешь ей ни слова. Отец меня убьет.

Ее волосы покрывала пыль, она была бледная как смерть, а на лбу зияла рваная рана, которую кто-то уже обработал. Кровь просочилась ей в волосы.

— Это надо зашить, Джинджер, — непроизвольно вырвалось у меня. — Вирджиния уже видела это? Кстати, где она?

Ища помощи, я огляделась в поисках Вирджинии. Однако нигде не смогла обнаружить ее высокую, спортивную фигуру.

Никто из окружающих не смотрел на меня. Время уходило. Шумы приобрели какую-то призрачную легкость, и у меня возникло такое чувство, словно я воспринимаю все через стеклянную стену.

Откуда-то доносился ритмичный писк, а затем раздался чей-то далекий голос:

— Возьми себя, наконец, в руки, Тайлер, или убирайся отсюда.

Я не слышала, что говорили Джош или Джинджер — их голоса не доходили до мо-

его сознания, так как, когда я выпрямилась, мой взгляд упал на карету «Скорой помощи», стоявшую перед нами, и на нити дождя, переплетавшиеся между собой в кругах света. Когда же успел начаться дождь?

Боковая дверь машины «Скорой помощи» была открыта, однако Фрэнк Тёрнер и Тайлер, которого я заметила только сейчас, загораживали мне вид. Разрываясь между долгом узнать, что там происходило, и желанием просто убежать отсюда, я приблизилась к обоим полицейским.

Когда я находилась шагах в пяти от них, Тайлер отделился от Фрэнка и, спотыкаясь на топком грунте, двинулся в направлении «Альфы-Ромео».

И тогда я увидела Вирджинию, стоявшую внутри кареты «Скорой помощи». На ней были темно-синие джинсы и белая блузка с глубоким запахом, которая подчеркивала загар ее лица. Хотя Вирджиния работала в Медицинском центре Уэстмилл уже в течение пяти или шести лет, она всегда оставалась для меня чужой. Кем-то, кто не был неотъемлемой частью Блюхэвена. У нее не было детей, она не была замужем, и ее единственной страстью была ее яхта «Побег».

Сейчас она склонилась над носилками в машине «Скорой помощи» и загородила мне обзор.

— Мы ее теряем, Энди. — Ее голос прозвучал сдержанно и сосредоточенно, однако то, что она сказала, громко отозвалось у меня в ушах. — Один миллиграмм эпинефрина.

Энди Гоув, санитар службы «Скорой помощи», поспешно набрал в шприц лекарство, и, когда Вирджиния отступила немного в сторону, чтобы взять у него шприц, я увидела красную сандалету, которая висела на левой ноге пациентки только на одном тонком ремешке. Вторая сандалета исчезла, а голые пятки несчастной посинели от холода.

Точно такие же сандалеты были сегодня утром на ногах Эми.

Эми?

От охватившей меня паники я ничего не слышала и не видела, однако не остановилась, а продолжала идти словно на автопилоте. Мысли у меня в голове путались.

— Повторить реанимацию.

— Эми? — Вырвавшийся из моего горла вопль совсем не походил на мой голос. Скорее, это был рев раненого зверя.

Вирджиния испуганно обернулась. Ее каштановые волосы слиплись, а оцепенение на ее лице поразило меня, словно удар током.

Она подала знак Фрэнку и тотчас снова склонилась над кушеткой, однако мне не

было видно, что именно она делала в этот момент.

Рука Фрэнка тяжело опустилась на мои плечи, и мне стало больно, когда он оттащил меня назад.

— Фэй, уйди отсюда, пожалуйста.

Я не произнесла ни слова, но хорошо слышала, как стучали мои зубы.

— Они делают все, что могут, — сказал Фрэнк.

Я довольно часто бывала в Медицинском центре Уэстмилл, и Лиз всегда подробно объясняла мне все, так как когда-нибудь — таков был план — я стану там ее преемницей. Я уже умела расшифровывать электрокардиограмму, знала, что такое дефибрилятор, и мне сразу стало ясно, что с помощью этого прибора для электроимпульсной терапии Вирджиния пыталась заставить сердце Эми биться.

— Еще раз один миллиграмм эpineфрина.

Я слышала голоса — где-то далеко-далеко, — они сопровождались шумом, производимым медицинскими аппаратами. Видела быстрые движения Вирджинии, точные и сдержанные, но одновременно выполняемые в крайней спешке.

Я повернулась и начала отчаянно вырываться, когда сильные руки снова схватили меня и оттащили от машины «Скорой помощи». Только на этот раз меня оттащил назад не

Фрэнк, а Джош. Он крепко обхватил меня руками, и мне нестерпимо захотелось прижаться лицом к его сильному плечу и просто от всего отключиться. Но в то же время я осознала, что не имела права оставить Эми одну.

Собрав все свои силы, я вырвалась. Теперь уже ничто не закрывало вид на машину «Скорой помощи».

Ветер усилился, стал шквалистым, яростный порыв ветра подхватил полотно, которым была накрыта Эми, отбросил его в сторону, и мне показалось, что ее грудь поднимается и опускается, как будто она еще дышала. «Да, — подумала я в отчаянии и одновременно с надеждой. — Они справятся с этим».

«Эми, Эми», — я пыталась послать ей телепатическое сообщение. Если она услышала мое беззвучное обращение, она вернется.

Проходили мгновения, секунды — для меня время перестало существовать. Я могла думать только об Эми. Я снова пришла в себя только тогда, когда в моих ушах зазвучал непрерывный резкий звуковой сигнал.

— Асистолия, — услышала я голос Вирджинии.

Позади меня что-то прокричал Джош, но я отмахнулась от его криков так же решительно, как и от крупных капель дождя, падавших мне на лицо.

Неожиданно рядом со мной возник Тайлер. Я чувствовала, как он дрожал всем телом, словно это дрожала я сама.

Пронзительный звуковой сигнал все еще продолжал звучать в вечерней мгле. Вирджиния выпрямилась и медленно покачала головой.

— Сделай же что-нибудь! — закричала я. — Вирджиния, помоги ей!

Вместо этого она посмотрела на часы и сказала:

— Время смерти: 19.59.

Единственное, о чем я могла думать, было: *«Еще одна минута. Через минуту мы хотели встретиться»*.

Все еще шел сильный дождь, и казалось, что капли дождя притягивались призрачным светом фар, как насекомые. Окружение, люди, приглушенные голоса... Они превращали все в мрачный отрывок из фильма, в котором каждое действие казалось отрепетированным, а каждый диалог заученным наизусть.

— Вирджиния сделала все возможное, Фэй, — услышала я голос Джоша.

Я кивнула, но в душе была не согласна с этим. Все во мне противилось мысли, что борьба за жизнь Эми была бесперспективной. Всегда найдется какой-нибудь выход, всегда возможно спасение. Следует доверять жизни и никогда не сдаваться. Я вы-

росла на этих принципах, они давали мне чувство безопасности, и вот теперь мне показалось, что меня обманули.

До этой самой минуты я не могла себе представить, что можно было ни о чем не думать. Ведь нельзя же не думать *ни о чем*. По крайней мере, что касалось меня. Мои мысли никогда не спали. Но вот теперь моя голова была совершенно пуста, на несколько секунд я почувствовала необыкновенную легкость и всерьез задумалась о том, становились ли страхи в космосе тоже не-весомыми.

До моего сознания дошли слова *пузыри со льдом*. Вирджиния потребовала достать их, и теперь Энди обеспечил Эми чем-то совершенно обыденным: пластиковыми мешками со льдом. Эми была обложена ими, словно в случае с ее телом речь шла о мясе, которое требовалось охладить. Мне стало дурно.

Эми и я.

Как мы ездили на велосипедах с нашими корзинками для пикника в бухту, в которой стояли яхты, как шли до самого конца длинного причала и укладывались на одеяло в красно-белый горошек, подставив лицо солнцу, и как потом она смеялась, так как моя кожа всегда оставалась белоснежной. Соль на нашей коже, ветер, который высушивал наши волосы. Ярко-желтые паруса яхты Вирджинии «Побег», которые выделя-

лись на фоне синего неба где-то в морской дали. После плавания мы жадно набрасывались на наши корзины с едой, проглатывали бесчисленное количество сэндвичей с огурцом и радовались охлажденным с помощью мешочков со льдом фруктовым коктейлям, которые для нас приготовила мать Эми, Донна.

Одна минута. До восьми часов оставалась всего лишь одна минута.

— Пузыри со льдом? Что они собираются теперь делать с пузырями со льдом?

Я не отдавала себе отчета в том, что задала этот вопрос вслух, но, очевидно, так оно и было, так как Фрэнк Тёрнер дал мне вполне логичный ответ:

— Они должны охладить ее тело. Возможно, она рассматривается как донор при трансплантации органов.

— Да, конечно, — пробормотала я, и мне на ум пришло маленькое красное сердечко, внесенное в мои водительские права.

Когда громко взревел двигатель кареты «Скорой помощи» и ее колеса вгрызлись в мокрую землю, я сразу обмякла в руках Джоша. Они оказались недостаточно сильными, чтобы удержать меня. Мои ноги разъехались на мокром грунте. Я оттолкнула Джоша в сторону, когда он хотел поддерживать меня, и неотрывно смотрела вслед машине «Скорой помощи», оранжевые задние

фонари которой медленно удалялись. Ведь я не могла позволить Эми уйти просто так, не могла бросить ее в беде! Я должна была бы сидеть сейчас рядом с ней и держать ее за руку.

Восемь часов прошли навсегда.

На проселочной дороге образовались глубокие лужи, вода капала с деревьев на крышу машины, и я могла видеть, как массивная фигура Фрэнка Тёрнера ходила взад и вперед в свете фар, закутанная в накидку, которая раздулась на ветру, превратившись в большой черный воздушный шар. Он раздраженно что-то выговаривал Тайлеру, который был вне себя и, казалось, выполнял распоряжения Фрэнка с большой неохотой. Они вместе накрыли следы шин «Альфы-Ромео» черной пленкой и отгородили место аварии желтой пластиковой лентой, развевающейся на ветру. Они то и дело нагибались под ней, словно ее здесь совсем не было.

Шум, металлический грохот и глухой стук производил автомобиль-эвакуатор аварийной службы мистера Батчера. Он двигался задним ходом по направлению к «Альфе-Ромео», однако внезапно и совершенно неожиданно на его пути встал Тайлер. Он возбужденно размахивал карманным фонариком цилиндрической формы, затем сел в поврежденную машину и пополз по сиде-

ням. По тем самым сиденьям, на которых я целовалась с Джошем. Сидя на них, Джош запустил руку под мой топик, затем его рука медленно нашла путь к моему бюстгалтеру, и как же мы с ним смеялись, когда он тщетно пытался расстегнуть его. Эти мысли, словно короткие видеоклипы, за доли секунды промелькнули у меня в голове.

— А как быть с Донной? — спросила я. — Кто сообщит ей об этом?

— Сейчас я сам поеду к ней, — сказал Фрэнк, который снова подошел к нам.

Я глубоко вздохнула. На миг я действительно вообразила, что это моя святая обязанность сообщить Донне ужасное известие, так как я была для нее почти что второй дочерью, а она... наряду с Лиз и моей родной мамой, которую я так никогда и не узнала... моей третьей матерью. Я была всегда так счастлива, когда она так говорила, но сейчас я почувствовала огромное облегчение из-за того, что кто-то другой взял на себя эту тяжелую миссию.

— Мы здесь уже со всеми делами справились, — крикнул Фрэнк Тёрнер в направлении Тайлера. — Машину можно увозить.

Но Тайлер не обратил никакого внимания на начальника городского управления полиции, пока тот наконец силой не вытащил его из «Альфы-Ромео» и не поволок за собой.

— Что с вами, Тайлер? Позвольте Батчеру делать свою работу.

Тайлер вступил в большую лужу, когда, спотыкаясь, двигался к нам. Казалось, что прошла целая вечность, пока в мерцающем оранжевом свете автомобиля-эвакуатора Тайлер ползал по земле в поисках своего фонарика, который выпал у него из рук.

— Почему ты вытащила ее из машины? — крикнул он в направлении джипа Фрэнка, и только сейчас я снова вспомнила о Джинджер, которая сидела там, опустив голову на колени и жалобно скуля как раненый зверь. Черные потеки туши испачкали ее белое как мел лицо.

Я едва разобрала ее слова, так тихо она говорила.

— Я хотела только помочь ей.

— Ты должна была подождать, пока не приедет машина «Скорой помощи», — заорал Тайлер.

Казалось, что он буквально кипел от ярости, когда, пошатываясь, двинулся к машине. Фрэнк Тёрнер тщетно пытался его остановить.

— Вы пьяны, Тайлер?

Нет, он не был пьян, так как я хорошо помнила, как он сидел в «Новой Ложке» и одним глотком выпил свою колу. Но теперь он, шатаясь, подошел к Джинджер, встал прямо перед ней и постучал по ее лбу

своим толстым, волосатым указательным пальцем.

— Ты ни в коем случае не должна была ее трогать, понимаешь ты это своими куриными мозгами?

Дождь струился по его лицу, он плакал, и его яростный рев перешел в жалобное бульканье.

— Прекратите, Тайлер. Вы на службе, так возьмите себя в руки, черт вас подери, или я позабочусь о том, чтобы вас отстранили от должности, — сказал Фрэнк.

В конце концов, Тайлер образумился. Он пробормотал себе под нос что-то еще и, наконец, побрел к своей патрульной машине, которая стояла в самом конце целого ряда задействованных полицейских и специальных машин.

Я вцепилась своими пальцами в запястье Джоша. Тайлер любил Эми так же сильно, как и я. И сейчас я ужасно сожалела о том, что мы с Эми насмеялись над ним. Это было непорядочно с нашей стороны. Ведь человек не может выбирать, кого ему суждено полюбить.

Двигатель автомобиля-эвакуатора громко взревел, когда его колеса начали буксовать на мокром грунте, наконец, сцепление оказалось достаточным, и автомобиль, мигая задними фонарями, медленно двинулся по дороге, взяв на буксир «Альфу-Ромео»

Джоша. Завтра об аварии будет напоминать только ограждение.

Дождь бил мне в лицо, и капли скатывались с моего лба, словно оглушенная, я позволила посадить себя в «Хаммер». Я даже не заметила, как Джош вытянул мой ремень безопасности. Только услышав тихий щелчок, с которым ремень вошел в замок, я очнулась от своего оцепенения.

Я не была виновата в смерти Эми и, тем не менее, каким-то непостижимым образом была убеждена в том, что в этом есть и доля моей вины.

Глава 7

Промокшие насквозь и дрожащие от холода, мы стояли в огромном вестибюле Уинди Холла, особняка, в котором жила семья Джоша. Едва держась на ногах от изнеможения и сильнейшей головной боли, я видела все предметы как в тумане. Казалось, что мебель не стояла на своем обычном месте в этом огромном вестибюле, а узкие полосы на обоях неожиданно напомнили мне прутья решетки.

Клэр уже ожидала нас. Она стояла у подножия широкой лестницы, ведущей наверх, которая словно парила в воздухе. Я почти не слышала, о чем говорила Клэр. На ее брючном костюме песочного цвета не было заметно ни одной, даже самой маленькой складки, а ее макияж был настолько безупречен, словно она только что нарядилась специально для нас, но ее веки трепетали, а голос дрожал, когда она поздоровалась с нами. Очевидно, ей было совсем нелегко

скрывать от нас свою растерянность. Когда она заключила меня в объятия, тяжелый аромат ее духов буквально одурманил меня и голова закружилась как на карусели, которая постепенно замедляет свой ход, пытаясь остановиться.

— В первую очередь вам надо согреться, — сказала нам Клэр и прошла вперед в гостиную.

Хотя день был по-летнему теплым, в огромном камине горел огонь. Я бывала здесь уже несметное число раз, однако всегда чувствовала себя скованно и неуютно. Это была такая комната, в которой лучше всего было ни к чему не прикасаться. Торшеры с шелковыми абажурами, обеспечивающие мягкое, спокойное освещение, большие картины с морскими пейзажами на стенах, тяжелые светлые шторы, которые были задернуты, и Розита, домработница из Филиппин, которая со своей сочувственной материнской улыбкой налила нам чаю. Но сейчас, после продолжительного пребывания на улице под дождем и в лесу, это помещение казалось надежным портом.

Клэр принадлежала к роду одной из старейших семейных династий Восточного побережья, я еще никогда не видела, чтобы она потеряла самообладание. В прошлом ее сдержанная, холодная манера поведения иногда действовала мне на нервы, но в этот

вечер я была ей действительно благодарна за эту сдержанность. В этом она была полной противоположностью моему отцу, и именно в этом заключалась причина того, что я не поехала к нему домой. Я коротко переговорила с ним по телефону, и когда услышала его голос, скорбный и печальный, то сразу ощутила в горле горький привкус, возникавший всегда перед тем, когда я собиралась заплакать. Но я проглотила слезы, так как если бы я начала плакать, то потом не сумела бы никак остановиться.

— А теперь вы примете душ и наденете теплые и удобные вещи, — решительным тоном заявила Клэр. — Розита приготовила вам поесть. Сейчас важно, чтобы у вас что-то было в желудке.

— А где папа? — спросила Джинджер, и если еще несколько минут тому назад она казалась испуганной и слабой, то сейчас была, скорее, нетерпеливой и раздраженной.

Клэр поднялась со своего места и присела рядом с ней. Даже если Джинджер и не хотела это признать, они были настолько похожи, что становилось даже жутко, если, конечно, не обращать внимания на одежду. У матери и дочери была одна и та же привычка массировать пальцы, когда они нервничали.

— Он выехал по срочным делам, но постарается вернуться домой, как только

сможет. Адвокаты уже тоже проинформированы.

Джинджер вскочила.

— Адвокаты? В этом не было моей вины, мама.

— Конечно, ты не виновата в этом, дорогая. Ты не должна даже думать о чем-то подобном.

Неожиданно моя головная боль стала просто невыносимой.

— Ты можешь оставить нас одних, пожалуйста? — Джош бросил на свою мать долгий взгляд, словно давая ей понять, что сейчас любая дискуссия с Джинджер была бесполезной.

— Вы уверены в том, что я не смогу ничего больше сделать для вас? — спросила Клэр.

— Ты можешь позвонить Кэйлебу? Пожалуйста, — прошептала Джинджер. — Ты можешь сама сказать ему об этом?

Кэйлеб. Ну, конечно. Как же я могла позабыть о нем. Он и Эми. Эми и он. Мысль появилась словно из ничего... Оказывается, Тайлер был прав. Что еще он сказал в «Новой Ложке»? *Многое часто меняется быстрее, чем думаешь.*

В этих словах Тайлера было нечто такое, что я никак не могла понять. Мысль мелькнула и исчезла, прежде чем я успела ее поймать.

— Я иду в душ, — сказала Джинджер, вытерла глаза рукавом и умоляюще посмотрела на меня. — Ты пойдешь со мной наверх, Фэй?

Я утвердительно кивнула, и неожиданно нас всех охватило какое-то странное стеснение, словно мы только что познакомились друг с другом.

Позднее я сидела, вытянув ноги и подложив под спину дюжину подушек, на кровати Джоша, и в моей голове роились беспокойные мысли. После того как мы приняли душ, мне не стало лучше, да я этого и не ожидала. Родители всегда думали, что такие привычные ритуалы, как прием пищи, чистка зубов или посещение душа, обладали магической силой, способной снова привести все в равновесие, однако в действительности все обстояло наоборот.

Неожиданно меня охватил страх из-за того, что Эми даже и не подозревала, что ей суждено умереть сегодня вечером.

Но разве это не было хорошо?

Разве это не было именно то, что каждый желал себе? Не знать о наступлении того момента, когда тебе суждено покинуть этот мир?

Однако сейчас я испытывала противоречивые ощущения. Мне казалось непостижимым, что вот так просто Эми была выр-

вана из жизни. Но ведь Эми не могла вот так внезапно взять и умереть? Когда я пыталась представить это себе, то перед моим внутренним взором всегда возникала лишь прозрачная, парящая в воздухе оболочка ее тела, которая медленно поднималась в небо и оставляла меня одну в этом бренном мире.

— Как, собственно говоря, это произошло? — спросила я, держа в руке стакан воды, из которого еще не отпила ни одного глотка.

Эми хотела встретиться со мной. Правда, до этого она должна была что-то уладить, так она сказала. Что она имела в виду? И какое отношение это имело к сестре Джоша? Почему обе оказались на пляже вместе?

Джинджер беспокойно металась по комнате. Затем она вытащила из кармана своей толстовки пакетик табака и попыталась свернуть себе сигаретку. Но ее руки дрожали так сильно, что табак просыпался на пол.

— Почему она встретилась с тобой, Джинджер? — спросила я.

Джинджер старалась не смотреть мне в глаза.

— Понятия не имею, все так... расплывчато. Сначала мы ехали вдоль леса... разговаривали... а потом вдруг удар, машина ломается, и дерево... и я...

У меня по всему телу побежали мурашки — появился жуткий озноб, который про-

ник, казалось, до самой глубины души. Я ухватила за последнее замечание Джинджер.

— И ты?

— Я не могу ничего больше вспомнить, — пробормотала Джинджер.

Она смяла неудавшуюся сигарету и бросила ее в корзину для бумаг. А затем беспокойно заходила взад и вперед по комнате.

— Я думаю, что была без сознания.

— Но что произошло с Эми?

— Когда я снова пришла в себя... — Джинджер говорила торопливо, тихонько постанывая при этом. — Она лежала... на руле и больше не двигалась. Я позвала ее по имени, но она просто не шевелилась, и я только подумала, что должна ей помочь. — Она резко остановилась, закрыла глаза и тряхнула головой, словно ей было трудно вспоминать это. — Я вытащила ее из машины. Попыталась нащупать пульс. А ты знаешь, как это дико, когда прижимаешься ухом к грудной клетке другого человека и ничего, абсолютно ничего, не слышишь?

— Что ты сказала? — спросила я после секундного замешательства. — Она лежала на руле?

Джинджер опустила голову. Волосы упали ей на лицо.

— Это я виновата, — прошептала она и указательным пальцем прикоснулась к пластырю на своем лбу, которым Энди, в конце

концов, заклеил рваную рану. — Я не должна была разрешать ей вести машину.

У меня зазвенело в ушах. Я в ужасе уставилась на Джинджер. Мы четверо — Кэйлеб, Джош, Джинджер и я — уже получили водительские права, а Эми еще нет. Она была самой младшей из нас и как раз брала первые уроки вождения у Тайлера, так как Донна была слишком нервной, чтобы научить свою дочь водить машину.

— Почему же ты сама не вела машину?

В комнате повисла гнетущая тишина. Джинджер вскарабкалась на подоконник, обхватила руками свои колени и, повернувшись к нам спиной, уставилась в темноту.

— Ты была пьяна, — констатировал Джош, и впервые в жизни я заметила, что он действительно разозлился на свою сестру-близняшку.

— Я выпила одну банку пива или две, не больше, — воскликнула Джинджер уже почти яростно. — И, черт подери, это же была дорога через лес. Никакого движения, никаких встречных машин. И все было бы хорошо, если бы не лопнуло проклятое колесо. Этого никто не смог бы предвидеть.

Интонация, с которой говорила Джинджер, напомнила мне о тех многочисленных спорах, когда она бывала занята только тем, что постоянно оправдывалась. Почему ее оценки такие плохие? Потому что все учи-

теля идиоты. А почему она ненавидела своих родителей? Потому что они были такими законченными мещанами. У меня до сих пор звучал в ушах ее голос, когда она спорила с нами: «Эй, давайте же просто веселиться. Или вы уже умерли?»

Мое сердце билось так сильно, что я почти не могла дышать и с трудом произнесла следующие слова:

— Эми умерла только потому, что ты напилась.

Джинджер спрыгнула с подоконника:

— Почему я еще жива, а она нет? О боже, я не могу здесь больше находиться. Я просто не вынесу этого.

Сжав пальцы в кулак, она ударила себя по голове.

— Прекрати этот цирк! — крикнул Джош. — Или я позвоню отцу.

— Ну, конечно, сделай это, старший братец. — Джош был на восемь минут старше ее. — Он все равно упечет меня в этот дурацкий интернат, о котором постоянно говорит.

Нетвердой походкой она прошла к двери и вышла из комнаты.

Когда-нибудь Джинджер себя окончательно угробит.

Я почувствовала, как на меня накатило такое безысходное отчаяние, что я уже не могла больше лежать. Вскочив с кровати,

я распахнула дверь и вышла на балкон, который шел вдоль комнаты Джоша и с которого открывался вид на побережье. Море бушевало, и волны яростно бились о берег. Казалось, что облака вспучивали небо так же, как волны воду, ни одна из проглядывавших сквозь них звезд не стояла на своем обычном месте. Если даже небо вело себя неразумно, так как не знало, как ему быть, то тогда и мое сердце никогда не найдет тот ритм, который позволил бы мне увидеть мир в том свете, о котором говорил мой отец: как грандиозную божественную затею, как сцену, предназначенную для проявления уникальности каждого человека, как космос бесконечных возможностей — а я должна была бы только выбирать.

О, папа, как ты мог обещать мне нечто такое, что никогда не сможет выполнить и вся Вселенная?

Рука, которая в сырой мгле легла мне на плечи, была рука Джоша. Я прильнула к нему, и у меня было только одно желание: просто стоять вот так. Всю ночь напролет. Мне не нужно было бы спать, видеть сны, а потом просыпаться. Я могла бы распасться на атомы и пройти часть пути с Эми: куда бы она ни захотела, я была бы с ней рядом.

— Твой отец, — донесся откуда-то шепот Джоша. — Он здесь.

Единственным светлым пятном в темноте была полная луна, которая время от времени появлялась в разрывах между несущимися по небу облаками. Она заставляла ярко мерцать шапки пены, которая погребала под собой скалы и распадалась, как только волны теряли свою силу.

Когда я вернулась в комнату, мой отец стоял в двери рядом с Кэйлебом, который тотчас бросился ко мне и разрыдался в моих объятиях.

— Она ушла. Просто ушла. Я не смогу больше разговаривать с ней, не скажу ей, что она самое важное в моей жизни.

— Кэйлеб, она знала, что значила для тебя.

Это прозвучало как избитая пошлость, по-видимому, и Кэйлеб почувствовал это, так как он негодуяше покачал головой.

— Ты не понимаешь этого, — разочарованно сказал он и высвободился из моих объятий.

Однако я хорошо понимала это. Я знала, какое значение имела Эми для Кэйлеба, с того самого дня весной, когда он показал мне комикс, который сам нарисовал. Тогда он и Эми еще не были вместе. Девушка на рисунке, которая спрашивала *«Кто ты такой?»*, выглядела точно так же, как Эми, а от ответа его героя у меня на глазах навернулись слезы: *«Я буду всем, чем ты захочешь»*.

Мой отец вышел вперед и крепко обнял меня.

— Я решил проверить, как ты себя чувствуешь, — сказал он, и его голос прозвучал беспомощно. — Но, если ты хочешь остаться здесь, я не имею ничего против.

Я осторожно высвободилась из его объятий. Сейчас я не могла смотреть на него, не могла с ним разговаривать, иначе я бы не выдержала и разрыдалась.

— Да, пока я хотела бы остаться здесь, папа, — глухим от сдерживаемых слез голосом выдавила я. — Я чувствую себя хорошо. Тебе не нужно ни о чем беспокоиться.

Конечно, он беспокоился, даже очень, я видела это по его посеревшему лицу, но он никогда не лез мне в душу, как иногда это делала Лиз. Папа до тех пор не беспокоил меня, пока я сама не приходила к нему и не рассказывала обо всем, что было у меня на сердце.

— Лиз уже знает об этом? — спросила я.

— Она еще в пути, я не смог до нее дозвониться. Я уверен, что, как только она прослушает свой автоответчик, так сразу поедет в Уэстмилл. К Эми.

Как она себя чувствует? — чуть было не спросила я, но тут до меня снова дошло, что случилось, и я лишь просто покачала головой, но не могла никак остановиться, пока Джинджер не вернулась в комнату.

— Оставьте ее здесь, мистер Мейсон. Ведь теперь она единственная подруга, которая у меня еще осталась, — сказала Джинджер.

Мы потеряли чувство времени. Душевное состояние Джинджер постоянно менялось: на смену неестественному спокойствию приходили внезапные истерики, при которых она, лежа на кровати, рыдала в подушку. Иногда она дышала так тяжело, что Джош был вынужден успокаивать ее, чтобы она снова могла нормально дышать.

Тем временем Кэйлеб просто тихо сидел здесь с наушниками на голове и слушал музыку. Он даже не вытирал слезы, которые то и дело текли по его щекам.

Я лежала рука об руку с Джошем в его узкой кровати под теплым одеялом, окруженная подушками, словно в поисках защиты в какой-нибудь пещере или крепости.

У меня не было слез, только время от времени я тихо скулила, тогда я прижимала руку ко рту, чтобы подавить всхлипы, а Джош шептал мне в ухо:

— Она любила тебя, Фэй. Действительно любила. Ты не должна привыкать к тому, что она мертва. Ты не должна смиряться с этим. Ты можешь поплакать, если хочешь.

Иногда мы проваливались в кратковременный сон, даже я. Это было какое-то по-

лузабытье, из которого я быстро просыпалась, убежденная в том, что чувствую присутствие Эми, что слышу ее голос, и всякий раз я успокаивалась только тогда, когда Джош гладил меня по спине.

Казалось, что разговоры, отдельные фразы и слова постоянно повторялись.

Я снова и снова спрашивала Джинджер, о чем они разговаривали в бухте, что сказала Эми под конец, но Джинджер только дико трясла головой. Зажав уши ладонями, она наконец закричала:

— Прекрати! Прекрати спрашивать! Я ничего не помню, понимаешь ты или нет?

— У нее шок, — прошептал Джош. — Оставь ее в покое.

Наконец, в комнате стало тихо. Я прислушивалась к равномерному дыханию Джоша, пыталась разобрать непрерывное непонятное бормотание Джинджер и нервничала, так как Кэйлеб беспокойно ворочался с боку на бок.

Так же беспокойно, как и он, ворочалась и я, мучаясь от бессонницы и сумасбродных мыслей.

«Несчастные случаи никогда не происходят просто так, — в отчаянии думала я, — они всегда являются концом длинной, запутанной цепи событий, которые вышли из-под контроля».

Где же было начало? Я отмотала время назад, и все пошло по-другому. В моих меч-

тах Эми никогда не ездила в этот летний учебный лагерь, мы провели каникулы вместе в Блюхэвене и эта авария не произошла.

Неожиданно Эми оказалась рядом со мной, она прошмыгнула через потайной вход моего сознания. Внезапно я услышала ее знакомый, мелодичный голос, каким она читала мне вслух заметки из своих записных книжек.

Ты бежишь по улицам, ты спрашиваешь:
Это ты — жизнь?

Только время, которое проходит...

Этот день. Эта ночь.

Как будто одного-единственного слова

было достаточно, чтобы описать,

Что живет в твоей душе.

Ее лицо парило передо мной, улыбающееся и тем не менее странно отдаленное, как в одном из ее видеоблогов на «Ютьюбе».

Привет, мои дорогие, по ту сторону экрана, добро пожаловать в мир книг Эми. Сегодня речь пойдет о совершенно безумной истории. Только представьте себе: однажды утром вы просыпаетесь и обнаруживаете, что превратились в ужасное вредное насекомое...

А потом она загадочно улыбалась, вызывая у тебя желание непременно прочесть эту историю.

Раньше, когда я целые дни проводила с Эми и грустила оттого, что нам нужно было расставаться, мой отец говорил: «Все равно, где бы ты ни была, луна всегда будет здесь. И точно так же обстоит дело с Эми. Засыпай поскорее, глубоко и крепко, тогда быстро наступит утро. Взойдет солнце, вы вместе пойдете в школу, и ты позабудешь о том, что сегодня вам надо было расставаться».

Множество ночей я вообще *не* спала, но каждое утро Эми была здесь. Вплоть до сегодняшнего дня. И поскольку это случилось, то, возможно, однажды и луна не появится на небе.

Или солнце.

Сколько же сейчас могло быть времени? Казалось, что ночному мраку не будет конца, однако в действительности после аварии, по-видимому, прошло всего лишь несколько часов. Где-то в этом огромном доме хлопнула дверь, в коридоре послышались быстрые шаги. Мои нервы — тонкие, красные нити, пронизывающие все мое тело, — были тем временем так напряжены, что могли в любой момент лопнуть.

Почти тотчас я почувствовала, словно кто-то сдавил мне горло. Если я и дальше останусь лежать здесь, то задохнусь.

Никто из остальных, в том числе и Джош, не заметил, как я откинула одеяло, взя-

ла свою сумку и куртку и выскользнула из комнаты, стараясь дышать как можно спокойнее. Я побежала на улицу вниз по лестнице и через огромный, тихий вестибюль.

Пока двустворчатая дверь закрывалась за мной, в моих ушах вновь зазвучали звуки, знакомая мелодия повторилась, сначала совсем тихо, а потом все отчетливее и отчетливее, словно она возникала из свиста ветра, шелеста листьев и шума моря.

Я больше не боялась. Казалось, что эти звуки были просто частью меня самой, точно так же, как страх был свойственен Мисси.

Тем не менее где-то глубоко в подсознании у меня возникла мысль: *«Выходит, вот как оно выглядит, то, что называется безумием»*.

Глава 8

Я мчалась сломя голову. Еще никогда я не бежала так быстро. Я выбрала дорогу, идущую вдоль побережья. Мои ноги скользили на каменистом грунте, я спотыкалась о мусор, который ночью пригнал бурный прибой и который призрачно мерцал в свете луны — деревянные обломки, пластиковые бутылки, решетки ловушек для ловли омаров, — но не замедляла свой бег. В моих ушах звучала мелодия, мои мысли раскачивались, как маятник, вперед и назад, но как бы быстро я ни бежала, я никак не могла убежать от них.

Что было бы, если...

Что было бы, если бы не...

Авария. Несчастный случай. Эти слова были коварными, они звучали так, словно Эми просто не повезло, как будто, к несчастью, она оказалась всего лишь в неподходящее время в неподходящем месте. Как

будто простое изменение хода событий могло бы предотвратить ее смерть.

Если бы Айден, сын Мэнди, не пошел с няней на пляж, он бы не наступил на осколок стекла, и мне не пришлось бы помогать отцу в ресторане, и мы с Эми смогли бы встретиться раньше.

Если бы Джинджер не напилась, Эми не села бы за руль.

И вообще: если бы Эми не поехала в этот дурацкий учебный лагерь, все лето прошло бы иначе. И у меня не возникло бы это невыносимое чувство, что между нами появилось нечто такое, что я никак не могла классифицировать.

Судьба висела на тончайшей шелковой нити. Малейшая случайность, какая-нибудь мелочь, могла все изменить.

Быстрее, еще быстрее. Дождь прекратился, вместо этого с моря дул странный ветер, с воем врывавшийся в прибрежные скалы, который в эту ночь, словно выпавшую из времени, казался теплым, почти душным. Грозовые облака неслись по небу в сторону побережья, а позади них на фиолетовом небосклоне светились неестественно желтые пятна, которые далеко на горизонте прорезывали яркие, ломаные линии. Не было слышно ни звука, кроме моего пыхтения. Я услышала, как где-то за лесом, раскинувшимся между побережьем и Блю-

хэвеном, проехал одинокий автомобиль, и этот звук прозвучал так отдаленно и незначительно, словно он долетел до меня с другой планеты.

Я окончательно оставила позади себя ту Фэй, которая прошлым утром поехала на велосипеде в школу и самой большой проблемой которой, казалось, было масляное пятнышко на ее белой юбке.

От бега по камням мои ноги налились свинцовой тяжестью, и у меня закололо в боку, однако мелодия в моей голове не перестала звучать. Каким бы сильным ни было испытанное мной до этого чувство, что я разрыдаюсь, увидев своего папу, тем сильнее тосковала я по нему сейчас. Если кто и мог понять меня, так это только он.

Папа не часто говорил о маме, но если и говорил, то спокойным, беззаботным тоном, словно она только что ненадолго вышла. Только изредка на его лице появлялось горькое выражение, когда он описывал, какой юной, боевой и любвеобильной она была, и как она сияла от счастья, когда сообщила ему о своей беременности.

В те годы, когда я ходила к доктору Майерс, я часто видела маму во сне. Сны всегда были похожи, но уже тогда мне было понятно, что все это были всего лишь фантазии, родившиеся в моем подсознании. Как иначе могла бы я вспоминать об одних и тех

же деталях, если моя мама умерла при моих родах?

Мне в память особенно врезалась одна картина. Я видела во сне маму и себя на пляже, как мы бежали в море, держась за руки, и при этом всегда звучала мелодия, которую я постоянно слышала у себя в голове. Как будто кто-то нажал на кнопку «Repeat». И никогда, ни одного раза, мне не удавалось схватить этот большой, красный мяч, который прыгал на волнах. Всякий раз, когда мне казалось, что я вот-вот прикоснусь к нему, он растворялся в воздухе.

Тем временем я покинула каменистую Холодную бухту и теперь бежала по дороге, которая проходила мимо школы Уэстона и вела к шоссе номер 166, единственному шоссе, связанному с автострадой на Портленд. Там оживленное движение не прекращалось ни днем, ни ночью, никто добровольно не ходил по этой дороге пешком. Но это был самый короткий путь домой, и ночью здесь проезжало не так много машин.

Издали донесся слабый раскат грома, и желтоватое мерцание ночного неба усилилось. Воздух был словно наэлектризован, низко висящие над моей головой электропровода раскачивались, и на мгновение мне показалось, что они даже искрят на фоне темного неба.

Мимо проехал один-единственный голубой грузовик, на колесах которого засохли комья земли. Он подпрыгивал на выбоинах и поднимал грязь, которая осталась на дороге после дождя, прошедшего вчера вечером. Я остановилась, зажала уши и отвернулась, чтобы защитить лицо. Когда грузовик проехал мимо, прошло еще несколько секунд, пока улеглась поднятая им серо-бурая пыль.

Примерно в двухстах метрах от меня, рядом с ответвлением к Хай-стрит, находилась автобусная остановка, которая сейчас была пуста и освещалась лишь одним-единственным фонарем. Рядом с ней показался рекламный щит. Огромная афиша приглашала посетить концерт Кэти Перри в Портленде, два угла этой афиши отклеились и развевались на ветру. За наши отличные годовые школьные табели мы с Эми получили от моего папы и Донны в качестве подарка билеты на этот концерт стоимостью по семьдесят восемь долларов каждый. Сейчас мне пришло в голову, что этот концерт состоится через десять дней. Донна хотела сопроводить нас туда.

Я часто заморгала, чтобы прогнать слезы, навернувшиеся на глаза. Мне показалось, что сверху на меня падает темное небо, я не решилась даже вздохнуть, когда все завертелось у меня перед глазами. Позади автобусной остановки внезапно появилось какое-то белое пятно. Девушка, которая шла

мне навстречу, пританцовывала на грязной полоске травы на краю дороги и при этом двигалась с такой легкостью, словно парила в воздухе, да, словно ее руки, которыми она взмахивала вверх и вниз, были крыльями. Но это оказалось не единственным, что напоминало ангела. И белая, развевающаяся рубашка, доходившая ей до колен, казалась совсем нереальной, когда ветер продувал тонкую материю.

Я закрыла глаза. Снова открыла их. Я в отчаянии зафиксировала каждую деталь: помятую металлическую банку из-под пива; рванный пакет для покупок из супермаркета Элисон; грязный синий носок.

Эрика Майерс научила меня: если у меня возникают видения, просто нужно что-нибудь потрогать, чтобы отличить, что реально, от того, что мне только почудилось. Итак, я вытянула ногу и пнула банку из-под пива, которая по широкой дуге отлетела на дорогу, где с громким лязгом откатилась до разделительной полосы и осталась там лежать.

Это было реально.

Девушка все еще была там, и чем ближе она подходила, тем сильнее становилась похожа на Эми.

Мою Эми.

На ту Эми, с которой я уже сотни раз проезжала здесь на пути к причалу.

На ту Эми, которая, взяв у Кэйлеба нож,

просто обрезала свои джинсы, чтобы во время прилива бродить по воде в поисках отшлифованных стеклышек.

На ту Эми, которая так похудела, что я могла видеть ребра, просвечивающиеся сквозь ее рубашку, и которая стояла, пошатываясь на своих исхудавших ножках.

Я, должно быть, сходила с ума.

Я была сумасшедшая.

Я остановилась.

Дул ветер и относил в сторону голос, который звал меня по имени.

Две ночи. Я не спала две ночи.

Эми, моя лучшая подруга, моя родственная душа, умерла. Ничего удивительного не было в том, что я внушила себе, что встретишься с духом Эми.

— Фэй!

Нет, это не могло быть реальностью, даже если я впиалась ногтями в ладони и почувствовала боль.

Эрика Майерс... Я в панике цеплялась за ее образ. Вспомнила, как она сидела в светлом кресле и записывала серебряной авторучкой «Ватерман» каждую деталь моих снов, словно я была преподобным Броуди, который провозглашал Слово Божье. И я не могла забыть тот, как мне показалось, пронизывающий взгляд, которым она смотрела на меня, прощаясь и говоря: *«Ты не сумасшедшая»*.

Действительно не сумасшедшая?

— Фэй!

Эми подходила все ближе. Она звала меня по имени. Она была мертва.

— Фэй, подойди ко мне! Я должна поговорить с тобой. Пожалуйста, подойди сюда, я...

Мимо прогрохотал белый пикап, загруженный дровами, которые бились о дно кузова. Раскаты грома, которые доносились со стороны моря, находившегося по другую сторону прибрежного шоссе, отдавались эхом в моих ушах. Я снова на мгновение закрыла глаза.

Моя надежда на то, что призрачная фигура исчезнет, не оправдалась. Там бежала Эми, уже совсем недалеко. Еще несколько мгновений, и она окажется прямо передо мной, и я смогу прикоснуться к ней, как к растению, по листьям которого можно определить, настоящее ли оно или искусственное.

— Фэй! — крикнула она.

Мои мысли путались и кружились, как сухие листья на обочине, которые танцевали под порывами усиливающегося ветра. Гигантская, ослепительно яркая молния расколола небо и тотчас разветвилась, как трещина на оконном стекле. Эми остановилась и обхватила себя руками.

Я еще не встречала никого, кто бы так сильно боялся грозы, как Эми. Три меся-

ца тому назад мы с ней сидели у фонтана во внутреннем дворе нашей школы, когда она сказала: «Должно быть, это ужасная смерть, когда тебя поражает молния. Я где-то читала, что при этом сгораешь изнутри».

«Всего лишь электрический разряд. Ничего такого особенного, что нельзя было бы остановить с помощью лазерной пушки», — возразил Кэйлеб.

— Я боюсь, — услышала я голос Эми. — Ты должна узнать правду.

Я зажала уши ладонями и прошептала:

— *Нет, нет, нет, я не хочу это слышать.* — И потом, к своему ужасу, я начала тихо напевать про себя мелодию.

Спереди приблизился черный «БМВ», точно такой же модели, на которой ездил Нельсон, отец Джоша. Не меня ли он искал? Но никто не должен был видеть меня такой. В таком состоянии. В то время, как начали падать первые тяжелые капли дождя, я сорвалась с места, пробежала мимо Эми и свернула на Хай-стрит в надежде на то, что он меня не заметил. Тем более что для него Эми оставалась невидимой.

Я уже считала себя в безопасности, когда еще раз на миг обернулась. Однако оказалось, что белая фигура Эми последовала за мной. Ветер раздувал ее белое одеяние, так что в темноте бросались в глаза ее худые ноги.

— Фэй! — крикнула она. — Ты должна мне поверить. Они не отступятся!

Все мое тело содрогнулось от мощного удара грома.

Мои легкие горели, я тяжело дышала и плакала.

Я сошла с ума, была больна от печали и бессонницы. Тошнота подкатывала волнами к моему горлу. Меня бросало то в пот, то в дрожь. Возможно, у меня была температура, следствием которой и были галлюцинации. Я бежала как в трансе. Я хотела лишь убежать от тени Эми.

Она должна была исчезнуть, раствориться в воздухе.

Я желала, чтобы она была мертва.

Глава 9

Папа еще не спал. Он стоял в дверях, и не успела я переступить порог, как он привлек меня к себе и крепко обнял, и эти объятия показались мне самым безопасным местом на земле.

Самым безопасным и самым спокойным.

Единственный звук исходил от Оза, который, тихо мурлыча, был занят тем, что пытался избавиться от клеща на шее. Я переводила свой взгляд с предмета на предмет. Витые оленьи рога, корзина для дров, высокие черные резиновые сапоги.

Так мои мысли не могли бы улететь в открытую дверь, в ночь, через поросшую травой лужайку к Эми, чей фантом все еще парил вдоль улицы.

По моим щекам текли слезы, и я покори-лась спокойной интонации голоса отца.

— Плачь спокойно, сколько хочешь. Дай волю слезам. Я тоже любил ее. Но я тебе обещаю, мы вместе переживем это. Мы все.

Вспугнутый нами Оз, припадая к полу, прокрался по коридору к своей пустой миске. Потом он подошел ко мне, я подняла его на руки и крепко прижала к себе это теплое тельце. Вопреки ожиданию, он не противился, а прильнул ко мне. Я поцеловала его и погладила по мягкой шерстке, и он лизнул мою руку своим маленьким шершавым язычком.

Постепенно я успокоилась, и когда слезы иссякли и папа отпустил меня, я почувствовала лишь невероятную усталость.

— Пойдем на кухню, я приготовлю тебе горячее молоко, чтобы ты согрелась.

Папин голос звучал хрипло, словно он всю ночь громко разговаривал со своими гостями в забитом до отказа ресторане.

Я покорно последовала за ним. Обычно папа всегда заботился о том, чтобы в его святая святых — кухне — царил идеальный порядок. Но в эту ночь здесь был настоящий хаос. На плите стояло несколько грязных кастрюль, на разделочной доске лежала недорезанная луковица, а пол был испачкан томатным соусом. Казалось, что папа начал готовить, но потом все бросил, так как был слишком взволнован, чтобы сконцентрироваться на приготовлении блюд.

Я забралась на высокий табурет, в то время как папа вскипятил молоко, добавил в него мед, налил приготовленный напиток в чашку и подал мне. Я молча глотала те-

плое молоко и гладила Оза, который сидел на барной стойке, что в обычное время было ему строго-настрого запрещено. Но это время не было обычным.

На какой-то миг слезы принесли мне некоторое облегчение, но теперь я просто не знала, о чем думать и что чувствовать.

Эми была настолько реальной, там, на автобусной остановке. Перед моим внутренним взором замелькали картины. Картины вчерашнего дня, сегодняшней ночи и картины прошлого. Они сменяли друг друга, накладывались одна на другую.

Эми босиком пританцовывает на обочине дороги. Красная сандалета на ее голой ноге в карете «Скорой помощи».

Эми жутко боится молнии и грома. Вирджиния без одной минуты восемь объявляет о ее смерти.

Эми непременно хотела встретиться со мной. Ее призрак прокричал мне вслед эту странную фразу, прозвучавшую почти как предостережение.

Фэй, примерная дочь своего отца со средним баллом в последнем аттестате 4,8. Фэй, эта странная девушка, которой кажется, что она видит духов и покойников.

Я тотчас отбросила мысль, что могла бы обо всем рассказать своему отцу. Повернувшись ко мне спиной, он был занят сейчас у мойки.

— Что произойдет теперь с телом Эми? — спросила я, невольно подумав о трансплантации органов. — Они его увезут?

— Я не знаю, — ответил он. — И сейчас тебе не следует думать об этом. Я знаю только одно: тебе надо поспать.

Да, спать, просто отключиться.

— Принести тебе твои таблетки?

Как же часто я уже слышала этот вопрос в прошлом. И всякий раз меня охватывали противоречивые чувства: страх и облегчение, отвращение и осознание того, что без сна человек может запросто сойти с ума. По-видимому, именно это и происходило сейчас со мной. Ведь, в конце концов, менее часа тому назад я видела умершую Эми, которая, живая и здоровая, спокойно шла по Стейт-стрит.

— Да, папа, ты мне дашь их?

Папа утвердительно кивнул.

Снотворные таблетки, которые Лиз прописала мне, были очень сильные. Они просто отключали мое сознание, и я буквально проваливалась в сон. У меня возникало ощущение, что я падаю в глубокую, темную яму, и часто по утрам я никак не могла проснуться. Но сейчас я и не хотела просыпаться.

Как можно дольше.

Папа открыл верхнюю дверцу навесного шкафчика, достал металлический чемоданчик с медикаментами и долго копался в нем, пока, наконец, не нашел то, что искал.

Неожиданно он показался мне совершенно вымотавшимся и печальным. И старым.

— Пойдем наверх, ты должна, наконец, поспать.

На меня накатила волна такой невыносимой боли, что у меня перехватило дыхание. Я с огромным трудом поднялась вслед за папой по лестнице наверх, в ванную комнату.

Совершенно оглушенная, я на автомате сняла свои вещи, в то время как папа сделал все то, что делал, когда я была еще совсем маленькой. Он проверил рукой температуру воды и достал из шкафчика два моих самых любимых полотенца.

Я почти не чувствовала воду, льющуюся на меня из душа, а просто стояла, прислонившись к стене, чтобы не упасть. Через некоторое время я выключила воду, завернулась в полотенце, села на табуретку и замерла в таком положении.

— Мне отнести тебя, как раньше, в кровать? — спросил папа и попытался улыбнуться. — Почитать тебе что-нибудь перед сном? *«Волшебник из Страны Оз»*. В детстве это была твоя любимая книга.

Я коротко хохотнула, что прозвучало довольно глупо. И я испуганно зажала рот ладошкой.

— Все нормально, — сказал папа. — Иногда смех и слезы быстро сменяют друг друга. Знаешь, тогда, когда я вернулся из

Нью-Йорка и Лиз сказала мне, что твоя мама умерла при твоём рождении, я подумал, что никогда больше не смогу смеяться. А спустя пять минут Лиз принесла тебя, и я взял тебя на руки. Угадай, как ты выглядела.

Со слезами на глазах от усталости и страха я покачала головой.

— Как гномик: светлый пушок на твоей голове, эти огромные глаза и оттопыренные уши. Ты посмотрела на меня так удивленно, а потом зевнула, словно тебе стало скучно. Очевидно, уже тогда я был занудой. И я не смог удержаться от смеха. Да, да, я рассмеялся, хотя в соседней палате лежала твоя мама, так как Лиз не хотела, чтобы ее увезли, пока я еще раз не увижу ее.

Он тяжело вздохнул и украдкой смахнул с глаз слезу, а затем выдавил немного зубной пасты на мою электрическую зубную щетку.

— Ты знаешь, Фэй, когда речь идет о чувствах, то не бывает правильного и неправильного.

Только десять минут спустя я шмыгнула под одеяло, на которое папа надел свежий пододеяльник.

— Лиз — она?.. — Я прервалась на полуслове.

— Она только что звонила. Тем временем она уже добралась до клиники и сейчас находится там. Она узнала об аварии, когда только что выехала из Бостона.

Папа подал мне таблетки и стакан воды. Таблетки оставили на моем языке горький привкус.

— Я не могу тебе обещать, что завтра мир будет другим, Фэй. Что случилось, то случилось, но, возможно, когда ты утром проснешься, то взглянешь на мир другими глазами.

— Это уж вряд ли, — пробормотала я.

Я спала, а когда начинала метаться во сне или громко кричать, то папа осторожно будил меня, обнимал и пытался успокоить. В какой-то момент появилась Лиз, которая дала мне еще одну таблетку. «Эта таблетка снимет охватившую тебя тревожность», — успокоила меня моя тетя, так как я не хотела глотать ее.

Я ей доверяла, даже если ее пилюли и не позволяли мне окончательно проснуться. У меня в голове все перепуталось. День и ночь. Реальность и сон. И всегда и повсюду я искала Эми.

Я следовала за ней по коридорам школы. В супермаркете я находила ее за каждой полкой с товаром. Мой мобильник звонил, и на дисплее появлялось ее имя. Я в темноте ожидала ее на автобусной остановке, пока не появлялась Эрика Майерс и прямо-таки злобно не заявляла: *«Она не придет»*. Мимо меня проносился автобус, и я видела лицо

Эми за грязными стеклами. Мне приснилось, что я смотрю в зеркало, а за моей спиной внезапно появляется лицо Эми. Я видела ее на другом конце эскалатора, поднимавшего ее наверх в универмаге «Macy's», и тогда я сражалась со ступеньками, везущими меня вниз.

В моих снах Эми присутствовала всегда и везде.

Как-то, пошатываясь в полусне, я отправилась в ванную, мне надо было в туалет, но потом я просто сидела на крышке унитаза, пока не пришла Лиз. А в другой раз папа отвел меня назад, в мою комнату, после того как обнаружил меня сидящей за компьютером, где я, зарегистрировавшись в «Фейсбуке», отправила Эми отчаянное сообщение, в котором просила ее освободить меня.

Одни и те же приступы паники заставляли меня просыпаться в холодном поту, задыхаясь от страха. В такие моменты на долю секунды я приходила в себя и снова осознавала, что же случилось. Однако самым ужасным было не то, что я постоянно искала ее, а то, что я просыпалась и вспоминала, что она умерла.

Но в какой-то момент мне удалось окончательно очнуться от одного из этих снов.

Я осмотрелась и попыталась сориентироваться. Медикаменты вывели меня из равновесия, и я потеряла чувство времени. Я уже даже не знала, был ли день или ночь.

Но постепенно из тумана проступили отдельные предметы и знакомая мебель. На стене над моим письменным столом висела фотография Эми, этот снимок сделала Донна, когда взяла нас с собой в Бакспорт, чтобы показать нам огромный букинистический магазин.

Это был настолько четкий снимок, что на нем можно было различить даже мельчайшие детали. Ямочки на щеках Эми, легкую материю ее юбки, шрам над ее левым глазом, который она заработала, спускаясь на скейтборде вниз по Мейн-стрит. Она сидела в плюшевом кресле в окружении разбросанных в беспорядке книг и читала книгу, название которой я неожиданно вспомнила. *«Единственная правда»*.

Неужели я снова заснула? Рядом со мной зажужжал мобильник, потом я услышала шелест шагов. Кто-то прошел на цыпочках по комнате и вышел в коридор. Дверь тихонько притворили. Все еще одурелая от принятых медикаментов, я с трудом разбирала слова.

— Да, конечно, я понимаю это... — услышала я голос Лиз. — Но тебе незачем беспокоиться... — Несколько секунд царила тишина. — Я сделаю все, что в моих силах, но ей нужно время, это значит, мы должны подождать... — Теперь она только шептала.

О чем они говорили? В самом начале я была уверена, что речь шла обо мне, но кого имела в виду Лиз, говоря *«мы»*?

Каждая мысль стоила мне невероятных усилий.

Я посмотрела в сторону окна. Все это время, пока я находилась между бодрствованием и сном, солнце восходило и снова заходило, ночь и день сменяли друг друга. Теперь сквозь жалюзи проникал последний свет дня. Кто-то оставил щель, приподняв окно вверх, и в комнату проникал свежий воздух. Прохладный ветер, пахнувший дождем, раздувал светлую льняную занавеску.

Вдыхая свежий воздух, я чувствовала, как постепенно прояснялась моя голова и исчезала сонливость.

На старом кресле лежал раскрытый медицинский справочник страницами вниз, а на ручке кресла висела одна из шелковых шалей Лиз. Они имелись у нее почти всех цветов и узоров, эта была голубая.

Моя нога наткнулась на Оза, который с громким воплем соскочил с кровати. И он сторожил меня, как меня охраняли папа и Лиз. Джош тоже бывал здесь? Я смутно помнила его запах, а также то, как он держал меня за руку. Но, может быть, это тоже был... всего лишь сон, даже если и очень приятный.

На старом столике для шитья, который я отреставрировала вместе с папой, стоял поднос с апельсиновым соком, фруктами, сэндвичами и разными кексами. И капи-

танский колокольчик, с помощью которого я могла в любое время вызвать к себе папу или Лиз. Только я протянула руку, чтобы взять шоколадный кекс, как дверь тихонько отворилась. На лице Лиз появилось выражение облегчения, когда она увидела в моей руке кекс.

Моя тетя, которой было немного за сорок, выглядела постаревшей на несколько лет. С некоторых пор она носила очень короткую стрижку, она ей шла, но зато ничего не скрывала.

Мелкие морщинки вокруг красиво очерченного рта и у крыльев носа стали глубже. Под ее глазами лежали темные тени, хотя она, как всегда, очень тщательно нанесла макияж.

— Ты проснулась? Могу я войти?

Еще до того как она присела на мою кровать, я ощутила знакомый аромат ландыша и ирисов. Шанель № 5. На мгновение аромат духов перебил запах шоколадного кекса.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — сказала я.

И, словно подчиняясь какому-то внутреннему импульсу, добавила:

— Тебе не нужно больше усыплять меня.

— Нет больше страхов? Приступов паники? Тошноты, удушья?

Я покачала головой.

— Только страшная жажда.

Лиз взяла кувшин, налила стакан соку и подала его мне. В то время как я одним глотком осушила его, а затем сразу еще один стакан, она не спускала с меня глаз, словно пытаюсь заглянуть мне в душу.

Я отставила пустой стакан в сторону, вытерла губы и подтянула одеяло до самого подбородка.

— Как долго я спала?

— Три дня.

— Три дня? Я проспала три дня?

Лиз склонилась ко мне и нежно положила руку мне на плечо.

— Ты пережила тяжелый шок, Фэй. Для такого впечатлительного и чувствительного человека, как ты, это может иметь тяжелые последствия. Твой рассудок не справляется с тем, что произошло. Твоя душа находится в так называемом «лихорадочном состоянии» от страха, депрессии и сомнений, и она настолько занята самой собой, что у нее уже не остается сил на преодоление проблем повседневности. Тебе нужно время, чтобы переварить все. — Она сделала короткую паузу. — И было бы очень хорошо, если бы ты поговорила об этом. Об этом. И об Эми.

С каждым словом ее голос дрожал все сильнее и сильнее, словно она обращалась не только ко мне, но и к самой себе.

— Я не могу, — едва слышно прошептала я.

— Если я узнаю, что происходит внутри тебя, я смогу лучше помочь тебе.

Она вздохнула, и я заметила, что в ее глазах блеснули слезы.

— О'кей, может быть, мы поговорим позднее. Сейчас я спущусь вниз к твоему отцу и скажу ему, что ты проснулась. Хочешь есть? Какое-нибудь особое желание?

Я покачала головой.

В дверях она еще раз обернулась и сказала:

— Я смогу тебе помочь, Фэй. Доверься мне, хорошо?

Это прозвучало так просто. Но мне показалось, что я потеряла всякий контроль над своей жизнью и во всем разуверилась.

Глава 10

Я не могла больше оставаться в кровати. Чем дольше я лежала здесь, тем больше мне казалось, что долгий, искусственно вызванный сон необычайно, почти невыносимо обострил мои ощущения. Любой шум заставлял мое тело вздрагивать. Собака, которая тявкала где-то на улице; вечный крик чайек; стук посуды на кухне.

Я разом окончательно проснулась. Я заставила себя съесть еще один кекс, затем быстро натянула джинсы и надела теплую куртку с капюшоном, прежде чем осторожно приоткрыла дверь. Оз проскользнул у меня между ног, и в следующий миг он уже неся впереди меня вниз по лестнице, словно по ступенькам катилась крупная тыква. Я услышала внизу голоса. Спустившись до середины лестницы, я остановилась. И, хотя мой разум был необычайно ясен, у меня появилось такое чувство, что мои ноги имели

консистенцию маршмэллоу — известного лакомства, аналогичного зефиру.

— Фэй, дорогая, это ты там? — услышала я донесшийся откуда-то голос папы.

Я не ответила, почему-то у меня было такое чувство, что мой язык еще плохо повинуется мне.

— Она должна поесть, — продолжил отец, на этот раз, обращаясь, очевидно, к Лиз. — Я для нее приготавливаю ее любимые спагетти.

Послышалось дребезжание стекол в двери гостиной, когда та открылась, и теперь в коридоре прозвучал голос Лиз.

— Нет, это была всего лишь кошка, — сказала она. — Вверху все тихо. По-видимому, она опять заснула. — Послышалось шуршание. — Это хороший знак, что она проснулась сама, но мы должны дать ей время. Давай попозже еще раз поднимемся к ней и посмотрим, как у нее дела.

Со своего места я могла видеть тень Лиз, которая открыла входную дверь, чтобы выпустить Оза на улицу, однако кот остановился в нерешительности, а потом, подняв хвост трубой, вдруг помчался назад, вверх по лестнице. Подбежав ко мне, он принялся тереться о мои ноги.

— Кот чувствует, что в доме что-то не в порядке, — снова прозвучал голос Лиз, в котором звучало напряжение.

Наступила пауза. Было слышно лишь тихое жужжание посудомоечной машины и потрескивание в абажуре, где от жара галогеновой лампы сгорала несчастная муха. Затем из гостиной снова донеслись приглушенные голоса. Я снова осторожно спустилась на цыпочках на несколько ступенек вниз, и, как оказалось, вовремя, чтобы услышать следующие слова Лиз.

— Нам следует решить, Рой, что должно произойти после похорон. Как мы сможем помочь Фэй.

Моя правая нога повисла в пустоте, и я чуть было не упала.

Похороны.

Как же я могла забыть это? Я почувствовала, как сжался мой желудок. Пока Эми не была погребена, я могла внушать себе, что события последних дней не происходили в действительности и что мне не надо выражать свое отношение к тому, что они означали. Но сейчас страх навалился на меня, словно плотная оболочка, которая лишила меня воздуха и не давала дышать.

— Ты знаешь мое мнение по этому поводу, — сказал мой папа таким тоном, словно они с Лиз уже много раз говорили на эту тему. — Она должна сама принять решение. Главное, чтобы она не замкнулась в себе. Я думаю, школа пойдет ей на пользу.

— Эми была больше, чем ее лучшая по-

друга, — категорически заявила Лиз. — Я беспокоюсь, сможет ли она вообще когда-нибудь справиться с этим.

Папа и Лиз не всегда жили душа в душу. Если речь заходила обо мне, то иногда они вели себя как кошка с собакой.

После моего рождения и смерти мамы Лиз предложила отцу переехать к ней в особняк поместья Элмвуд. Ведь, в конце концов, этот дом был гораздо больше и удобнее, чем наш старый дом, который находился слишком близко от дороги. Семья Сен Клер владела поместьем Элмвуд уже более двухсот лет. Название поместья происходило от вязов, которые когда-то были посажены вокруг усадьбы нашим далеким предком.

Папа отказался принять предложение Лиз, и я была только рада этому. Наш дом был совсем древним, но он как нельзя лучше подходил нам. Здесь жили самые первые представители семьи Сен Клер, когда в конце XVIII века они прибыли в Блюхэвен. Я любила его несмотря на то, что он мог показаться тесным, мрачным и неудобным со своими низкими потолками, скрипучими деревянными половицами и старинной мебелью, которую папа покупал на барахолках и в антикварных магазинах, а потом сам реставрировал.

Мой дедушка подарил его моим родителям на свадьбу. Здесь папа и мама жили

до моего рождения. Здесь они любили друг друга.

— Фэй такая впечатлительная, — снова услышала я голос Лиз. — Я боюсь, что в ближайшее время она не сможет спать без медикаментов, а из-за них...

Последовало долгое молчание.

— И ей нужно снова пройти курс психотерапии. Поэтому еще вчера я связалась по телефону с Эрикой, — продолжила Лиз. — Она выразила готовность приехать в Блюхэвен.

Я замерла, затаив дыхание.

Нет, только не Эрика Майерс.

— Не знаю, хорошая ли это идея.

— Почему?

— Почему? — Голос моего отца звучал скептически. — И ты еще спрашиваешь? Разве ты не помнишь, какой сбитой с толку вернулась домой Фэй после последнего сеанса психотерапии? Она целыми днями почти не разговаривала и категорически отказалась когда-нибудь еще идти к этому психотерапевту.

— В процессе лечения такое происходит довольно часто. Я уверена, что это не было ошибкой Эрики.

Я присела на ступеньку лестницы. Неожиданно мои веки налились свинцовой тяжестью и начали слипаться, — возможно, это сказывалось действие таблеток.

В висках появилась острая боль, которая распространилась по всей голове, и мне показалось, что в кожу моей головы впились тысяча иголок.

«Фэй, не существует ничего такого, перед чем ты должна испытывать страх, — прошептал в моей голове чей-то голос, нет, конечно, это был голос Эрики Майерс, — ты не сумасшедшая».

Почему же внезапно мне стало так плохо от страха?

Я не хотела больше слушать, как Лиз и мой отец говорили обо мне. Ухватившись за перила, я медленно встала и, продолжая за них крепко держаться, с трудом преодолела последние ступеньки, ведущие вниз, в коридор. Путь к входной двери был для меня закрыт, так как мне пришлось бы пройти мимо распахнутой настежь двери гостиной. Как можно тише я открыла дверь, ведущую в папин кабинет.

Как раз в тот самый момент, когда я уже собиралась открыть окно, находящееся в противоположной стороне дома, у меня за спиной раздалось жужжание. Я испуганно обернулась и увидела свой мобильник, лежащий на папином письменном столе, дисплей мобильного светился. Вероятно, папа нашел его в кармане моих брюк. Я бросила взгляд на номер и поспешно сунула телефон в карман. Это оказалась Джинджер.

Я осторожно вылезла через окно наружу. Холодный вечерний воздух пахнул мне в лицо, приглушил боль в моей голове, когда я бросилась бежать.

Клочья облаков медленно проплывали мимо луны, которая сегодня была бледной и прозрачной, словно она находилась очень далеко, в какой-нибудь далекой галактике. Неожиданно страх исчез, а может быть, я просто-напросто убежала от него.

Я пробежала мимо бывшей Военно-морской Академии штата Мэн. Солидное здание пустовало уже почти год. Единственным признаком жизни был американский флаг, который развевался над покинутой территорией Академии. На спортивной площадке два паренька из младшего класса, которых иногда тренировал Джош, отрабатывали технику броска. Каждый раз, когда мяч ударялся о землю, в моей голове мелькали новые мысли.

Я вытащила мобильник из кармана. Оказывается, Джинджер уже много раз пыталась дозвониться до меня. А что же было с Джошем? Почему он так ни разу и не позвонил? Ходили ли он, Кэйлеб и Джинджер снова в школу? Меня пугала мысль о том, что все снова смогли вернуться к своему привычному образу жизни, в то время как я пребывала в мире своих грез и продолжала повсюду встречать Эми.

Теперь мои ноги сами находили дорогу, и неожиданно мне стало ясно, куда я бежала. Я побежала еще быстрее и перешла на привычный темп бега, внушив себе, что нахожусь на дорожке стадиона. И что мистер Уэббер, наш школьный тренер по легкой атлетике, подгоняет меня своим низким голосом.

Когда я остановилась у знакомого дома на Перкинс-стрит, то почувствовала, каким хриплым было мое дыхание. Мое тело противилось физической нагрузке, а поскольку мои ноги дрожали, я была вынуждена ухватиться за фонарный столб.

Здесь, на улице, все было тихо, как и внутри дома, на котором была прибита табличка с надписью *«Капитан Джозеф Перкинс»*, напоминавшая о том, что раньше здесь проживал один из самых знаменитых деятелей Блюхэвена. В городе все называли этот дом просто *«Дом Капитана»*.

По всей видимости, Донна была дома, так как сквозь закрытые ставни пробивался слабый свет. Мне показалось, что в этом доме я провела половину своей жизни. Он всегда казался мне надежным, уютным пристанищем. Но теперь все было не так, как прежде. У меня во рту появился странный привкус, я никак не могла вспомнить, когда в последний раз чистила зубы.

Я дернула за язычок латунного колокольчика, звон которого не придерживался ни-

каких правил. Однажды Донна хотела поменять его на современный электрический звонок, но Эми воспротивилась этому.

Ответом мне была лишь тишина. Я слышала только учащенное биение собственного сердца, пока, наконец, в прихожей не загорелся свет и не раздался слабый звук шаркающих шагов — и, наконец, не появилась Донна. Даже в тусклом свете лампы, горевшей в прихожей, я заметила, какой бледной она была. В ее светло-рыжих волосах появились первые седые пряди. Вот как бывает. Некоторые люди седили буквально за одну ночь.

Зато ее улыбка совсем не изменилась. Она обняла меня, и впервые с тех пор, как я проснулась, я почувствовала что-то похожее на утешение.

— Фэй, ты совсем запыхалась.

— Я знаю, что должна была прийти сюда раньше, но...

Донна покачала головой.

— Нет, нет, все в порядке. Я каждый день разговаривала по телефону с Лиз и знала, как плохо тебе было. А теперь ты чувствуешь себя лучше?

Я кивнула и вошла в узкую прихожую. Волна слабости накатила на меня, когда я вошла в общую комнату, интимная атмосфера которой смешивалась со странной пустотой. Там на кресле все еще лежала растрепанная

автобиография Марка Твена с его автографом, которую Лиз подарила Эми. В этой комнате Эми была как бы повсюду. Вот тут стоял стакан с разноцветными стекляшками, которые она, как хомяк, собирала на пляже. На стене висели две детские фотографии, которые были сделаны еще в первом классе. Фотография выступления школьного балета, когда она танцевала роль Золушки. В волосах у нее была диадема, которую она называла пошлой, хотя я знала, что, тем не менее, она ей нравилась. Пестрая подушечка на диване, сшитая из лоскутков ткани, которой она прикрывала глаза, когда ее пугал какой-нибудь кровавый фильм с мертвецами, а я называла ее «Мисс Размазня». Я знала, что эта подушечка и сейчас пахла бы ею, если бы я взяла ее и прижала к своему лицу.

Внезапно мне захотелось иметь одно из тех секретных оружий из комиксов, которые придумывал Кэйлеб, чтобы отразить воспоминания, которые волнами накатывали на меня.

— Садись же, Фэй, — дошел, наконец, до меня мягкий голос Донны. В отличие от Лиз, Клэр и других женщин, которых я знала, Донна двигалась с присущей ей естественностью. Она обладала обаянием Кейт Бланшетт, независимо от того, носила ли спортивные брюки для бега трусцой с вытянутыми коленками или же сшитые вруч-

ную ею же самой винтажные платья. Где бы Донна ни появлялась, она сразу же привлекала к себе взгляды окружающих, но сама она даже не замечала того, как привлекала людей.

Я села на пестрый протертый диван.

— Хочешь что-нибудь попить? Воду, колу? У меня есть домашний лимонад. Каждый день мне в дверь звонят десятки людей и приносят еду. Пирожки и торты с черникой, черничные кексы. Как нарочно, все с черникой... — с горькой усмешкой сказала она.

Она смахнула слезу с глаз, которая появилась явно не от горького смеха.

Конечно, я знала, на что она намекала.

— Да, Эми ненавидела чернику, — прошептала я. — Она считала, что от черники темнеют зубы.

— Большую часть Тайлер отнес Мисси, чтобы она не всегда питалась объедками из мусорных контейнеров. Он трогательно заботится обо мне... точно так же, как Лиз и Ланкастеры. Они даже предложили... — она судорожно сглотнула, — организовать поминки у Карен.

«О чем нельзя говорить, о том нужно молчать», — так всегда говорил мой отец. Наступившее молчание казалось безграничным, прямо-таки вечным, как будто мы уже все сказали.

Эта мысль повергла меня в ужас так же и потому, что Эми достаточно часто излагала мне свою теорию, согласно которой то, о чем не было сказано, или, по крайней мере, что не было записано, собственно говоря, и не существует. Я ясно увидела ее перед собой, как она сидела на кровати в своей комнате, всего лишь в нескольких шагах от этого дивана, и ее авторучка скользила по страницам одной из ее бесчисленных записных книжек.

— Мне ее так не хватает, — тихо сказала я.

Донна присела рядом со мной и обняла меня за плечи.

— Мне тоже. Я постоянно думаю, что вот сейчас она вернется домой. Я слышу ее шаги, ее голос, как она зовет меня. По утрам я накрываю для нее на стол, а по вечерам слышу музыку, доносящуюся из ее комнаты. Тогда я встаю и только в тот момент, когда моя рука ложится на ручку двери, я вспоминаю, что ее больше нет. — Она помолчала. — Иногда я ловлю себя даже на том, что разговариваю с ней.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — сказала я и сама уловила облегчение, прозвучавшее в моем голосе.

Разве то, о чем говорила Донна, не являлось неопровержимым доказательством того, что и с ней происходило то же самое,

что и со мной. В действительности я не видела Эми на автобусной остановке, даже если все и казалось таким ужасно реальным.

— Почему она села за руль? Почему она не позвонила мне? Я могла бы забрать ее с пляжа, ее и Джинджер. Что, собственно говоря, она там делала? Ведь мне она сказала, что собирается встретиться с тобой.

Это больно кольнуло меня, я даже физически ощутила эту боль. Да, она хотела встретиться со мной, причем срочно. Но наша встреча так и не состоялась.

Взгляд матери Эми был направлен на меня, и я опустила глаза. Почему же я чувствовала себя виноватой?

— Это... правда, но мы договорились встретиться позднее. До этого я должна была помогать своему отцу в ресторане...

Однако Донна уже больше не слушала меня, а начала тихонько плакать, теперь уже и я не могла больше сдерживать слезы. Как долго мы так сидели и плакали? Довольно долго. До тех пор, пока не иссякли наши слезы.

Я услышала ревущий бас автомагнитолы, который сначала стал громче, а потом снова быстро стих, когда какая-то машина проехала мимо дома, из-за чего я почти не слышала следующие слова Донны.

— Это был не несчастный случай, — сказала она. — Машина лишь слегка задела

дерево. Эми не поранилась. Ни внешне, ни внутренне. Это все ее сердце, которое отказало.

В первое мгновение я подумала, правильно ли я ее поняла, но серьезное выражение ее лица говорило о том, что я не ослышалась.

— Ее сердце?

— Она не была в летнем учебном лагере.

И потом:

— Они еще не сказали тебе об этом, да?

Внезапно у меня в голове образовалась огромная пустота.

— О чем они не сказали мне?

— Все лето Эми провела в реабилитационной клинике. Вблизи Бостона.

Картины на стенах покачнулись, четкий рисунок на паркете сдвинулся, превратившись в запутанные линии, и фонари на улице погасли. Все, что рассказала Донна, никак не укладывалось у меня в голове. Это была история, в которой речь шла о ком-то другом.

Я не задавала вопросов, да мне и не нужно было этого делать. Донна могла прочесть их в моих глазах.

— За несколько недель до каникул, возможно, ты помнишь... Эми постоянно сильно уставала, и у нее возникли проблемы с дыханием. Доктор Доннелли тщательно обследовала ее и диагностировала сердечную недостаточность, миокардит. Помнишь,

зимой, после того как она подцепила тяжелый вирус гриппа, а потом хотела как можно быстрее снова пойти в школу?

Конечно, я помнила об этом. В конце концов, я сидела рядом с ней и была вынуждена слушать, как она надрывалась от кашля и постоянно жаловалась на усталость.

Но какое отношение имело все это к аварии? Я просто не могла уловить связь и не понимала, что Донна пыталась мне сказать.

— Но ведь у нее никогда не было никаких проблем с сердцем, не так ли?

— Да, не было, раньше она была абсолютно здорова. Но доктор Доннелли все подробно объяснила мне. Вследствие запущенного гриппа в редких случаях можно получить воспаление сердечной мышцы, и иногда это приводит к возникновению хронической сердечной недостаточности. Я и понятия не имела о том, что нечто подобное существует. — Она сделала паузу, чтобы собраться с силами. — Доктор Доннелли порекомендовала нам срочно лечь в реабилитационную клинику, но Эми хотела сначала закончить учебный год, ты же ее знаешь. Боже мой... — Донна в отчаянии покачала головой. — Она так хотела получить эту стипендию. Она боялась, что ты можешь поехать в Гарвард без нее и вам придется расстаться.

Я отерла ладонью лицо и вдруг поймала себя на мысли, что не хочу больше слушать.

Все это казалось мне невыносимым. Было бы лучше, если бы я вообще не приходила сюда.

— Вы все знали об этом, и никто ничего мне не сказал? Кэйлеб тоже знал это?

Голос Донны прозвучал твердо и уверенно, когда она ответила:

— Нет. Никто из вас не знал об этом. Только доктор Доннелли, Лиз и я... Собственно говоря, Эми хотела все рассказать тебе, но Лиз убедила ее, что это будет слишком обременительно для тебя. Ведь последнее полгода ты чувствовала себя так хорошо. Твоя бессонница отступила, и твои ночные прогулки прекратились, твое состояние было стабильным, как никогда прежде. Эми не хотела рисковать. Фэй, поверь мне. Она хотела лишь защитить тебя.

Я не была больна, разве что близка к тому, чтобы окончательно свихнуться, стать психом. Это было ничто по сравнению с заболеванием сердца. Меня не нужно было щадить, я не хотела этого. Никогда. Или все-таки хотела? Разве я не облегчала себе жизнь? Да, возможно, иногда я позволяла себе упасть в сильные руки отца, Лиз или Джоша — но Эми? *Мы с ней были равны: моя проблема — и твоя тоже.* По крайней мере, я внушила себе это, и вот теперь выясняется, что все было наоборот.

— Я бы предпочла, чтобы она рассказала мне об этом, — вырвалось у меня. — Теперь

она уже никогда не сможет защитить меня, а я ее.

— Иногда бывает трудно принять правильное решение, — сказала Донна таким тоном, в котором чувствовалась неуверенность и еще нечто такое, что я никак не могла уловить.

Она подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза.

— Я должна кое о чем спросить тебя, Фэй. И я хотела бы, чтобы ты честно ответила мне. Не произошло ли что-то между вами? Нечто такое, что могло бы обидеть или обеспокоить Эми?

Я затаила дыхание. Даже если бы я что-то знала, вероятно, я бы никому не рассказала об этом. Это было связано с обетом молчания, как называл это Кэйлеб. Взрослым можно рассказывать что-то только в том случае, если история правдива или... совершенно неувязима, как это называла Эми.

Обет молчания?

О чем я должна была молчать, если понятия не имела о том, что произошло с Эми?

Нам надо поговорить.

Хотела ли Эми в тот вечер, когда погибла, рассказать мне о своей болезни и о том, где действительно провела лето? С другой стороны, даже Донна обратила внимание на ее странное поведение. Что-то угнетало Эми.

Возможно, что-то еще. Нечто такое, от чего она хотела предостеречь меня?

Ты должна мне поверить. Они не отступятся, — прокричала она мне вслед.

Но нет, ведь это не происходило в действительности! Сколько еще времени мне потребуется, чтобы, наконец, осознать это?

— Почему что-то должно было произойти? — спросила я, чтобы выиграть время.

Донна сцепила руки, лежавшие у нее на коленях, и посмотрела мне прямо в глаза.

— Я посещала ее в то время, когда она находилась в реабилитационной клинике. Она чувствовала себя неважно, но дело было не в этом, в остальном она оставалась прежней. Похудевшей, усталой, но это была моя Эми. Она оставалась такой даже тогда, когда я забирала ее из автобуса. Но потом, в тот же самый вечер, она вдруг совершенно изменилась. Мне показалось, что она была вне себя. Когда я попыталась расспросить ее, она вообще замкнулась.

— Может быть, она чего-то боялась из-за этого... заболевания сердца?

— Нет, — возразила Донна. — Эми... была настоящим бойцом. Если у нее была цель, она упорно шла к ней. В этот день она ходила после обеда на прием к доктору Доннелли, которая ознакомилась с материалами из клиники и осмотрела ее. Она подтвердила то, что сказали врачи в реоби-

литационной клинике: медицинские показания улучшились. Значит, здесь было что-то другое. Нечто такое, что угнетало ее душу. И ты действительно ни о чем не догадываешься?

Я покачала головой. Мои мысли путались. Выходит, что я не ошиблась, обратив внимание на изменения в поведении Эми; то, как она посмотрела на меня в первый школьный день, растерянно, да, прямо-таки возмущенно, имело свою причину. Вот только какую?

— Я уверена, что с ней все было в порядке. В противном случае она бы мне рассказала, — снова солгала я.

Точно так же, как она рассказала мне о своей болезни?

С явным облегчением Донна обняла меня:

— Да, ты права, она бы так и сделала. Видимо, это мне просто померещилось.

Когда она, наконец, меня отпустила, я встала.

— Мне пора уже уходить.

Донна бросила взгляд на часы.

— О, извини. Рой и Лиз будут беспокоиться. Они же знают, что ты у меня, не так ли?

И я снова солгала:

— Да, конечно.

— Отвезти тебя домой?

— Нет, спасибо, мне нужно все хорошенько обдумать, а это лучше всего делать во время пробежки.

Я вышла из комнаты в прихожую, взяла свою куртку и уже стояла в дверях, когда Донна сказала:

— У меня к тебе просьба, Фэй. Относительно похорон завтра.

Уже завтра. Я на это никак не рассчитывала.

— Могу ли я тебе чем-то помочь?

— Нет, но... я бы очень хотела, чтобы ты что-нибудь сказала об Эми. Всего лишь несколько слов.

Похороны — я попыталась представить себе, как стою у гроба Эми и произношу речь. Была ли я в состоянии сделать это?

— Ты сделаешь это для меня? — снова спросила Донна.

— Да, конечно. Я сделаю это.

— Спасибо, — прошептала Донна и поцеловала меня в обе щеки. — Я знала, что ты не подведешь меня, точно так же, как ты никогда не подводила Эми.

Я кивнула, хотя уже не была так уверена в том, что касалось Эми.

Глава 11

За эти три дня, которые я проспала, наступила настоящая осень. Небо было затянуто облаками и полосками тумана. После слов Донны я все еще чувствовала себя какой-то оглушенной. Меня страшно мучило то, что она мне открыла. Я в полном смятении шла по улицам, совершенно не думая о том, куда направиться. Только тогда, когда я вышла из узкой, темной Мэрин-авеню и справа от себя увидела Дом Пенроуза, ярко освещенный особняк семьи Шерами, мне стало ясно, что еще несколько шагов, и я окажусь дома. Но остаться одной в своей комнате — нет, я этого просто не вынесу. И еще худшим было бы оказаться лицом к лицу с встревоженным отцом и с Лиз и отвечать на их вопросы.

Я решила послать папе сообщение.

Не беспокойся. Мне нужно было выйти на свежий воздух.

Но обещаю, когда вернусь, съем две порции спагетти.

Я повернула назад.

Под порывами ветра буки склоняли свои серовато-белые стволы, и их кроны смыкались, образуя над моей головой своеобразный свод. При каждом шаге под моими ногами шуршала опавшая листва. Я тысячу раз ходила этим путем, и единственные изменения, которые я когда-либо замечала, зависели от природных явлений или объяснялись сменой времен года. Но теперь, когда я смотрела на Блюхэвен — на дома, на деревья и на людей — другими глазами, даже знакомые виды приобрели нечто таинственное.

Эми страдала от сердечной недостаточности. Я выросла практически в семье врачей и знала, что представлял собой миокардит: воспаление сердечной мышцы, вызванное вирусной инфекцией. Она не доверилась мне. Все это время я считала, что мы с ней были родственными душами, а теперь мне стало предельно ясно: единственная родственная душа, которая у тебя есть, это ты сама. Вызванный этим шок оказался вдруг больше, чем боль, вызванная скорбью. Я просто не знала, что и думать. К тому же я терзала себя мыслью, что по неосторожности могла сказать или сделать что-то такое, чем обидела Эми.

Мне на ум пришла наша последняя встреча в первый школьный день. Эми заперла в своем шкафчике красно-белые записные книжки, и... теперь я распознала связь с тремя девушками, с которыми она якобы подружилась в летнем учебном лагере, в котором никогда не была. Одна из этих девушек мечтала стать писательницей — как Эми. Вторая болезненно переживала разлуку со своими друзьями. А третья, Эмили — странно, что я вспомнила это имя, — страдала от некой болезни... миокардита. Теперь мне все было ясно: Эми лишь сделала вид, что не может выговорить это слово. И все эти девушки не существовали. Эми говорила только о себе самой.

Здесь, на широкой Бэтл-авеню, мне в лицо ударили сильные порывы ветра. Мне было невыносимо холодно, в том числе и потому, что все было не так, как прежде.

Зажужжал мой мобильник. Вопреки ожиданию, это оказался не папа, а Лиз. Я просто сбросила вызов. Сейчас я не могла разговаривать с ней. Ее забота и любовь буквально душили меня.

Где-то впереди заурчал двигатель автомобиля, потом в районе дома Фуллера вспыхнули автомобильные фары. Я остановилась. Автомобиль подъехал ближе, замедлил ход, и я была уверена, что он затормозит, но в следующий момент водитель нажал на газ.

Воздух задрожал, дорога затряслась, листва закружилась в воздухе и, подхваченная ветром, полетела вниз по улице. Когда фары автомобиля пронеслись мимо меня, я почувствовала, что кто-то пялился на меня сквозь тонированные окна. Долю секунды в воздухе звучал отрывок строчки из песни... *бесконечная и непостижимая Вселенная...*

Автомобиль остановился, и я отступила на несколько шагов назад, где пышный куст и густая тень деревьев скрывали меня от любопытных взглядов.

В наступившей тишине я могла слышать только свое тяжелое дыхание. Оно было самым громким шумом на дороге. Я побежала дальше. Только теперь до меня наконец дошло, кому принадлежал этот пикап.

Тайлеру Коулману.

И Тайлер отъехал от земельного участка, на котором стоял дом Фуллера. Но сейчас я с трудом узнала этот участок.

Буйные заросли были выкорчеваны, газон подстрижен, плющ, усы которого со временем заполонили почти весь сад, исчез. Впервые за много лет я смогла увидеть дом Фуллера с улицы. И, хотя он остался точно таким же, как и прежде, теперь я видела его в другом свете. Я могла поклясться, что сейчас дом уже не был пустой оболочкой, обреченной на гибель, теперь у него неожиданно появилась душа. Душа, которая проявилась

в красном мерцании почти нереально пылающего камина, в беспокойных звуках гитары, в призрачном колыпании занавесок, которые слегка раздувались от дуновений ночного ветра.

Потом в моем сознании снова возникли новые мысли. Собственно говоря, это были, скорее, картины... Внезапно я ясно увидела перед собой Мисси, как она, шаркая ногами, бродила из комнаты в комнату. Как она, шепелявя, разговаривала сама с собой, и ее сбивчивые монологи, которые она вела в зарослях сада, а затем продолжала внутри дома Фуллера. Я представила себе, как она рылась своими бледными, костлявыми пальцами в шкафах, выдвижных ящиках и на полках, как она складывала в пакеты и волокла к себе домой все, что казалось ей ценной добычей.

Сумасшедшая из Блюхэвена.

Такая же сумасшедшая, как и я?

А что, если я только внушила себе, что слышу гитару, если занавесок вообще не было, а в старом камине лежала лишь остывшая зола?

Две причины побудили меня во второй раз за несколько последних дней вступить на земельный участок Фуллера. Опасение, что Мисси может действительно сжечь дом дотла. И страх от того, что и я сама уже давно иду по той же самой тропе безумия,

как и Мисси, и что я медленно, но верно теряю рассудок.

Я пошла на свет огня камина и на звук гитары, становившийся все громче, но затем остановилась, когда услышала скрип стула. Потом кто-то пробежал по деревянным половицам веранды.

— Есть там кто-нибудь? — услышала я сильный голос. — Мисси, это ты там?

С неба упали первые капли дождя, но я стояла как вкопанная. Не сдвинулась я с места и тогда, когда дождь пошел сильнее.

Дрожа от холода и волнения, я наблюдала за домом из-за деревьев. Сучья, которые не обрезались годами, тесно переплелись, словно обнимая друг друга. Я могла рассмотреть совсем немного, но с каждой шелестевшей веткой мое сердце билось все сильнее. Потом темная тень склонилась над белыми перилами веранды, и мое сердце забилось в такт с шагами человека, спускавшегося по деревянным ступенькам.

Кто не верит в привидения, пусть сначала докажет, что они не существуют.

Кто это сказал? Эми?

Ее образ в белой рубашке снова возник перед моим внутренним взором, когда она... так показалось мне в тот момент... проследовала на Стейт-стрит рядом с автобусной остановкой.

Если я и не была сумасшедшей, то, по крайней мере, была растеряна, и одно воспоминание, которое снова было связано с именем моего бывшего психотерапевта Эрикой Майерс, нагоняло на меня страх. *Ты видишь иногда людей, которые не существуют?*

«Нет, я их не вижу, — ответила я. — Но я знаю, что они здесь. Иногда они сидят в стенном шкафу, иногда лежат под кроватью, и я слышу, как они дышат». Тогда мне было восемь или девять лет. Это Кэйлеб позднее успокоил меня. По его словам, в этом возрасте каждый ребенок думал, что в его комнате водятся монстры.

Нет, в этом саду не было монстров, вместо них появился мужчина, который держал над головой куртку, чтобы защититься от дождя.

— Фэй? Фэй Мейсон?

Это был не мужчина. Я очень удивилась, узнав молодого человека, который в тот вечер, когда произошел несчастный случай с Эми, разговаривал в «Новой Ложке» с Тайлером.

Люк Салерно.

Почему-то я сразу вспомнила его имя.

Кроме того, это лицо так быстро не забывалось. Во всяком случае, его синие как море глаза запали мне в душу. И даже если сейчас они казались скорее черными, чем синими, они не утратили своей живости.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я его.

— Смотрю на звезды.

Непроизвольно я тоже посмотрела вверх, на небо, по которому ветер гнал все новые и новые дождевые облака.

— Какие звезды?

— Я знаю, что они там. И этого мне достаточно... А что ты делаешь здесь, на улице?

— Я не могу спать.

Ничего лучшего мне не пришло на ум.

— А я не хочу спать. Тебе еще не приходило в голову, что и с тобой могло бы случиться такое?

Нет, не приходило. Эта мысль вызвала во мне чувство неуверенности. Как же по-разному это звучит: *Я не могу спать...* или: *Я не хочу спать*. Почему я еще никогда не задумывалась над этим?

— Пойдем на веранду, здесь для меня слишком сыро.

Он повернулся и побежал назад в дом. Я последовала за ним не только потому, что промокла до нитки, но и потому, что меня подгоняло любопытство.

Когда я стояла под козырьком над входом, он поднял вверх банку пива.

— Выпьешь глоток?

— Я не пью алкоголь.

— Несмотря на то что твой отец владеет забегаловкой... нет, извини, рестораном?

Как и при нашей первой встрече, я ощутила странную близость. Возможно, потому, что я чувствовала себя одинокой и мне захотелось поговорить с кем-нибудь, кто не имел никакого отношения ко всему этому делу?

Я поднялась по лестнице и остановилась на верхней ступеньке.

— Моя тетя — врач. И еще в детстве она объяснила мне, какой вред организму причиняют сигареты и алкоголь.

Даже для меня самой это прозвучало слишком разумно, но Люк, не говоря ни слова, скрылся внутри дома, а когда вернулся, то протянул мне шерстяное одеяло и дымящуюся чашку ароматного чая. Прежде чем я успела его поблагодарить, он снова исчез, и на этот раз принес мне полотенце с надписью *«Новая Английская Революция»*. Я была сбита с толку и смутилась, но потом вспомнила, что так называлась футбольная команда в Бостоне. Значит, Люк Салерно приехал из Бостона?

Люк показал рукой на старое кресло-качалку, которое стояло на веранде и плетение которого было настолько изодрано, что я предположила, что, по-видимому, целые полчища крыс питались им последние годы. Я осторожно опустила на эту качалку и насухо вытерла волосы полотенцем.

— Моя мать — заядлая курильщица, —

сказал Люк, — несмотря на то что работает медсестрой. Единственное, о чем она меня всегда предупреждала и чего я, по ее мнению, должен был опасаться, так это той самой темной истории с... пчелами.

Он сидел вполоборота ко мне, повернув голову в сторону сада, тем не менее я смогла заметить усмешку на его лице. Он явно смеялся надо мной. При этом он небрежным жестом откинул со лба прядь своих темных волос, и у меня сразу как-то легчало на душе.

— Я и не знала, что этот дом сдается, — сказала я.

— Он и не сдается.

— Ты его купил?

Люк совсем не походил на человека, который мог бы позволить себе это. Насколько я могла рассмотреть в темноте, на нем были светлые, довольно потертые джинсы, а из-под голубой рубашки с длинными рукавами выглядывала белая футболка. Очевидно, он хорошо знал, как подчеркнуть красоту своих синих глаз. К тому же приталенная рубашка подчеркивала его спортивную фигуру. Правда, его плечи были не такими широкими, как у Джоша, а руки не такими сильными и мускулистыми, но его свободная поза и легкость его движений явно свидетельствовали о том, что он обладал натренированным телом легкоатлета.

И я поймала себя на том, что нахожу это весьма привлекательным.

— Нет, дом принадлежал моему отцу, — признался наконец Люк.

На несколько секунд я лишилась дара речи.

— Твоему отцу?

— Да, Уильяму Фуллеру.

Раскаленный кончик его сигареты мерцал в темноте подобно светлячку. Я откинулась на спинку кресла-качалки, которое покачивалось взад и вперед в ритме блюза.

— Уильям Фуллер твой отец?

— Был. Он умер. Еще много лет тому назад. Я не знал его.

— Умер, — повторила я вслед за ним. — А в Блюхэвене говорили, что мистер Фуллер внезапно исчез, и поэтому дом пустовал.

Люк раздавил окурок в консервной банке, стоявшей на перилах веранды, поставил рядом с импровизированной пепельницей свою банку пива и опустился на второе кресло-качалку.

Скрип кресла заставил меня вздрогнуть. Я сразу узнала белое плетение этого кресла. Однажды Эми уже сидела в нем, в комнате на самом верху, под крышей, где в пестром, пыльном стеганом одеяле мы обнаружили послание.

Помогите меня держат взаперти

Меня снова бросило в дрожь, и у меня появилось неприятное чувство, словно мне грозила какая-то опасность.

Какое-то время на веранде царило молчание. Мое кресло перестало качаться, и я снова привела его в движение.

— А о чем еще говорят в Блюхэвене? — спросил Люк.

— Ни о чем.

Он снова пристально посмотрел на меня, но его взгляд не был мне неприятен. Скорее, мне показалось, что он видит меня насквозь, что может рассмотреть мое истинное «я». Возможно, он чувствовал, что этот мой внешний вид, подчеркнутое самообладание и спокойствие, были искусственными, вызванными медикаментами, которые все еще оставались в моей крови.

— Я не знал своего отца, — еще раз повторил он. — Я вообще ничего не знал об этом доме. Еще три месяца тому назад мне ничего не было известно о нем. Незадолго до моего восемнадцатого дня рождения я получил письмо от некоего мистера Блума, который написал мне, что я унаследовал дом. Конечно, мне захотелось посмотреть на него.

Тонкие, изящные пальцы Люка барабанили по ручке кресла. Вероятно, даже сам не осознавая того, он барабанил в ритме красивой гитарной композиции, которая доносилась из окна дома.

— И я хотел познакомиться с людьми, которые знали моего отца, — добавил он.

И тут я вспомнила. В тот злополучный вечер он беседовал в «Новой Ложке» с Тайлером. И тогда в разговоре прозвучали имена моего отца, моей тети Лиз и мое собственное.

— Это поэтому ты расспрашивал Тайлера о нашей семье в тот вечер в «Новой Ложке»?

— Расспрашивал? — Люк рассмеялся. — В этом не было никакой необходимости. Тайлер сам появился здесь, так как соседи сообщили полиции, что кто-то вломился в дом. Но, когда я показал ему письмо мистера Блума и он убедился в том, что Уильям Фуллер действительно был моим отцом, он взял меня с собой в забегаловку... извини, в ресторан твоего отца. — Неожиданно на лице Люка появилась лукавая улыбка. — Мне не потребовалось задавать много вопросов. Тайлер сам говорил без устали.

Да, это было похоже на Тайлера. Он считал, что если будет знать обо всем, что происходило в Блюхэвене, то сможет предотвратить преступления. Как будто в Блюхэвене когда-либо было совершено хоть какое-то преступление.

— И при этом он рассказал тебе все обо мне и о моей семье?

— Не все.

Его улыбка стала еще шире.

— И Тайлер только что был здесь, не так ли? О чем же вы говорили на этот раз? Обсуждали цвет моего нижнего белья?

— Нет, об этом мы поговорим в следующий раз. — Он тихонько рассмеялся. — Он назвал мне несколько имен тех людей, к которым я мог бы обратиться, если захочу побольше узнать о своем отце. Как, например, доктор Элизабет Сен Клер. Ведь это твоя тетя, да?

Я кивнула.

Перестук его пальцев на ручке кресла опережал темп музыки.

— И... — продолжал он, — она, точно так же, как Ланкастеры, Уэстоны и Шерами, является членом организации «Клуб понедельника».

— Это Тайлер рассказал тебе об этом?

Его пальцы внезапно перестали барабанить.

— Нет, об этом я прочел в Интернете. — Он наклонился вперед. — Ваш «Клуб понедельника» упоминался даже в «Бостон Экспрайр» и в новостях региональных телекомпаний. Складывается впечатление, что он обладает довольно большим влиянием. Ведь летом здесь побывал с визитом даже сам губернатор штата Мэн.

Я нахмурилась. Мне не понравилось, в каком направлении развивался наш разговор.

— Это не имеет никакого отношения к «Клубу понедельника». Просто Ланкастеры играют очень важную роль в этой местности. Карен лично знакома со многими влиятельными людьми.

Люк закашлялся, но даже его кашель звучал иронично.

— Я же об этом и говорю. — Он откровенно разглядывал меня. — По слухам, «Клуб понедельника» стоял и за расформированием Военно-морской Академии в Блюхэвене. И у меня, естественно, возникает вопрос, а чем именно занимается эта окруженная завесой тайны организация.

Я беспокойно заерзала на своей качалке взад и вперед. Я знала, откуда у Люка эта информация. Он почерпнул ее из статей некоего журналиста по имени Дэймон Каплан. Этот бумагомаратель зарабатывал на жизнь рассчитанными на внешний эффект сенсациями, которые он продавал тем бульварным газетенкам, которые предлагали ему за них больше денег.

Действительно, закрытие Военно-морской Академии удивило и меня. Папа много говорил об этом. Не только потому, что она входила в число самых успешных институтов штата Мэн, но также и потому, что причины ее закрытия остались неизвестны. К тому же слушатели Академии были папиными самыми лучшими клиентами в «Новой Ложке».

Но «Клуб понедельника» на самом деле не имел к этому никакого отношения. По словам Джоша, его бабушка голосовала даже против закрытия Академии, но, в конце концов, ничего не смогла поделать, и решение было принято. Ведь такие вещи решаются в Пентагоне. Во всяком случае, я, конечно, понимала, какой цели добивался этот Каплан своими намеками. Имевшаяся в уставе клуба загадочная обязанность не разглашать тайну делала «Клуб понедельника» интересным для теорий заговора любого вида. Вероятно, этот пресловутый Дэймон Каплан не остановился бы и перед тем, чтобы свалить на «Клуб понедельника» вину и за трагедию 11 сентября, если бы смог сфабриковать какую-нибудь связь клуба с этой трагедией.

— «Клуб понедельника» — это благотворительный фонд, — пояснила я Люку как можно спокойнее. — Здесь есть несколько семей, которые довольно богаты, но они не растрачивают свои деньги на... ну да, на обычные, общепринятые вещи.

Снова на лице Люка появилось ироничное выражение, как будто он сомневался в моих словах. Потом он сладко потянулся, взял банку с пивом и сделал большой глоток.

Невольно я подумала о Джинджер. Если бы она его встретила, то, вероятно, сделала бы все, чтобы — как она говорила со своей

характерной улыбкой хищницы — познакомиться с ним поближе. Я подумала о Джоше, которого не видела уже целых три дня, и внезапно у меня появилось страстное желание услышать его голос, почувствовать его уверенность. Я должна была ему позвонить.

— И что же делают эти семьи со своими деньгами, если не тратят их на парусные лодки, очередную яхту или личный реактивный самолет? — продолжал расспрашивать меня Люк.

— Почему ты хочешь знать все так подробно?

Мне все меньше нравилось разговаривать с ним о наших семьях, да еще к тому же о «Клубе понедельника». Это его не касалось.

— Потому что они позаботились о моем отце. Они оплатили его пребывание в больнице.

Я молчала, совершенно сбита с толку, я была, пожалуй, даже сконфужена. Люк пристально смотрел на меня, словно пытался прочесть мои мысли.

Я поспешно протянула ему свою пустую чашку.

— У тебя есть еще чай для меня? — спросила я, чтобы выиграть время.

Люк кивнул и исчез внутри дома. Я услышала, как открылась и снова закрылась

дверца шкафа. Потом загромыхали выдвижные ящики и что-то задребезжало.

«Клуб понедельника» дал деньги Уильяму Фуллеру? Не было ничего необычного в том, что он взял на себя оплату пребывания в больнице отца Люка. О благотворительной стороне деятельности клуба в семьях говорили открыто. На традиционных ужинах, которые давались в доме бабушки Джоша каждое первое воскресенье месяца, постоянно говорили о ссудах и финансовой поддержке. Например, однажды «Клуб понедельника» проявил заботу о Мисси и оплатил ремонт крыши ее домика, так как в дождь она протекала.

Однако дело заключалось в следующем: если Люк говорил правду, тогда «Клуб понедельника» знал, что произошло с Фуллером. Я слышала от разных людей, что он внезапно исчез, да, словно провалился сквозь землю.

Мы говорили об этом, когда Эми и я объявили дом Фуллера Домом Духов. И разве Лиз не подтвердила эти слухи, когда мы спросили ее об этом? Или моя память подвела меня? Возможно, я просто не смогла отделить правду от вымысла в придуманных Эми историях и в сплетнях, которые разносились по Блюхэвену?

При этой мысли острая боль пронзила мой висок. Эми — она бы наверняка узна-

ла это. Чем больше времени проходило, тем болезненнее ощущала я ее потерю. Это была рана, которая никогда не заживет.

— Какие причины могут быть у благотворительного фонда утаивать свою деятельность, если за этим не скрывается что-то большее? Нечто такое, что ни в коем случае не должно стать достоянием общественности?

Я даже не заметила, как Люк вернулся. Он протянул мне чашку чая. Я отпила большой глоток. Хотел ли он меня спровоцировать, чтобы вытянуть из меня информацию? Это ему не удастся. Джош, Джинджер, Кэйлеб и я с раннего детства усвоили, что существуют вещи, которые должны оставаться внутри семьи.

— Я не хочу об этом говорить, — возразила я. И, чтобы избежать дальнейших распросов со стороны Люка, я направила разговор в другое русло: — Знаешь ли ты, собственно говоря, что Мисси Остин постоянно шатается здесь, в доме и в саду. Кажется, что она буквально помешана на этом доме.

В глазах Люка что-то мелькнуло. Конечно, он был недоволен сменой темы разговора, но потом все-таки заговорил.

— По-видимому, мой отец был знаком с ней, — сказал он. — Во всяком случае, мистер Блум дал мне ее адрес, так как она хранила ключи от этого дома.

— Кто доверит Мисси ключ от дома? Она, как сорока, хватает все, что попадает ей под руку.

— Может быть, она не всегда была такой.

Я никогда не встречала Мисси в ином состоянии, и она всегда была для меня своего рода призраком Блюхэвена, и никто никогда не рассказывал о ней другое.

— Мне хотелось бы, чтобы существовала возможность как-то помочь ей! — вырвалось у меня.

— Да, но для некоторых реальная жизнь просто слишком тяжела, — возразил Люк, и я подняла глаза, когда уловила в его голосе нотки сочувствия. — Некоторые люди являются потерянными душами.

Я никак не ожидала от него таких мыслей, обычно мудрости подобного рода я слышала от своего отца или от Эми.

В свете проезжавшего мимо автомобиля по белому фасаду дома пробежали тени деревьев и исчезли за углом, затерявшись в зарослях кустарника.

Я вздрогнула от испуга, когда Люк наклонился ко мне и тронул меня за плечо.

— С тобой все в порядке? — спросил он.

Во мне что-то дрогнуло. Возможно, виной тому был внимательный взгляд Люка, а может быть, его последняя фраза или этот необыкновенный вечер, который, казалось, выпал из времени и пространства.

— Моя лучшая подруга Эми несколько дней тому назад погибла в автокатастрофе, — вырвалось у меня.

— Я слышал об этом.

Я нервным движением схватила его банку пива и сделала большой глоток. Алкоголь сразу ударил мне в голову. Все это разбредило мою душу. Непрекращающийся, действующий на нервы шум дождя; гитарная музыка, доносившаяся из дома, которая сплеталась с мелодией, снова зазвучавшей у меня в голове; вопросы Люка; то, как он смотрел на меня — со смесью любопытства, интереса и замкнутости. Он не знал меня — и был не местным.

Я рассказала Люку все. Начав рассказывать, я уже просто не могла остановиться. О нашем с Эми последнем совместном дне в школе, о настоящем желании Эми поговорить со мной. Я все еще не имела ни малейшего понятия, что именно так сильно мучило ее. Но, должно быть, это было нечто очень важное, и она опасалась, что я ей не поверю.

Я рассказала об аварии. О своей выдуманной встрече с духом Эми на автобусной остановке в ночь ее смерти. Как она пыталась предостеречь меня от чего-то. О том, что я только что узнала от Донны. И я сказала ему, что боюсь сойти с ума, как Мисси, или — что еще хуже — я уже рехнулась.

— Стой, нет, прекрати. — Люк поднял руку. — Я верю тебе.

— Чему?

— Всему.

Я растерянно уставилась на него.

— Ты веришь тому, что я видела Эми, хотя она умерла?

— Возможно, ты видела ее дух, этого я не знаю, но это не играет никакой роли.

— Это не должно играть никакой роли, сошла ли я с ума?

— Никто не сошел с ума. Ни ты, ни Мисси. Моя мать часто рассказывала мне о пациентах психиатрической клиники в Нортгемптоне, в которой она работала. Раньше людей объявляли сумасшедшими, если они вели себя иначе. *«Сумасшедший»* — это всего лишь слово, которое люди используют для обозначения тех, кто не придерживается общепринятых правил. Ты говоришь, что не можешь спать, лишение сна в течение нескольких дней приводит к галлюцинациям. Почти для всего существует научное объяснение.

Мне хотелось ему верить. Его возражения выглядели такими логичными, и они успокаивали меня. Он должен был продолжать говорить, так как этот низкий, теплый голос оказывал на меня своеобразное воздействие. Он гармонировал с тихим шелестом дождя, с тяжелыми каплями, которые скатывались

вниз по балкам веранды. Я почувствовала, что успокаиваюсь, и откинулась на спинку кресла.

Некоторое время мы просто молча сидели рядом. Когда я закрыла глаза, красный свет камина, полыхавшего по ту сторону оконного стекла, пробивался сквозь мои веки. Я чувствовала себя так, словно находилась в приятно покачивающейся лодке. Под теплым одеялом я быстро согрелась.

— Ты когда-нибудь слышала имя Зоэ? — заставил меня очнуться голос Люка.

— Кто эта Зоэ? — спросила я, борясь со сном.

— Я был на кладбище. Это имя я прочел на надгробном камне, который стоит рядом с могильной плитой моего дедушки и моей бабушки. Зоэ и год 1995. Никакой фамилии.

— Нет, — пробормотала я, — никогда не слышала.

А потом я заснула. Я заснула просто, сама по себе, без всяких снотворных таблеток.

Глава 12

Сцепив свои пальцы с моими, Джош прокладывал нам путь сквозь толпу, которая собралась перед вестибюлем похоронного бюро «*Фармерс и сыновья*». Мэр Джеймс Гудзон, называемый также Джимми III, так как еще его отец и дед были мэрами Блюхэвена; миссис Ирвинг, директриса средней школы Уэстона, в своем строгом темно-сером костюме, весь выпускной класс с цветами в руке, Фрэнк Тёрнер в форме, и даже наш бармен, который позаимствовал у моего отца черный пиджак, — все они пришли сюда, чтобы проститься с Эми.

Была суббота, и Джош появился у нас еще до завтрака, словно предчувствовал, что без него я бы не смогла выйти из дома. Мы вместе поехали на похороны.

Мое новое черное шелковое платье шелестело при каждом шаге, когда я пробиралась сквозь плотную толпу. Это Клэр от-

копала его, так же как и туфли. Все сидело на мне как влитое, и тем не менее я чувствовала себя так, словно меня подменили. Как будто другая Фэй — нетвердо стоявшая на ногах и дрожавшая всем телом — следовала за людьми в траурный зал.

— Все в порядке, — прошептал Джош мне в ухо. — Я рядом с тобой. — Он крепко сжал мою руку. — Ты действительно хочешь сесть впереди? Ты уверена, что справишься?

Я лишь на миг подняла взгляд и тотчас опустила глаза, когда увидела темный гроб в окружении моря цветов, установленный для прощания на высоком деревянном помосте. Я знала, что меня ожидало. Каждый — Лиз, папа и Джош — пытался осторожно подготовить меня к тому, что гроб будет стоять открытым. Они не могли знать, какое облегчение я испытала при этом. Я хотела видеть Эми, более того, я должна была увидеть ее, чтобы, наконец, окончательно убедиться в том, что она действительно умерла.

Люк был чужаком в нашем городе. Поэтому не играло никакой роли, что он подумал обо мне. Но рассказать Джошу, Лиз, моему отцу и всем остальным о моей встрече с Эми на автобусной остановке казалось мне невыносимым. Они сразу подумали бы, что скорбь по Эми окончательно свела меня с ума.

Я еще крепче сжала руку Джоша и следовала за ним вперед. Смушение, сочувствие

и слезы на лицах вокруг меня вместе с запахом свежей краски, воска горящих свечей и цветов вызвали у меня приступ тошноты.

«Летняя песня». Огромная ваза с красными розами стояла на полу рядом с гробом между погребальными венками из живых цветов. Кто же мог прислать эти розы?

— Это Фэй Сен Клер, — услышала я шепот у себя за спиной. — Она была ее лучшей подругой.

Охотнее всего я бы обернулась и сказала бы, что моя фамилия Мейсон и что наша с Эми дружба не осталась в прошлом. Я всегда была и буду ее подругой. Однако шушуканье продолжилось:

— Девушка управляла машиной без водительских прав, и говорят, что она была пьяна. Дочь Ланкастеров тоже сидела в этой машине. Страшно даже представить себе, что случилось бы, если бы с внучкой Карен Ланкастер что-нибудь произошло.

— Просто не слушай эти сплетни, — тихо сказал Джош и направился к своей бабушке и Клэр, которые стояли в проходе рядом с Донной. Я высвободила свою руку из руки Джоша и упала в объятия Донны. Мы долго стояли, обнявшись, прежде чем я прошла вместе с Джошем дальше вперед, где под тихие звуки песни «*Unforgettable*» длинная очередь, толкаясь, двигалась мимо гроба с телом Эми.

Я нервно смяла листок, который держала в руке. Сегодня ночью я попыталась написать траурную речь. Уже было начало одиннадцатого, когда я вернулась домой от Люка. Отец, который договорился о том, чтобы его подменили в «Новой Ложке», ждал меня с едой. Мы молча сидели за столом и ели спагетти. Здесь был настоящий оазис спокойствия во всем этом хаосе, точно такое же спокойствие я чувствовала и на веранде дома Фуллера. Однако позднее, когда я уединилась в своей комнате, все снова накатилося на меня с новой силой. Час за часом я в отчаянии искала подходящие формулировки, но все, что я написала, звучало сухо и натянуто. Эми умела делать это гораздо лучше.

В поисках поддержки мой взгляд скользнул по толпе, в надежде, что отец, наконец, появится здесь. Мэнди снова вызвалась заменить его в ресторане, но он решил закрыть «Новую Ложку» до конца дня. Он сказал, что Эми была для него словно вторая дочь.

Аромат красных роз стал еще интенсивнее. Так много людей. Взглянув против света, я заметила, как в этот момент хрупкая женщина с зачесанными назад длинными волосами покидала зал. Мне показалось, что однажды я уже встречалась с ней в своих снах. Я моргнула, и женщина исчезла.

— Фэй?

Я кивнула Джошу, оставив его одного, в знак того, что все было в порядке. Этот путь до гроба я должна была пройти в одиночку. Здесь речь шла только об Эми и обо мне. Это было мое прощание.

Из тихо потрескивавших динамиков лилась медленная, ленивая мелодия песни. Мои ноги шагали сами собой. Вдруг я оказалась прямо перед ней и была вынуждена заглянуть в ее белое, восковое лицо.

It's incredible.

Да, это казалось действительно невыносимым — видеть ее безжизненное тело лежащим в гробу, подбитом белым сатином. На ней было платье цвета красного вина без рукавов — с последнего вечера встречи выпускников нашей школы. Я могла себе представить, что Эми хотела бы быть в нем. Она любила это платье, на тот вечер она пришла вместе с Кэйлебом и позднее рассказала мне о своем первом поцелуе... о втором и о третьем.

Однако что-то случилось с ее волосами, этими густыми, темными волнистыми волосами, которые доводили Эми до белого каления. Словно кто-то так энергично прогладил их утюгом, что теперь они выглядели почти как парик. А потом ее лицо. Мне пришлось дважды пристально вглядываться в него, так сильно оно было накрашено. На долю секунды я была настолько ошелом-

лена, что даже почувствовала облегчение, и у меня мелькнула мысль: «Как хорошо, ведь это же не Эми, это всего лишь какая-то кукла в ее платье».

Позади меня кто-то громко всхлипнул. Когда я обернулась, то узнала Джинджер, стоявшую позади Джоша. Она носовым платком вытирала слезы с испачканного лица. Наши взгляды встретились лишь на несколько мгновений. С той ночи в Уинди Холл, ночи после аварии, я больше не разговаривала с Джинджер.

Длинными ногтями она непрерывно расчесывала свою левую ладонь. Как она могла за столь короткое время превратиться в такое незнакомое, бледное существо? Это уродливое дизайнерское платье с блестками на воротнике, туфли на низком каблучке с серебряными пряжками — раньше она продавала такие туфли на интернет-аукционах eBay и приобретала на вырученные деньги какие-нибудь винтажные вещи. По-видимому, Клэр, наконец, удалось одеть ее по своему представлению. Существовало только одно слово, которым можно было описать это изменение: подчинение.

На своем мобильнике я нашла множество сообщений от Джинджер, которые до сих пор просто-напросто игнорировала. У меня было слишком много вопросов, ответов на которые я боялась.

— Пойдем, Фэй. Наши места там, на той стороне зала, — услышала я голос Джоша.

Я почувствовала на своем плече его руку и повернулась к нему. Для нас зарезервировали места в первом ряду. Я взяла со стула листок с моим именем и села между Джошем и Кэйлебом, который в строгом черном костюме выглядел необычно взрослым.

— Это настоящий кошмар, — тихо сказал он, взял мою руку и так крепко сжал ее, что я тихонько вскрикнула. Серебряный браслет больно врезался мне в запястье.

— Извини, но на ком-нибудь я должен был выместить свою злость. Мама заставила меня надеть этот костюм, в котором я выгляжу как организатор похорон, и что, собственно говоря, это за музыка? Нам надо было поставить ее любимую песню. Но как всегда, меня никто не спросил. Завтра я пойду на ее могилу и спою Эми эту песню.

Кто удержал меня от того, чтобы расплакаться, так это Вирджиния, которая в этот момент подошла к гробу. Врач, которая не смогла помочь Эми после аварии, сейчас была не похожа на саму себя. Обычно она отличалась прямой осанкой, по которой уже издали в ней можно было распознать натренированную спортсменку. Теперь она медленно шла мимо гроба с поникшими плечами. И ее лицо, обычно загорелое от хождения под парусом, сейчас было бледным,

с ввалившимися глазами и впалыми щеками. Когда она возвращалась на свое место в зале, то наступила на край своих широких брюк, пошатнулась и непременно упала бы, если бы отец Джоша не поддержал ее.

Когда она проходила мимо меня к своему месту, я впилась ногтями себе в ладони. Я не отважилась посмотреть на нее. Я не посмела даже шевельнуться из опасения выдать свои мысли. Она дважды оказалась несостоятельной. Сначала — когда не распознала, насколько серьезно была больна Эми, и потом — когда не сумела вернуть ее к жизни.

То, что последовало потом, представляло собой лишь бессвязные картинки, мелькавшие перед моими глазами. Одна речь следовала за другой. Сначала преподобный Броуди, потом наша директриса, наконец, Лоурен Палмер, спикер выпускного класса. Лоурен, которая за целый год и словом не обмолвилась с Эми. И наконец Нельсон, отец Джоша, который прежде всего обращался к Донне. А у меня все время было такое чувство, что все происходящее нереально.

— Иногда мы проходим вместе лишь небольшой отрезок пути, — донесли до меня слова Нельсона. — Потом нам приходится расставаться, но я твердо верю в то, что мы снова встретимся. В другом мире.

Как он мог утверждать такое, если это неправда?

Я снова пришла в себя только тогда, когда преподобный Броуди, опершись о трибуну, сказал своим характерным фальцетом:

— Теперь с последней надгробной речью выступит Фэй Мейсон.

Джош, который все это время держал меня за руку, неохотно отпустил меня. Мне стало холодно, а мои ноги были словно ватные, когда я шла вперед. Я тщетно пыталась не обращать внимания на стук каблуков своих туфель, который ударами молота отзывался у меня в голове.

У меня во рту пересохло до такой степени, что я боялась, что не смогу произнести ни слова. Я потеряла всякое чувство времени и не знала, как долго так стояла, но в какой-то момент почувствовала, что собравшиеся в зале забеспокоились. Я должна была начать говорить. Я разгладила бумажку с речью и облизала губы. Только первые слова своей речи я знала наизусть: «Я не верю в звезды, не верю в судьбу или в какую-то карму».

Я уставилась на листок и попыталась прочесть, что же там было написано, но кривые буквы превратились в узор из отдельных черных линий, в секретный код, который я вдруг перестала понимать. В отчаянии я посмотрела на толпу людей, сидевших в зале, которая тоже расплылась в сплошную черную массу, и, только отыскав в этой толпе

лицо своего отца, сидевшего несколько сзади в своем помятом пиджаке и криво повязанном галстуке в горошек, я смогла собраться и продолжила свою речь.

— Я не верю в звезды, не верю в судьбу или в какую-то карму, — повторила я. — Я также не верю в то, что человек может умереть дважды. Но сейчас Эми умирает здесь и сегодня во второй раз.

Я это не записывала, и у меня возникло такое чувство, что говорю не я. Скорее, я как бы наблюдала за собой со стороны. Словно здесь, впереди, в траурном зале похоронного бюро, выступала с надгробной речью другая девушка, которая только выглядела, как я, у которой был такой же самый голос и которая надела похожее платье...

Я снова искала в толпе лицо своего отца, но вместо этого наткнулась на лицо Донны. Черное ей не шло, а потом я подумала, что мой отец наверняка поднял большие пальцы рук, как он всегда делал во время моих выступлений в школе или когда я бежала дистанцию пять тысяч метров с целью выиграть первенство школы. Я чуть было не рассмеялась, но именно тихое покашливание Карен вернуло меня в этот зал. Только бабушка Джоша умела одним взглядом, одним покашливанием выразить то, для чего понадобилась бы тысяча слов: *Никогда не забывай, Фэй Мейсон, кто ты*

такая, где ты находишься и откуда ты пришла.

Листок соскользнул на пол, но он все равно был бесполезен. Я сделала глубокий вдох, и, наконец, слова сами собой полились из меня:

— Первый раз Эми умерла в карете «Скорой помощи». Когда... — я откашлялась и посмотрела в сторону Вирджинии, которая опустила голову, — когда Вирджиния Доннелли не смогла спасти жизнь Эми. И вот сейчас она умирает для многих из вас во второй раз, так как вы только сейчас понимаете, что она мертва. Но для меня Эми не мертва. Она моя лучшая подруга, моя сестра, моя родственная душа... и каждый, кто действительно знает ее, понимает, почему я так говорю. И такой она останется для меня навсегда.

Мой голос окреп, когда я продолжила говорить.

— Когда смерть становится окончательной и необратимой? Когда медицинские приборы больше не регистрируют признаки жизни? Когда умерший человек лежит в гробу?.. Нет. Человек становится мертвым только тогда, когда исчезает из памяти своих близких родственников и друзей. Когда мы начинаем забывать человека, которого любили.

Я думала о своей матери, которую не знала. Все, что мне было известно о ней,

это рассказы отца и Лиз. После нее остались только фотографии и письма, которые не были адресованы мне и постепенно забывались в выдвижных ящиках стола. Для меня она была мертва. У меня не осталось воспоминания о ней. И если однажды она являлась мне в моих снах, то Эрика Майерс диагностировала это как подмену трезвой оценки действительности субъективными желаниями ребенка.

— Сегодня уже много говорилось об Эми, — продолжала я. — Какой умной она была. Какой смешной и остроумной. Что она хотела изучать литературу. Ее любимыми авторами были Шарлотта Бронте, Эдгар Аллан По, Джон Грин и многие другие. Ее заветной мечтой было стать писательницей. И она могла бы еще много о чем рассказать. — Я сделала глубокий вдох. — Но все это не должно стать прошлым. Это нам самим решать, позволить ли Эми действительно умереть. Это в наших руках.

Карен Ланкастер нахмурила лоб, словно по какой-то причине ей не понравилось то, что я сказала. Донна начала тихонько плакать. Микрофон затрещал и загудел.

Я наклонилась вперед.

— По крайней мере, я не сделаю этого. Никогда. — Новое платье сдавило мне грудь, бретельки бюстгалтера больно вре-

зались в плечи. — Эми, я не сотру номер твоего телефона из своего мобильного.

Я еще больше понизила голос, и он прозвучал совсем тихо, когда я сказала в завершение своей речи:

— Я позвоню тебе, и тогда мы поговорим, как ты и собиралась. Можешь на меня положиться.

Толпа уже давно разошлась, а я все еще стояла у могилы. Я попросила Джоша на некоторое время оставить меня одну. Едва заметный ветерок шелестел листьями деревьев. Еще вчера бушевала буря, а сегодня небо было безоблачным. Душное тепло накрыло нас, как влажная занавеска в душе.

Все закончилось. Гроб с телом Эми лежал в земле. Теперь она была частью этого серого ландшафта из надгробных камней, на которых имена так быстро разъедались соленым морским воздухом, что вскоре уже было невозможно узнать, кто именно лежит в могиле. Солнце пекло мне в затылок, а я, задрав голову, смотрела на пушистые белые облачка, появившиеся на небе, как будто могла рассмотреть среди них душу Эми.

Я снова пришла в себя только тогда, когда почувствовала нежное прикосновение к своему плечу. Я испуганно обернулась и увидела перед собой фигуру, которую меньше всего ожидала увидеть здесь. Это оказалась

Мисси. На ней были черные потертые вельветовые брюки, поверх них серая мужская рубашка и черная мохеровая кофта грубой вязки. Эта странная траурная одежда, которую она надела, очевидно, ради Эми, растрогала меня до слез.

— Ты знала Эми? — тихо спросила я, но Мисси продолжала пристально вглядываться в одну точку за моим плечом, словно не слышала вопроса.

— Ты же ее тоже видела, не так ли? — прошепелявила она своим беззубым ртом, и ее худое лицо исказила гримаса страха.

— Кого?

И впервые в жизни Мисси дала на мой вопрос вразумительный ответ.

— Зло вернулось, и оно восстанет вместе с ней. — Она показала на могилу.

Имела ли она в виду Эми?

Я наклонилась к ней.

— Мисси, что ты такое говоришь? — спросила я на этот раз уже настойчивее.

— Тсс! — показала мне Мисси. — Тише, тише. — Она попыталась что-то сказать, но прежде, чем она смогла вымолвить хоть слово, на ее лице появилось выражение дикой паники, и, коротко вскрикнув, она поспешно удалилась, шаркая ногами.

Я уже собиралась побежать за ней, но в этот момент у меня за спиной появился Джош.

— Донна хотела бы поговорить с то-

бой, — сказал он и перевел взгляд с меня на удаляющуюся Мисси. — А что ей-то надо было от тебя?

— Я не знаю, — тихо ответила я, стараясь скрыть свое смущение. — Я действительно не знаю этого.

К нам подошла Донна. Она протянула ко мне руки, я взяла их, и потом мы крепко обнялись.

— Спасибо, Фэй, за твою речь, — тихо вымолвила она. — Она оказала мне большую поддержку, чем все остальное сегодня.

Я судорожно сглотнула, но не смогла произнести ни слова. Некоторое время мы молча стояли напротив друг друга, и никто из нас не знал, что же еще сказать, пока Донна снова не взяла себя в руки.

— Звонили из школы, — резко сменила она тему. — Они хотят освободить ее шкафчик и спрашивают, что делать с ее вещами.

— Они не имеют права делать это, — испуганно воскликнула я. — Это должен сделать кто-нибудь из нас.

Донна умоляюще посмотрела на меня. Ей ничего не нужно было говорить.

— Я знаю цифровой код, — быстро сказала я. — Я сама позабочусь об этом.

Она благодарно кивнула.

— Если ты найдешь что-нибудь, что хочешь оставить себе, то просто заberi это, хорошо?

Перед моим внутренним взором снова возникли красно-белые записные книжки с листами из мраморированной бумаги, которые Эми положила на верхнюю полку своего ящика в первый школьный день. Неожиданно мне показалось немыслимым, что с этого момента прошло всего лишь четыре дня.

Донна повернулась, чтобы уйти.

Джош положил мне руку на плечо.

— Ты поедешь к бабушке со мной или со своим отцом?

Я озадаченно посмотрела на него, все еще не придя в себя. Но потом я вспомнила, что поминки состоятся у бабушки Джоша Карен, ведь Донна сама говорила мне об этом. У нее в старом Доме Капитана было бы слишком тесно для такого скопления народа.

— Фэй, а потом ты поговоришь с Джинджер? Она так себя упрекает в случившемся, — тихо попросил Джош.

— Лучше я поеду с отцом, — сдавленным голосом сказала я.

Джош кивнул. Он понимал меня, и за это я буду вечно его любить.

Опираясь на его руку и спотыкаясь на узких тропинках, которые проходили мимо надгробий, мы направились к выходу, где толпа людей, одетых в черное, уже расселась. Я слышала, как один за другим заводились двигатели, и лимузины медленно

уезжали, а голоса звучали все громче. То там, то тут слышались громкие возгласы, а потом я услышала яростный крик:

— Нет, кто-то же должен позаботиться об этом! Все, что говорится об аварии, — ложь!

— Что там случилось? — обеспокоенно спросила я.

Нахмутив брови, Джош уставился на группу людей перед нами.

— Я думаю, это Тайлер.

И действительно, я узнала молодого полицейского, который пытался вырваться из рук Фрэнка Тёрнера, пока тот, в конце концов, не отпустил его. Пошатываясь, Тайлер сошел с тропинки и побежал прямо по могильному полю. Он чуть было не упал и только в самый последний момент успел ухватиться за ближайшее надгробие. Полуобернувшись в нашу сторону, он крикнул:

— Они лгут! Они все лгут. Она не сидела за рулем... — заплетающимся языком пробормотал он. — И у меня есть доказательства.

Джош хотел продолжить путь.

— Ты же видишь, он совершенно пьян.

Я отпустила его руку.

— Доказательства?

— Просто не обращай на него внимания, — возразил Джош, пожав плечами.

Я еще раз посмотрела на Тайлера. Джош был прав. Тайлер уже едва стоял на ногах,

а его бритый череп побагровел и был ярко-красным. Я уже всерьез опасалась, что его голова может лопнуть.

— Тогда почему одна ее сандалета лежала под передним сиденьем пассажира? — неожиданно прохрипел он. — В этом нет никакого смысла!

Фрэнк снова подскочил к нему и схватил своего коллегу за плечи. Его широкое, лоснящееся лицо тоже побагровело. Было видно, что он был вне себя от ярости.

— Это кладбище! — прошипел он. — Место скорби. Здесь нельзя орать. Если вы, Коулман, немедленно не прекратите устраивать сцены, то это будет иметь для вас серьезные последствия.

Тайлер поднял голову и посмотрел на меня. Я заметила выражение страха на его лице, но одновременно там было и что-то другое. Возможно, последняя мысль, перед тем как он окончательно отключился, а возможно, только я смогла это услышать, но слова прозвучали для меня очень четко:

— Мне очень жаль. Я не имел права рассказывать ей об этом.

Фрэнк рывком поставил его на ноги, подтолкнул вперед, и они вместе прошли через ворота из кованого железа. Всего лишь несколько секунд спустя я увидела, как от ворот отъехала полицейская патрульная машина.

Глава 13

На небе мерцала вечерняя звезда. Одинокая чайка пролетела над улицей в сторону моря. Сколько сейчас могло быть времени? Я этого не знала. Я повернулась, подняла с пола черное платье, открыла дверцу стенного шкафа и просто запихнула его внутрь. То же самое я сделала и с туфлями, а колготки, на которых появилась затяжка, я сунула в пакет и выбросила в корзину для бумаг.

Я открыла дверь, ведущую в коридор. Не было слышно ни звука. Можно было подумать, что в доме нет ни одного человека, хотя я точно знала, что папа удалился в свой кабинет.

Он был самым невероятным, самым лучшим отцом, какого только можно было себе представить. Я не смогла долго выдержать у Карен, и он сразу заметил мое плачевное состояние. Он просто взял меня за руку и нежно, но решительно усадил в свою машину, чтобы отвезти домой.

Поминки, организованные в доме бабушки Джоша, оказались для меня настоящей мукой. В устройстве поминок в этом огромном, холодном вестибюле чувствовалась какая-то фальшь. Так как это превратилось в некое празднование — а ведь это и было празднование, когда снующие вокруг официанты предлагают тебе закуски, а гости стоят кружком с бокалами шампанского в руках. А потом снова и снова эти застывшие выражения лиц, смущенные взгляды, когда они все смотрят на меня.

Я сторонилась Джинджер, и в какой-то момент она исчезла. Я избегала встречи и с Кэйлебом. Один его вид, когда он боролся со слезами, вызывал во мне такую страшную печаль, что мне лишь хотелось забиться в какой-нибудь укромный уголок.

Джош оказался единственным, кто держал себя в руках. Он опекал гостей, заботился о том, чтобы у каждого было что выпить и чтобы я хоть что-то поела. И все равно, с кем бы он ни встретился, он легко поддерживал любой разговор, спокойно отвечал на вопросы, касающиеся баскетбольного сезона, школы или своих планов на будущее.

А я все время думала об Эми. Она бы все это возненавидела. Мы с ней должны были бы быть на пляже или на пирсе для частных яхт. Там мы действительно были бы

с ней близки. Она никогда не принадлежала к этому миру.

В одном нижнем белье я отправилась в ванную, долго и тщательно смывала с лица макияж, расчесывала волосы. Эти привычные ежедневные процедуры позволили мне успокоиться.

Я легла в постель, закрыла глаза и на какое-то мгновение действительно расслабилась и наслаждалась знакомым запахом своей комнаты и приятной прохладой шелкового постельного белья. Но я знала, что это продлится совсем недолго и мои мысли будут вращаться только вокруг событий этого дня. Я прижала ладони к вискам, закрыла глаза, однако картины не исчезали.

Мисси на кладбище, в своей изношенной черной вязаной кофте.

Зло вернулось, и оно восстанет вместе с ней.

Пьяный Тайлер, который, пошатываясь, бредет прямо по могилам.

Они лгут! Они все лгут!

Бабушка Джоша, которая во время приема отвела меня в сторону: «Опасная мысль, которую ты высказала в своей речи, Фэй. И далеко не полезная». Ногти Карен со свежим маникюром, неброско накрашенное лицо, на котором, несмотря на ее возраст, было на удивление мало морщин, ее безупречная прическа из пышных седых волос — все

в ней было совершенно. Одновременно это совершенство олицетворяло собой дисциплину, к которой она убедительно призвала меня следующей фразой: «Ты должна научиться признавать это. Смотреть вперед. Перед тобой последний школьный год. Эми наверняка хотела бы, чтобы ты приложила все усилия».

Лиз все время стояла рядом с нами и кивала при каждой фразе. Я взглядом, полным отчаяния, постоянно искала Донну, и меня бесконечно обрадовало то, что она была достаточно далеко и не могла слышать слова Карен. Сегодня Донна была вынуждена похоронить планы Эми на будущее вместе с ней, и замечания Карен каждым своим словом напомнили бы ей об этом.

А потом, слава богу, всего лишь несколько минут спустя отец спас меня, просто взяв за руку и проведя через толпу гостей, собравшихся в вестибюле огромного особняка Ланкастеров.

А когда я оказалась дома, то Оз снова вернул меня к действительности. Он снова и снова терся своей головой о мой лоб, словно тем самым мог прогнать все мои страшные мысли. И даже тогда, когда я его оттолкнула, он не убежал, а свернулся клубком у меня в ногах и начал чистить свою шерстку. Некоторое время я наблюдала за его движениями, и мне захотелось

обладать таким же умением концентрироваться на одном-единственном деле, которое позволило бы мне забыть обо всем остальном.

Мой взгляд упал на пробковую доску, висевшую над моим письменным столом, на которой были приколоты наши фотографии и открытки с придуманными Эми изречениями, которые она прислала мне.

Делай со мной что хочешь, но только не буди меня.

И еще: Мне приснилось, что я должна съесть 10 килограммов зефира, а когда я проснулась, моя подушка куда-то пропала!

Возможно, нет, наверняка она стала бы писательницей, а теперь я уже никогда не смогу прочесть книги, написанные ею.

Оз встал, вытянул вперед передние лапы, подошел ко мне и начал описывать круги вокруг моей головы, а потом нашел новое положение, улегшись у меня под боком.

Я снова вспомнила о записных книжках Эми и о предложении Донны оставить себе все, что мне понравится. Разумеется, я верну ей записные книжки. Они не принадлежали мне, но я предполагала, что сначала прочту их. Я просто должна была узнать, как Эми провела это лето. Я хотела помучить себя, читая ее описание пребывания в клинике, так как чувствовала себя виноватой. Ведь я не была в тот момент рядом с ней.

Но действительно ли я чувствовала себя виноватой или в глубине души все-таки сердилась на нее за то, что она не полностью доверяла мне?

Засветился дисплей моего мобильного, который лежал на ночном столике, и прозвучал тихий сигнал. Я протянула руку и прочла сообщение, которое мне прислал Джош.

Спи. Спи хорошо, моя милая.

Я послала ему большое красное сердце и написала:

Ты тоже.

Но вместо того чтобы положить мобильник назад, на ночной столик, я набрала номер Эми. Я услышала, как установилась связь, как три раза прозвенел звонок, а потом включился автоответчик, и я услышала голос Эми...

Ее голос звучал так четко, словно она стояла рядом со мной:

Это Эми... Извини, мой мобильник выключен, так как я читаю, пишу или должна учиться.

Меня охватила паника, и я чуть было не выронила телефон, когда Эми продолжила:

Но вы можете оставить сообщение. После звукового сигнала! Пиши!

И секунду спустя действительно раздался звуковой сигнал, и паника исчезла, а надежда рухнула.

Я не знаю, как часто повторяла этот процесс, пока, наконец, не решила просмотреть бесчисленное множество сообщений, которые получила за последние дни. До сих пор я так и не собралась с силами, чтобы прочесть их. Некоторые номера были мне незнакомы, и я удивилась, откуда все эти люди узнали номер моего мобильного. Все были потрясены смертью Эми, сообщали, как они сожалеют о случившемся.

Я пробежала глазами по текстам, которые в основном были похожи, поэтому я внимательно не вчитывалась в них. Мои пальцы скользили по дисплею. Даты, время, дни недели, слова, буквы скользили мимо все быстрее и быстрее, пока я их не остановила коротким движением. Потом я начала одно за другим стирать сообщения. Сначала я стерла все звонки Джинджер, ее просьбы, ее вопросы, почему я не перезваниваю ей. Потом я наткнулась на звонок Тайлера, который так же, как и сестра Джоша, хотел срочно поговорить со мной.

Я вспомнила сегодняшнее происшествие. Выходка Тайлера на кладбище сидела во мне как заноза. Я подумала, не позвонить ли ему прямо сейчас, но, вероятно, он был уже дома, в своей постели, и отсыпался после пьянки.

Они все лгут! Она не сидела за рулем...

Что он хотел этим сказать? Кто же тогда вел машину? Ведь на пляже Эми и Джинджер были одни. Или нет?

Я продолжила стирать сообщения и в какой-то момент испуганно вздрогнула, когда обнаружила на дисплее имя Эми. Видимо, я попала на одно из ее старых сообщений. Я быстро кликнула по следующему сообщению и нашла то сообщение, которое Джош прислал мне перед несчастным случаем:

Буду через пять минут.

Я нахмурила лоб и вернулась к сообщению Эми. В списке оно шло сразу за эсэмэской Джоша, и до сих пор я не обратила на него внимания. Оно содержало только несколько слов.

Пришлю тебе кое-что. Будь осторожна!

Подобные сообщения я постоянно получала от Эми, и мне было хорошо знакомо это ее выражение «*Будь осторожна!*».

Это было напоминание о том, чтобы сначала я оценила ее видео. Только после того, как я одобряла обсуждение очередной книги, Эми выкладывала его на «Ютьюб». Правда, в течение всего этого лета ее блог был закрыт.

Итак, почему же она прислала мне это сообщение? И когда? Я уставилась на дату. На время.

И нахмурила лоб.

Тут что-то явно было не так.

Мои пальцы задрожали, когда я снова кликнула по имени Эми. Я снова и снова читала ее сообщение, пока буквы не начали кружиться перед моими глазами.

Я выключила мобильник и снова включила его, будучи абсолютно уверена в том, что на этот раз сообщение исчезнет, но этого не произошло. На дисплее снова появилась дата отправки сообщения и время.

Сообщение было отправлено среди ночи, а именно, в 0 часов 38 минут. Но не время смущало меня, а... вот эта дата. 2 сентября 2015.

Эми отправила его не в первый школьный день, как я предполагала, а день спустя, в ночь на среду. Это означало — четыре часа спустя после своей смерти.

Мне стало дурно, к горлу подкатил комок. Видимо, я окончательно свихнулась. Иначе это нельзя было никак объяснить. Но сколько бы раз я ни проверяла, дата и время оставались неизменными.

Но потом у меня мелькнула другая, не менее тревожная мысль. Возможно, кто-то посторонний получил доступ к мобильнику Эми и послал мне это сообщение.

Чтобы меня помучить?

Вопрос заключался лишь в том: кто был настолько жесток, что оказался способен на подобное?

Глава 14

Каким же странно узким показался мне вдруг вестибюль особняка Ланкастеров, виллы бабушки Джоша. У меня перехватило дыхание, когда я вспомнила о вчерашнем дне, о том, как папа провел меня через толпу одетых в черное гостей, явившихся на поминки. Я снова ощутила на себе их взгляды. Вспомнила, как при моем приближении смолкали разговоры. Мне показалось, что в воздухе все еще чувствовался запах кофе и разнообразных пирожных.

Нельсон спустился вниз по лестнице; положив левую руку на тяжелые деревянные перила, он оживленно приветствовал нас.

— Лиз, как всегда пунктуальна! И у Фэй сегодня снова цветущий вид!

Он был как две капли воды похож на своего отца, Джошуа Ланкастера II, портрет которого висел над комодом слева от него. У Ланкастеров по наследству передавались

не только мужские имена, но и красивая внешность. Непроизвольно я поискала глазами Джоша.

Как раз в этот момент в вестибюле появилась Клэр в своем шикарном зеленом платье, которое прекрасно гармонировало с подсолнухами в ее руке. Она наспех поцеловала Лиз в обе щеки, а потом надолго задержала меня:

— Мы всегда для тебя дома. Ты же это знаешь, так ведь? А Джош уже тоскует по тебе.

— Спасибо, — тихо сказала я, и она пошла впереди нас в ярко освещенную столовую, из которой раздавался знакомый гул голосов и звон бокалов. Длинный ряд высоких окон до пола выходил на огромную террасу, перед которой раскинулся просторный газон, спускавшийся вниз к пляжу. Я уже бывала здесь бесчисленное число раз, но еще никогда у меня не было такого чувства, как сегодня: мне казалось, что тяжелые портьеры душат меня, а обитые деревянными панелями стены вот-вот раздавят. Просто я никак не могла отделаться от воспоминания о том, как мы собрались здесь, чтобы помянуть Эми, а разговоры слишком быстро перекинулись на какие-то повседневные проблемы.

Я окинула взглядом помещение в поисках Джоша и обнаружила его на другом конце

обеденного стола вместе со своей бабушкой и Дайаной, вдовой Эдварда Уэстона. После его кончины Дайана носила только черное, почему Кэйлеб и окрестил ее «черной вдовой». Конечно, мы называли ее так только за глаза. Открытые шутки над ней или над бабушкой Джоша, обеими Старыми Леди «Клуба понеделника», которые были почти ровесницами, казались просто невыносимыми и являлись табу даже для такого шутника, как Кэйлеб.

Я пошла к ним, чтобы поздороваться, и успела услышать, как Дайана сказала Карен:

— Разумеется, я могу на несколько месяцев освободить Донну от арендной платы. Она не должна испытывать сейчас еще и денежные затруднения.

Они тотчас прервали свой разговор, когда я подошла к ним и склонилась к Карен, чтобы поцеловать ее в щеку, которая всегда немного пахла магнолией.

— Фэй, ты выглядишь просто очаровательно.

Я поздоровалась за руку и с Дайаной, которая одарила меня усталой улыбкой. Как и в самом раннем детстве, я не могла оторвать глаз от огромного родимого пятна, находившегося рядом с ее правым уголком рта.

— Итак, юная леди, как я слышала, со следующей недели ты собираешься, наконец, снова посещать занятия в школе.

Это был не вопрос, а констатация факта. Такая женщина, как миссис Уэстон, не задавала вопросы, она ожидала только ответы.

— Да, послезавтра, миссис Уэстон.

Если я буду и дальше сидеть сложа руки дома, то, наверное, сойду с ума. Я обсудила это с папой за завтраком, и он был того же мнения.

— Ну а завтра руководство школы ожидает увидеть тебя, Джинджер и Кэйлеба на параде, — язвительно заявила миссис Уэстон. — Выпускники обязаны быть на нем. Таков обычай.

Я бросила взгляд на Джоша. Парад в честь Дня Труда был действительно самым последним, о чем я сейчас думала.

Джош закатил глаза, и на мгновение я расслабилась.

— Мне надо поговорить с тобой, — шепнула я в надежде позднее рассказать ему о странном сообщении, направленном на мой мобильник от имени Эми. Может быть, Джош сможет найти объяснение, кто захотел так жестоко поиздеваться надо мной. Был ли это кто-нибудь из нашей школы, кто слышал, как в своей надгробной речи я обещала Эми, что позвоню ей?

Кто мог так меня ненавидеть? Чтобы выяснить это, мне придется спросить Донну о мобильнике Эми, даже если все во мне противилось этому.

Я прошла на другую сторону, к Нельсону Ланкастеру и Роджеру Шерами, отцам Джоша и Кэйлеба, которые вместе с моей тетей и преподобным Броуди стояли у другого конца обеденного стола. Они были увлечены разговором, в котором, очевидно, речь шла о ремонте какого-то здания.

— В крыше имеются серьезные повреждения, балки источены червями, и, конечно, надо заменить всю электропроводку и сантехнику, — сказал Нельсон.

Джош унаследовал от него красивую внешность, но, в отличие от своего сына, иногда Нельсон проявлял высокомерие и неприступность.

Мой отец считал, что мистер Ланкастер, как он его называл, был слишком богатым, чтобы когда-либо вести себя непринужденно, — словно богатство было некой болезнью. И, возможно, он был прав в этом.

Я кивнула обоим, взяла себе апельсиновый сок с подноса, с которым официант обходил гостей, и уже хотела вернуться к Джошу, однако в этот момент в столовую вошла Джинджер вместе с Кэйлебом. Мы с Джинджер встретились взглядами, и на этот раз я не отвела взгляда, а задумалась, не могла ли Джинджер быть тем человеком, который прислал мне это сообщение. Во всяком случае, она явно нервничала, то кусая ногти, то накручивая на палец пряди

волос. Я не должна была бесконечно откладывать наш разговор, и мне нужно было обязательно серьезно поговорить с ней.

Буквально секунду спустя из обеденного зала донесся гонг. В поисках места мой взгляд скользнул по длинному, отполированному обеденному столу из красного дерева. Хрустальные бокалы отражались в столовом серебре, а свет свечей мерцал. Все это великолепие было увенчано идеально сложенными льняными салфетками, на которых были вышиты наши имена. Я помню, что именно эта деталь впечатлила меня в самом начале. Когда почти ровно два года тому назад бабушка Джоша поставила нас в известность о том, что теперь мы достаточно взрослые, чтобы принимать участие в традиционном семейном обеде, и это наполнило меня гордостью. Но в последнее время это стало скорее обязательным мероприятием с всегда одним и тем же раз и навсегда заведенным порядком и с одними и теми же людьми.

Только порядок размещения за столом регулярно менялся, за исключением мест во главе стола, где сейчас восседала Карен Ланкастер; с одной стороны от нее сидела Лиз, с другой стороны — Джош. На противоположной стороне стола Нельсон сначала выдвинул стул для «черной вдовы», прежде чем сесть самому. Все остальные расселись на оставшихся местах.

Я направилась к стулу рядом с Джошем. Когда я села рядом с ним, его рука опустилась на мое колено.

— Ты можешь позже зайти в мою комнату? Вчера мы ни одной минуты не были наедине. А потом ты так неожиданно ушла с поминок.

— Я тоже скучаю по тебе, — ответила я, и это было правдой. — Мне нужно срочно поговорить с тобой.

— Ну как, Фэй? — Стул рядом со мной был выдвинут, и наш разговор прервался. — Ты не будешь против, если я сяду рядом с тобой?

Роджер Шерами, отец Кэйлеба, как всегда, обстоятельно уселся за стол. У него всегда были проблемы с размещением своих длинных ног и рук. Мать Кэйлеба, Фрэнсис, отсутствовала. «Обычная мигрень», — сказала до этого Лиз в машине. Но в любом случае профессор был мне намного приятнее.

Отец Кэйлеба был настоящим гением. Еще в совсем юном возрасте он получил должность профессора астрофизики в МТИ, то есть в Массачусетском технологическом институте, в то время как одновременно с этим изучал еще и философию в Гарварде. Он был членом Немецкой Академии наук, занимался исследованиями в области физики в Институте фундаментальных вопросов и являлся автором целого ряда книг, в том числе

и своего основного труда *«Возможности мозга человека»*. Но тому, кто был знаком с ним лично, было трудно разглядеть в нем гения. При наших встречах он всякий раз, словно у него была стерта память, задавал мне одни и те же вопросы о школе и о моих планах на будущее, и всегда с таким неподдельным интересом выслушивал мои ответы, что я охотно прощала ему его забывчивость. Прежде всего, потому, что я знала: дело тут было не в равнодушии. Просто он относился к тому типу ученых, которым иногда — так говорил Кэйлеб о своем отце — было необходимо покидать реальность, чтобы свободно мыслить.

Обед начался с традиционного супа из омаров. Когда подавали к столу, я услышала, как преподобный Броуди поинтересовался, где Вирджиния.

— Вирджиния задерживается — вновь, — сообщила Карен с едва заметной иронией. — Нам надо было пригласить вместо нее Фрэнка Тёрнера. Он так высоко ценит твое общество, Лиз.

Я заметила, как Джинджер побледнела, и я невольно вспомнила о споре начальника полиции с Тайлером на кладбище. Это замечание было неприятно и мне самой. Как будто моя тетя проявляла интерес к Френку Тёрнеру. С другой стороны, я почувствовала облегчение из-за отсутствия Вирджинии.

Я не знала, как мне вести себя с ней при встрече, даже если, в конце концов, она и не была виновна в смерти Эми.

Джош взял меня за руку.

— Что-то не так, дорогая? — спросил он, и мне показалось, что он украдкой обменялся взглядом с Лиз, которая сидела наискосок от нас на противоположной стороне стола.

— Просто я устала, — машинально ответила я, хотя дело обстояло с точностью до наоборот. В действительности мои нервы были напряжены до предела. Еще вчера это помещение было полно людей, которые шепотом обменивались слухами, проливали слезы, мучили меня слишком долгими объятиями, а сегодня казалось, что все это уже давно забыто. О смерти Эми не прозвучало ни слова, как будто время скорби закончилось вместе с погребением.

Я уставилась на тарелку, стоявшую передо мной, подняла ложку и тотчас поняла, что у меня нет аппетита. Тем не менее я погрузила ее в суп и, словно через стекло, следила за разговором.

Речь шла о тестах для поступления в колледж. Для семьи Ланкастеров было ясно, что Джош, как и его отец, будет учиться в Гарварде, в Институте экономики.

— Как я слышала, Нельсон уже договорился для тебя о встрече с профессором

Бруно, — сказала Карен. — Ты должен наладить с ним отношения. В будущем он тебе пригодится.

— Возможно, я еще передумаю поступать туда, отец, — сказал Джош и едва заметно улыбнулся. — Что ты скажешь, если я пойду в МТИ?

Нельсон, который в своем безупречном костюме выглядел так, словно был президентом Соединенных Штатов, не поддался на провокацию.

— Тогда, к сожалению, я буду вынужден лишить тебя наследства, — с невозмутимым видом заявил он.

Теперь все рассмеялись, правда, за исключением меня. Мне показалось, что уголки моего рта замерзли. Все здесь было привычным и обыденным. Однако без Эми для меня уже не могло существовать никакой обыденности.

Некоторое время тому назад Джинджер и я попросили Клэр пригласить на традиционные ежемесячные обеды и Эми, ведь, в конце концов, она была одной из нас. Клэр лишь удивленно посмотрела на нас, а затем заявила в своей неизменно любезной манере:

— О, конечно, я подумаю об этом и поговорю с бабушкой.

Но ничего не изменилось, а Эми лишь равнодушно пожала плечами:

— Я же не отношусь к избранному обществу.

— Избранному обществу?

— Ну да, ты же почти никогда не рассказываешь об этих встречах.

— Как такое пришло тебе в голову? Я рассказываю тебе все, о чем ты хочешь знать.

— Да, какое платье было на матери Кэйлеба, какие туфли носит Клэр, чем сегодня осрамился профессор и почему «черная вдова» всем действовала на нервы. Но ты никогда не рассказываешь, о чем конкретно говорит «Клуб понедельника».

Но ведь традиционные обеды по воскресеньям не имели ничего общего с официальными заседаниями клуба и его правилами сохранять все в тайне. Воскресные разговоры были безобидными, в них не было ничего достойного упоминания. Будучи детьми, мы вообще не интересовались ими. Только гораздо позже до нас дошло, что однажды и мы будем приняты в «Клуб понедельника», и тогда мы — особенно Джинджер и Кэйлеб — начали задавать вопросы. Однако вскоре нам пришлось смириться с тем, что мы будем посвящены в тайны клуба только после того, как дадим обет хранить молчание.

А Джош, получается, уже завтра будет официально принят в клуб. Только сейчас

я обратила внимание на то, что перед этим «черная вдова», как само собой разумеющееся, не упомянула Джоша, когда спрашивала меня о параде в честь Дня Труда. В будущем по понедельникам у него уже больше не будет времени для меня. И я буду исключена из этой части его жизни.

«Какие причины могут быть у благотворительного фонда утаивать свою деятельность, если за этим не скрывается что-то большее? Нечто такое, что ни в коем случае не должно стать достоянием общест-венности?»

Это сказал Люк и тем самым разбудил мое недоверие.

— О чем, собственно говоря, вы разговариваете по понедельникам? — неожиданно вырвалось у меня.

Все ошарашенно уставились на меня, возможно, и потому, что я необычно сильно повысила голос. Возникла неловкая пауза, и я почувствовала, как вспыхнуло мое лицо.

Только «черная вдова» даже не подняла головы. Та манера, с которой она поднесла салфетку ко рту, свидетельствовала: такие вопросы, как мой, лучше всего вообще игнорировать.

Сидевший рядом со мной профессор откашлялся. Очевидно, он почувствовал мое смущение, так как именно он оказался тем человеком, который прервал затянувшееся

молчание. Он ответил на мой вопрос совершенно серьезно и вполне конкретно:

— Ну, ты же знаешь, что фонд преследует благотворительные цели. В настоящее время речь идет о детях.

Поскольку его взгляд был все еще направлен на меня, я решила уточнить:

— О каких детях?

— О детях из трейлерного парка, со стоянки автоприцепов на шоссе 166, о которых никто не заботится, — сказала Лиз. — Мы планируем основать там попечительство.

— Эти дети безнадзорны, они не успевают в школе, и у многих из них серьезные проблемы со здоровьем, — пояснил Нельсон.

— И часто, — заметил преподобный Броди, — они принимают наркотики, становятся преступниками...

— Корнем всякого зла всегда являются родители. Сброд. Почти никто из них не работает, — вставила «черная вдова». — Детям нужна дисциплина, приличные условия, и они должны, по меньшей мере, уметь читать и писать.

Преподобный удовлетворенно кивнул. Эта парочка всегда придерживалась одного и того же мнения.

— Это действительно хорошо, — сказала я, так как знала, что Эми была бы в восторге от этой идеи. К тому же я почувствовала ог-

ромное облегчение из-за того, что разговор снова продолжился.

— Боже мой, Фэй, как же ты наивна! — неожиданно воскликнула Джинджер высоким, прямо-таки истерическим тоном. — Они же ничего не делают только потому, что это *хорошо*.

Я посмотрела на нее, и меня снова охватило это странное неприятное чувство. Неожиданно мне показалось, что абсолютное доверие, которое я всегда испытывала к Блюхэвену и к его жителям, умерло вместе с Эми. Я просто больше не чувствовала себя ни в чем уверенной.

По окну забарабанил дождь и оставил на стеклах длинные дорожки, которые напомнили мне следы слизи, оставляемые слизнями.

Наконец, молчание прервала Клэр:

— Джинджер! Не смей говорить о вещах, в которых ничего не понимаешь!

Джинджер уставилась на присутствующих за столом гостей.

— Ах, значит, я ничего не понимаю. — Она язвительно рассмеялась. — Так именно это является причиной того, что вы выбрали Джоша, а не меня? Почему завтра Джош будет принят в «Клуб понедельника», хотя он еще даже не закончил школу? — Ее глаза гневно сверкнули. — Даже если он только на восемь минут старше меня. Ведь он же

мужчина. А следующей будет, конечно, Фэй. Это же ясно как день.

Карен слегка прикоснулась салфеткой к губам.

— Здесь речь идет не о возрасте или половой принадлежности. Речь идет об ответственности. Следует делать то, что положено. Но если это тебя не интересует, ты, разумеется, можешь встать и уйти.

Джинджер действительно поднялась, нет, она вскочила, что было равносильно революции, и ее ложка упала в суп, который выплеснулся на скатерть.

— Мне позволено встать? О, спасибо, бабушка. Идет кто-нибудь со мной? Кэйлеб? Конечно, нет, ты же трус. Фэй? Ах, нет, ведь ты не разговариваешь со мной. А Джош между тем, кажется, уже усвоил, что означает ответственность.

Джош поднял брови и предостерегающе посмотрел на Джинджер. Некоторое время она просто стояла в нерешительности и, наконец, сказала:

— О'кей, тогда я ухожу.

Если во время похорон я видела покорную, подобострастную Джинджер, то сейчас передо мной была ее противоположность. Туфли сестры Джоша громко процокали по паркету, а мгновение спустя она с силой захлопнула за собой дверь.

На этот раз тишина царила всего лишь не-

сколько секунд. «Черная вдова» обвела всех пренебрежительным взглядом и улыбнулась своей высокомерной, ледяной улыбкой, которой я жутко боялась всю свою сознательную жизнь.

— Когда мистер Уэстон был еще жив, такое поведение считалось неприемлемым. Но теперь у молодых людей просто нет никакой дисциплины.

Карен откинулась на спинку стула и ждала, пока уберут тарелки. Потом она взяла слово и заявила в своей категоричной манере:

— Моя дорогая Клэр, я знаю, как тебе тяжело даже думать об этом, но не пора ли действительно задуматься над тем, чтобы отправить Джинджер в интернат.

Интернат? Если уж Карен заговорила об этом, то, возможно, предостережение Нельсона не было пустой угрозой.

Я бросила взгляд на Джоша. Но он был странно напряжен и лишь едва заметно покачал головой, словно хотел мне сказать: *позднее*.

Джинджер не показывалась. Плотные шторы, коричневые и тяжелые, как кожаные переплеты старинных книг, въедливый запах мяса ростбифа, который последовал за супом, а снаружи грязно-темное небо, вид которого предвещал новый ливень, — все это не способствовало хорошему настроению. Каж-

дый старался говорить о наиболее безобидных, несущественных вещах: о погоде, о загородном клубе и о туристах, которые завтра в праздник создадут заторы на дорогах.

Но с тех пор как Джинджер покинула помещение, я, как сейсмограф, регистрировала каждый, даже самый слабый, нюанс, каждое изменение мимики гостей. Например, визгливый смех преподобного Броуди или одни и те же вопросы профессора, которые приводили к тому, что Кэйлеб постоянно закатывал глаза.

Мысленно я вернулась к Джинджер. Требовалось немалое мужество, чтобы воспротивиться своим родителям, бабушке и миссис Уэстон.

Раньше мы бы все дружно последовали за ней. В детстве мы бы совсем не опечалились, если бы нас вывели из-за стола, так как мы слишком сильно шумели или — причем это касалось, прежде всего, Кэйлеба и Джинджер, которые тогда были неразлучны, — дурачились и громко смеялись. Никто не оставил бы другого в беде.

А сейчас?

Все так сильно изменилось.

У меня к горлу подкатил комок, и на глаза навернулись слезы, я отыскала под столом руку Джоша и прошептала:

— Мы можем уйти? Мне действительно надо с тобой поговорить. Наедине.

— Я не думаю, что это хорошая идея. Бабушка обидится на нас.

Очевидно, Роджер почувствовал мое настроение, он наклонился ко мне и, словно пытаюсь этим утешить, сказал:

— Как ты уже отметила во время похорон Эми: смерть не должна быть концом. Мир гораздо больше, чем мы думаем, Фэй. Речь всегда идет о познании. Человек не должен себя ограничивать. Просто пока еще у нас не на все есть ответы.

— Роджер! — предостерегающе воскликнула моя тетя, которая услышала его слова. Она не хотела, чтобы меня вновь охватила печаль. Однако то, что сказал Роджер, не имело для меня никакого значения и совсем не расстроило меня.

Даже наоборот.

На другом конце стола «черная вдова» уже завела разговор на другую тему.

— ...итальянец, который утверждает, что унаследовал дом Фуллера, переворачивает все вверх дном. Что можно предпринять против этого?

Я вздрогнула, словно меня поймали на чем-то недозволенном. Прежде чем кто-то успел ответить, миссис Уэстон продолжила, причем морщины на ее лице прорезались еще резче:

— Наверняка он мошенник.

— Он законный наследник этого дома, — возразил Нельсон. — Документы в порядке. Я распорядился, чтобы их проверили.

Я надеялась, что никто не услышал, как часто и сильно билось мое сердце. Опустив голову, Кэйлеб украдкой бросил взгляд на свой айфон. Потом, повернувшись в мою сторону, он прошептал имя Джинджер. Я проигнорировала его и во второй раз за этот вечер повысила голос и спросила нечто такое, что было мне совершенно несвойственно:

— Почему вы утверждали, что Уильям Фуллер пропал без вести, в то время как «Клуб понедельника» взял на себя расходы по его содержанию в клинике?

Выражение лица отца Джоша изменилось лишь самую малость.

— Ну, в этом нет никакой тайны, Фэй, мы часто помогаем людям, попавшим в трудное положение. И я не знаю, какие сплетни ты слышала в городе, но никто из нас никогда не утверждал, что Уильям пропал без вести.

В это время Клэр в сопровождении официанта, который нес перед собой бутылку белого вина, обходила гостей.

— Кстати, относительно Уильяма Фуллера, — вскользь заметила она. — Разве какой-то Фуллер не женился однажды на дочери Уэстона, Дайана?

— Не из прямой линии моего мужа, а всего лишь на кухне второй степени родства, — сказала «черная вдова» и пододвинула официанту свой бокал для вина.

— Уильям был одним из нас, — сказала бабушка Джоша, и в свете свечей ее профиль казался необычно острым. — Поэтому мы и оплатили счет за его пребывание в клинике.

Я вспомнила еще об одной личности, которую Люк упоминал во время нашего разговора.

— А кто такая была Зоэ?

Бабушка Джоша посмотрела на меня не то что бы неприязненно, но озабоченность появилась теперь не только на лице Лиз.

Наконец, преподобный Броуди ответил на мой вопрос:

— Это сестра Уильяма Фуллера. Она рано умерла. Ее родители были очень религиозными людьми. Они посещали церковь каждое воскресенье, чтобы помолиться за свою дочь.

До сих пор дом Фуллера был всего лишь заброшенным, таинственным домом из моего детства. И вот теперь я узнала, что в его стенах действительно разыгралась трагедия. Я подумала, не продолжают ли эти роковые события все еще висеть проклятием над домом Фуллера, и что именно это мы тогда и почувствовали.

Были ли они связаны с комнатой Зоэ в мансарде под самой крышей?

И я снова вспомнила послание:

Помогите, меня держат взаперти!

Странно, до сих пор я была уверена, что Эми сама написала эту записку и спрятала ее там. Но теперь это показалось мне вдруг нелепым.

Я отложила в сторону свою вилку, стараясь скрыть, как сильно дрожали мои руки.

— От чего она умерла?

Откуда-то издалека до меня донесся голос Лиз:

— Тебе нельзя так волноваться, Фэй. Кто рассказал тебе о Зоэ?

Итальянец, с сарказмом подумала я. А вслух сказала:

— Люк Салерно, сын Уильяма Фуллера.

— Мы поговорим о другом, — спокойно, но твердо сказала Карен Ланкастер, и на этом все было решено: никаких больше дискуссий. Никто не мог тягаться с бабушкой Джоша, ни Джинджер, ни Джош, а у меня и подавно не было никаких шансов. И я знала, что если я попытаюсь, то и Лиз не придет мне на помощь.

Неожиданно у меня в голове вновь прозвучал голос Эми: *Я не вхожу в круг избранных*. Эми была права: она не входила в этот круг. Но в данный момент и я не входила

в него. Не я сформировала этот мир, а он сформировал меня.

Тяжелые капли дождя, которые били по оконным стеклам, отлетали назад, как шарики для настольного тенниса.

Я вскочила со своего места.

— Извините, пожалуйста, я...

Я не знаю, о чем они подумали, когда я покидала помещение. В лучшем случае, что мне срочно понадобилось выйти в туалет, хотя никогда никто не произнес бы это слово за столом. Но, возможно, они предположили, что я просто сорвалась. Это никого не удивило бы. Вероятно, они спишут все на мои расшатанные нервы, недостаток сна, смерть Эми, Лиз выразит свое сожаление и предложит Джошу последовать за мной.

Я бегом пересекла вестибюль и, ничуть не беспокоясь о дожде, который ударил мне в лицо, распахнула входную дверь. Я побежала по дорожке, ведущей к дому, где даже густые кроны кленов больше не защищали от потоков воды. Мокрое платье прилипло к моему телу, а ветер рвал волосы, когда я перебирала в голове обрывки разговоров и пыталась выяснить, почему же чувствую себя странным образом обманутой. Еще немного — и я стану членом клуба и когда-нибудь в будущем займу место Лиз. Я буду обязана нести ответственность, принимать решения. А вот задавать вопросы я не имела права.

Глава 15

Ветер сорвал сухие красные листья клена, которые посыпались мне на голову и запутались в волосах. Я остановилась, чтобы освободиться от них, и услышала, как позади меня включился двигатель автомобиля. Я надеялась, что за мной последовал Джош, а не Лиз, так как не имела понятия, как объяснить ей свое поведение. Правда, оно не было таким грубым и бестактным, как выходка Джинджер, но все-таки довольно необычным для меня. Я и сама была поражена, как сильно этот вечер выбил меня из колеи.

Можно ли было действительно списать это на смерть Эми? Или у меня на самом деле просто сдали нервы?

Это оказался «БМВ» отца Джоша, который проехал мимо меня, просигналил и остановился в нескольких метрах передо мной. Дверца распахнулась, и из машины выскочил Джош.

— Иди сюда, Фэй. Я отвезу тебя домой. Ведь вскоре снова может пойти дождь.

Я посмотрела на небо, где над морем облака собирались в некую конструкцию, напоминавшую Вавилонскую башню.

— Я не знаю, хочу ли я домой, — крикнула я. — Может быть, мне нравится буря.

— Я отвезу тебя, куда ты захочешь. Ничего не имею против того, если ты захочешь оказаться даже в самом эпицентре урагана.

Я заставила себя рассмеяться. Раньше он легко меня смешил по много раз на дню. Но я уже забыла, когда мы в последний раз оставались с ним наедине. Я перешла через дорогу, а когда оказалась перед ним, он так сильно обнял меня, что я не могла вздохнуть.

— Наконец-то, — тихо сказал Джош. — Ты здесь. Я так тосковал по тебе.

Я почувствовала, как у меня в горле встал комок, и зарылась лицом в его плечо, вдохнула его знакомый запах, его тепло и снова ощутила безграничное доверие, которое в какой-то момент вдруг исчезло. Я подняла лицо, наши губы встретились в долгом поцелуе, который я не собиралась прерывать. В конце концов, это сделал Джош, который отстранился от меня, и у меня снова, как и прежде, стало холодно и пусто на душе. Я знала, что должна была рассказать ему о полученном сообщении.

Будь осторожна!

Я уже собиралась сказать ему о сообщении, но, увидев его серьезные глаза, передумала.

— Что случилось? — встревоженно спросила я.

— Нам надо поговорить.

Он обошел вокруг машины и сел внутрь. Я последовала за ним, а неожиданное тепло салона заставило меня содрогнуться. Только сейчас я почувствовала, как же сильно продрогла.

Джош не собирался трогаться с места. Обхватив руками руль, он прошептал:

— Ты должна доверять мне.

— Но ведь я так и делаю.

Его лицо было совсем близко — я заглянула в его глаза и прочла в них все, что должна была знать. Я обвила его руками и снова зарылась лицом в его плечо. Наши руки встретились, и тогда Джош снова поцеловал меня, так осторожно, так нежно, словно отважился сделать это в первый раз. Я ощутила его теплое дыхание на своей щеке, и этот счастливый момент мог бы продолжаться вечно. Но некоторое время спустя он отпустил мою руку и откинул голову назад.

— О'кей, — тихо сказал он. — Я клянусь, что никогда не буду обманывать тебя. Больше не буду. Ты должна мне поверить.

Важно доверять человеку, а доверять тому человеку, которого любишь, просто жизненно необходимо. Я уже собиралась успокоить его, но в этот момент до меня, наконец, дошло, что именно он сказал.

Я тряхнула головой, чтобы обрести способность ясно мыслить.

Больше не буду.

Прошло еще несколько секунд, прежде чем я осознала истинное значение этой фразы.

Никогда больше.

— О'кей, — медленно сказала я, оставаясь при этом на удивление спокойной. — Значит, ты меня обманул.

Между нами воцарилась тишина, и моя надежда на то, что он станет возражать, заметно уменьшилась. Но насколько плохо могло это быть? Это же был Джош. А он не был лжецом. У него не было причин лгать.

В его глазах было выражение отчаяния и в то же время такого удивления, словно он не мог понять самого себя. Мне было невыносимо больно, и на миг показалось, что я вытягиваю руку и отталкиваю его от себя. Конечно, в действительности я не сделала ничего подобного. Вместо этого я вцепилась пальцами в твердое кожаное сиденье, которое почти не поддавалось.

— Мне жаль, мне действительно очень жаль.

— Что именно хочешь ты мне сказать, Джош?

— Эми.

Мое сердце заколотилось, как сумасшедшее.

— Ты помнишь нашу вечеринку в самом начале каникул?

Как я могла забыть ее? Каждый год Ланкастеры устраивали праздник по случаю окончания учебного года. Был чудный летний вечер. Клэр превзошла саму себя и организовала гигантский барбекю. На деревьях висели цветные китайские фонарики, играл эстрадный ансамбль, а в конце был даже фейерверк. А Джош и я были так влюблены друг в друга. Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Только Эми не было с нами, и я вздрогнула, когда поняла, что в это время она уже находилась в клинике.

— На вечеринке... там что-то произошло между Джинджер и Кэйлебом.

— Они поругались?

Джош покачал головой.

— Нет.

Мне стало плохо.

— А что же тогда?

Он сделал глубокий вдох.

— Они целовались. Но действительно только целовались. Просто сорвались, ничего серьезного.

Я уставилась на него и неожиданно снова вспомнила.

В какой-то момент Кэйлеб исчез и больше так и не появился.

— Только целовались? — воскликнула я. — Но Эми там не было. Они ее обманули. Как они только могли так поступить с ней?

— Эми знала это. Она... она узнала.

— Что ты хочешь этим...

— После ее возвращения Тайлер сразу позвонил ей. В своей ревности он не нашел ничего лучшего, как рассказать ей эту историю. — Джош поспешил добавить: — Он утверждал, что каждый из нас, в том числе и ты, давно знали об этом.

В моей голове завертелись кусочки мозаики. Я ухватила один из них.

— Но ведь Тайлер не присутствовал на вечеринке...

— Зато была Лоурен Палмер. Она это видела. И сразу же помчалась к Тайлеру.

Я попыталась проанализировать услышанное. Сразу после ее возвращения Тайлер рассказал Эми, что Кэйлеб обманул ее с Джинджер?

Было ли это причиной? Поэтому Эми была такой растерянной и сбитой с толку в первый школьный день?

— Ты знал об этом? Я имею в виду поцелуй?

Собственно говоря, я не могла в это поверить.

Джош тяжело вздохнул.

— Нет, я узнал об этом только на следующий день после смерти Эми. Джинджер рассказала мне об этом, и я хотел рассказать тебе все, но тебе было не до того... — Он запнулся. — Лиз сказала, что твое тело и твой мозг нуждаются в полном покое, чтобы отойти от шока. Поэтому я не хотел тебя беспокоить.

Я почувствовала, как вспыхнули мои щеки. Я принимала сильнейшее снотворное, в течение трех дней спала, и Джош не нашел возможности поговорить со мной. Неожиданно мне показалось, что всегда другие решали, что я смогу вынести, а что нет. Кроме моего отца. Он всегда давал понять Лиз, что я достаточно взрослый человек и имею право на самостоятельное решение.

Я немного отодвинулась от Джоша и прижала пальцы ко лбу. Я должна была ясно мыслить, и мне было нужно больше информации.

Что сказала Эми? *Я должна до того еще кое-что уладить.*

— Вечером первого школьного дня Эми поехала с Джинджер на пляж, — медленно и сдержанно сказала я. — Это было из-за этого, ведь так? — Внезапно мне стало трудно дышать. — А потом Эми хотела попасть на причал для яхт, чтобы встретиться

со мной. Она хотела сообщить мне что-то очень важное. А поскольку Джинджер напилась, она не видела другого выхода, кроме как самой сесть за руль.

Джош устало откинул голову на подголовник.

— Фэй, это еще не все, — тихо сказал он. Его рука, лежавшая на руле, дрожала.

Снаружи все было тихо, кроме ветра, который разогнал облака и теперь завывал в темноте среди деревьев. Я почувствовала, как содрогнулась машина, — большой сук ударился о ветровое стекло, отскочил и упал на дорогу перед нами.

— Поехали, — порывисто сказала я. — Я хочу домой. Я хочу к папе.

Но Джош не шелохнулся. Его руки так крепко сжимали руль, что даже побелели костяшки пальцев.

— Нет, Фэй, — сказал он, и его голос дрогнул. — Эми не вела машину. Ты была права, она бы никогда не сделала этого.

Неожиданно мелодия снова была здесь. Я слышала ее в своей голове, и это было невыносимо. Я стремительно вытянула руку и нажала на кнопку, чтобы включить авто-радио. Басы буквально оглушили меня.

— Поезжай, — крикнула я, но машина не сдвинулась с места.

Потом резко смолкло радио. Джош выключил его.

Наступившая тишина была как избавление.

— Мне так жаль, что ты только сейчас узнаешь об этом. — Он схватил меня за руки, которые не хотели отпускать сиденье. — Ты должна мне верить, я хотел только защитить тебя.

Всю мою жизнь меня защищали. Можно сказать, что меня охраняют как редкость. Но, честно говоря, я никогда не хотела этого. Никто никогда не спрашивал меня. Но, с другой стороны, подумала я, ведь я и никогда не противилась этому.

Вдох — выдох, вдох — выдох. Именно это позволяет нам жить.

— Кто же тогда сидел за рулем? — спросила я, и перед моим внутренним взором возник Тайлер, как он, шатаясь, брел по кладбищу. Я знала ответ, прежде чем Джош произнес это вслух.

— Джинджер, — сказал он.

Прошло несколько секунд. В моей голове прокручивался фильм. Я могла видеть все, кроме того, что случилось потом.

— Послушай, Фэй. Когда лопнула шина, машина съехала с дороги и врезалась в дерево. Джинджер впала в панику. Она не знала, что ей теперь делать. Эми сидела на переднем сиденье рядом с ней и не шевелилась. Джинджер ее трясла, звала по имени, но Эми не реагировала.

Я попыталась все это представить себе, но что было потом?

Когда мне ничего не пришло в голову, я посмотрела на Джоша.

— Я ничего не понимаю.

Если бы я не знала Джоша с самого детства, в этот момент он бы был для меня совершенно чужим человеком. И, возможно, сейчас я не сидела бы рядом с ним, точно так же, как не встретила бы Эми на автобусной остановке. Все это выдумки, всего лишь плод фантазии. Я откинула козырек, защищающий от солнца, и посмотрела на свое отражение в маленьком зеркальце. Мои черные волосы были спутаны, а мое лицо было необычного молочно-белого цвета, таким, словно его окунули в извесь.

Это немыслимо.

Я не совсем понимала, что говорил Джош. Что-то о... месте водителя, о руле...

— Джинджер перетащила ее на место водителя? И не подумала о том, что у нее могли быть повреждены внутренние органы?

— Да.

— А потом заявила, что Эми вела машину?

Джош уже был не в состоянии отвечать. Лишь кивком головы он подтвердил, что мое предположение оказалось верным.

Должно быть, существует такой холод, который идет изнутри человека и который ощущается гораздо хуже, чем любой снег, чем любая снежная буря. Душа замерзает, а сердце и легкие покрываются слоем льда. Конечно, тогда не сможешь дышать. Да и зачѐм? Становишься таким хрупким, таким ломким, что в любой момент можешь разлететься. На тысячу осколков.

Тем временем стало совсем темно, а ветер гнал тени. Упали первые капли, и дворники автоматически пришли в движение, но во мне все замерло.

— Как она могла так поступить?

— Я не думаю, что она осознавала, что делает. Она действовала в панике.

— Прекрати, — прошептала я. — Прекрати защищать свою проклятую сестру.

— А что, если бы ее поймали пьяной за рулем?

Но что, если именно это стало причиной смерти Эми?

А вчера, когда у Тайлера сдали нервы на кладбище, Джош просто отмахнулся от него. Просто пожал плечами.

— Вы сделали вид, будто Тайлер несет полный бред, так как он напился, но при этом вы знали, что он был прав. — Неожиданно я содрогнулась от чудовищности всего произошедшего. — Все были в курсе дела, ведь так? Начальник городского управления

полиции Тёрнер. Твои родители. Все, кто сегодня вечером были у вас в гостях.

Джош молчал.

— Все. — Меня охватила паника. — И мой отец тоже?

— Нет. По крайней мере, я так думаю.

— Но Лиз.

— Да. И она считала, что ты сама не сможешь справиться с этим. Не сможешь без психологической поддержки.

Вот почему Лиз решила снова подключить доктора Эрику Майерс.

— Джинджер — настоящее чудовище, — тихо сказала я. — Твоя сестра — чудовище.

— Нет, это не так.

— И это ей нужен психолог, а не мне.

— Джинджер была сбита с толку. Столкновение с деревом было совсем слабым. Машина не получила почти ни одной царапины. А потом, когда Джинджер заметила, что Эми не шевелится, она пришла в отчаяние. Она была в шоке и думала только о том, что вина за случившееся ляжет на нее. Она не планировала этого заранее, понимаешь? Она просто спонтанно реагировала. Это был рефлекс, но она не хотела, чтобы Эми умерла. Она вызвала службу «Скорой помощи».

— Ты защищаешь Джинджер? Ты оправдываешь ее поведение?

— Как ты можешь так думать? — Джош попытался обнять меня, но я сбросила его руку со своих плеч.

— Несмотря ни на что, она моя сестра.

— Эми была для меня тоже как родная сестра.

— Я знаю.

Джош снова положил руки на руль, словно хотел уцепиться за него. Я огляделась по сторонам и уставилась на ярко освещенные окна особняка Ланкастеров.

Сейчас они все сидели там в своих дорогих шмотках за своим крем-брюле, отпивая маленькими глоточками свой дижестив, и говорили о беспризорных детях. Это было настоящее издевательство и верх лицемерия.

— Фэй, я люблю тебя. Ты должна мне верить. Я сделаю все для тебя, и я так сожалею о том, что вчера умолчал об этом. Ведь ты была в отчаянии. Ты себя так плохо чувствовала. Мы все беспокоились о тебе.

Я судорожно сглотнула и почувствовала, словно какая-то тень промелькнула надо мной. Верила ли я Джошу? Да, верила. Он никогда не давал мне повода сомневаться в его искренности, но... когда он взял меня за руку, я отдернула свою.

В свете этих новых обстоятельств авария и причины, приведшие к ней, представлялись мне не только несчастным случаем, но

и ужасной трагедией. И все равно, что бы ни говорил Джош, я не могла просто так признать Джинджер невиновной.

Я расплакалась.

— Как ты думаешь, — шепотом спросил Джош, — ты сможешь когда-нибудь простить Джинджер?

— Я не знаю, — в конце концов прошептала я. — Я действительно не знаю этого.

Глава 16

С того самого момента, как я вошла в вестибюль и почувствовала знакомый запах школы — чистящие средства с ароматом лимона, пот и вонь туалета, — я знала, что этот день будет ужасным. Я повсюду натыкалась на взгляды, преследовавшие меня, слышала замечания, произносимые шепотом за моей спиной, но стоило мне обернуться, как все делали вид, будто все нормально.

Еще в коридоре я встретила миссис Грид, нашу школьную наставницу, и она посоветовала мне завести дневник, куда бы я записывала свои переживания. Я подумала о записных книжках Эми. Я едва сдержалась, чтобы немедленно не открыть ее шкафчик и не уединиться с ними в туалете, чтобы прочесть их. Но, возможно, меня не оставят в покое даже в туалете.

Тренер по легкой атлетике отвел меня в сторону и высказал мнение, что мне сле-

дует полностью сконцентрироваться на беге, так как это поможет мне отвлечься. А миссис Ирвинг, которая вызвала меня к себе в кабинет директора, предложила мне оформить коллаж, посвященный памяти Эми, который она собиралась вывесить в актовом зале.

Я вспоминала, как я в последний раз шла с Эми по коридору, как мы в последний раз вместе были в туалете, как в последний раз обсуждали Лоурен Палмер, которая по-дурачки выщипывала себе брови... Теперь для меня школьные дни будут тянуться бесконечно. Моей подруги больше не будет здесь, чтобы обсудить со мной каждую мелочь. Как однажды выразился Кэйлеб: *Невероятно, как это вам удастся в течение трех часов говорить об одной минуте вашей жизни.*

У меня так сильно болела голова, что при каждом движении на глаза наворачивались слезы. Однако головная боль оказалась далеко не самой большой проблемой. К боли скорби, душившей меня, добавилось чувство одиночества.

Когда в воскресенье вечером я рассталась с Джошем, то выскочила из его машины, даже не попрощавшись. Папа вышел мне навстречу, и ему одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, что со мной что-то случилось. Он крепко обнял меня и не

задал ни одного вопроса. Я в очередной раз убедилась в том, что мой папа был единственным человеком, который предоставлял мне возможность решать все самой.

Вскоре после этого пришла Лиз, но я не хотела ее видеть. Через папу она передала мне таблетки, которые я тайком смыла в унитаз. Я не хотела спать — и в этом Люк был прав. Я хотела, я должна была чувствовать боль.

Всю ночь напролет я следила за светящимися стрелками на часах, стоявших на ночном столике рядом с моей кроватью. Я считала минуты и часы, пока первые лучи света не просочились сквозь жалюзи и я не услышала, как отец встал, тихо оделся и прошел на цыпочках в ванную. Через некоторое время в мою комнату проник аромат свежесваренного кофе и ветчины. Как всегда, в День Труда светило солнце. Весь Блюхэвен направился на пляж, чтобы провести этот день в семейном кругу на традиционных пикниках, туристы заполнили город, в «Новой Ложке» дым стоял коромыслом, подготовка к параду была в полном разгаре, в то время как я в самый разгар дня валялась в кровати в своей комнате.

В течение всего дня на мой мобильник поступали сообщения от Джоша, но только ближе к вечеру я заставила себя позвонить ему. Но было уже слишком поздно. Я попа-

ла только на его автоответчик. «Клуб понедельника» собирался на свои заседания независимо от праздников, а Джош — теперь Джош был частью этих заседаний, которые до сих пор лежали для меня где-то очень далеко.

И с кем мне еще поговорить кроме Джоша? Джинджер я не хотела видеть, я не могла даже представить себе, что когда-нибудь снова заговорю с ней. Кэйлеб? Его я тоже не могла простить. Речь шла не о поцелуе. Дело было в том, что он не сказал об этом Эми. Эми ненавидела тайны и ложь. А в самом конце ее жизнь оказалась полна ими. Это было просто ужасно.

Первым уроком у меня стояла физика. Я все еще не столкнулась с Джинджер. Но это была не единственная моя проблема. Мне нужно было поговорить с Донной, чтобы рассказать ей правду об аварии. И я должна была обязательно спросить ее о мобильнике Эми. Но что-то у меня в душе все еще противилось этому. Как Донна могла успокоиться, если я расскажу ей о сообщении, которое мне прислали после смерти Эми? Разве я имела право обременять ее тем, что кто-то так жестоко играет с моими чувствами?

Коридоры школы Уэстона уже довольно сильно опустели, когда я с учебником физики и тетрадью в руке мчалась вниз по лест-

нице на первый этаж. Еще пять минут тому назад звонок уже возвестил о начале урока.

Когда я свернула в коридор налево, то увидела Джинджер и Кэйлеба вместе с Джошем, которые стояли перед дверью кабинета физики. Разумеется... они ждали меня. Но, в отличие от прежних времен, они не улыбались мне и не приветствовали. Прежние времена... неужели это было всего лишь неделю тому назад?

Джинджер выглядела просто ужасно. Она нервно теребила волосы и беспомощно втянула голову в плечи, как испуганная птичка, когда я резко остановилась и наши взгляды встретились, — она знала, что мне все известно, — и в мгновение ока исчезла в кабинете физики.

Кэйлеб же, напротив, перекосил лицо, изобразив кривую, смущенную ухмылку, которая была типичной для него, и я никак не могла понять, что же такое должно было произойти, чтобы он не нашелся что сказать.

— Привет, Фэй, я могу тебе все объяснить, — двинулся он мне навстречу с поднятыми вверх руками.

Я протиснулась мимо него.

— Это не под силу даже тебе.

— Этот поцелуй... он ничего не значил. Просто дурацкое стечение обстоятельств во Вселенной. Эми, она бы... поняла это.

Я покачала головой.

— Возможно. Если бы ты сам сказал ей об этом.

— Фэй...

— Забуди!

Я резко повернулась и оказалась лицом к лицу с Джошем. В то же самое мгновение он нагнулся, как бы между прочим подхватил с пола свой рюкзак, закинул его себе на правое плечо и отвернулся от меня.

— В чем дело? — тихо спросила я.

Он проигнорировал мой вопрос и помахал рукой одному из своих друзей.

Было ли такое его поведение связано с тем, что вчера я не ответила на его звонки? Но ведь потом я оставила на его автоответчике сообщение и объяснила, что мне нужно время. Нет, я знала его слишком хорошо. Здесь было что-то другое. В нем чувствовалась какая-то неуверенность, почти негативное отношение ко мне.

— Давай поговорим, — не отставала я.

Джош покачал головой.

— Нам пора в класс.

Он показал рукой на коридор у меня за спиной. Когда я повернула голову, то увидела нашего учителя физики, который, широко шагая, приближался к нам. А Джош уже исчез в классе. Я последовала за ним и увидела, что он сел между двумя своими приятелями по баскетболу. Он еще никогда так не поступал.

В свою тетрадь по физике я записала только одно-единственное предложение: *Согласно космическому балансу, мы на 90 процентов являемся остатками звезд.* Эта запись свидетельствовала о том, что я действительно присутствовала на уроке. Когда прозвенел звонок с урока, я почувствовала себя словно оглушенной. Я молча шла рядом с Джошем вверх по лестнице к нашим шкафчикам, чтобы сменить учебник физики на учебник английского языка.

Прямо рядом с моим шкафчиком, прислонясь к шкафчику Эми, стояла Лоурен Палмер. В восьмом классе Джинджер расстрезвонила всей школе, что за несколько домашних заданий по математике Лоурен позволяла мальчишкам лапать себя за грудь в школьной раздевалке. С тех пор Лоурен и Джинджер были заклятыми врагами.

И вот теперь Лоурен стояла у шкафчика Эми и целовалась с Сетом Уилером, словно была инопланетянкой, которая питается чужой слюной. Я не хотела злиться, но просто не могла ничего с собой поделать. Такое поведение показалось мне осквернением памяти Эми.

Я услышала, как Кэйлеб издал рвотные звуки, а потом увидела Джинджер. Она вихрем пронеслась мимо меня, рванула Сета в сторону, и в следующее мгновение раздалась звонкая пощечина.

Лоурен схватилась за щеку и смущенно, почти придурковато, ухмыльнулась. Несколько учеников остановились. В длинном коридоре, в котором обычно было очень шумно, воцарилась тишина.

— Кстати, Джинджер Ланкастер, — медленно начала Лоурен, растягивая каждое слово, словно жвачку, — знаешь ли ты, что на каждом углу рассказывает Тайлер? Он говорит, что Эми не была за рулем. И что ты обманула свою подругу с мистером Шерами-младшим... Ежу понятно, деньги к деньгам липнут. Тут у такой простушки, как Эми, конечно, не было никаких шансов.

Кэйлеб издал приглушенное проклятие и бросился прочь. Мы смотрели ему вслед, как он бежал вдоль по коридору и то и дело бил кулаком по отдельным шкафчикам. Потом он распахнул входную дверь, которая с грохотом захлопнулась за ним, и заорал на улице так громко, что этот крик был слышан даже в дальнем конце коридора.

Неожиданно вокруг стало тихо. Я увидела, как наша наставница, миссис Грид, вышла из двери своего кабинета. Прежде чем она поняла, что здесь происходило, царившее молчание прервал циничный голос Джинджер.

— А знаешь ли ты, о чем еще болтает Тайлер? — Она повернулась в сторону миссис Грид, словно собиралась рассказать это

только ей одной. — Вы же знаете этот мотель, «Утренняя заря». Там каждую пятницу бронируется некий номер, перед которым рядом с твоим уродливым японцем паркуется спортивный автомобиль. Администрация мотеля уже несколько раз вызывала копов, так как кровать скрипела слишком громко... — Джинджер скривила рот в презрительной ухмылке. — И кто первым выяснит, кому принадлежит спортивный автомобиль, тот получит пятьдесят... ах, нет, скажем, сто долларов.

Я увидела, как вспыхнуло лицо Лоурен. С пылающими щеками она бросилась в сторону туалета, и ни одна из ее подруг не последовала за ней. Точно так же, как и я не пошла вслед за Джинджер, которая подошла к миссис Грид, скрестила перед собой руки и сказала:

— Арестуйте меня, я это заслужила.

— Не знаю, как я смогу ей помочь, — пробормотал Джош.

— Теперь для этого уже слишком поздно, — заметила я и одновременно почувствовала, что это была неправда. По меньшей мере, Джинджер сделала хоть что-то, она вступилась за Эми, и позавчера во время ужина не позволила запугать себя. И неожиданно я подумала, смею ли судить ее, предварительно не поговорив с ней.

Прозвучал звонок на урок. Миссис Грид

разогнала нас, и мы разошлись по нашим классным комнатам. У нас с Джошем были разные уроки, и позднее я его так и не смогла найти. Во второй раз за этот день он избежал встречи со мной. Я снова задумалась о причинах такого поведения. Был ли он разочарован тем, что вчера я не захотела разговаривать с ним по телефону? Или тем, что я не могла простить Джинджер? Но как он мог обижаться на меня за это, разве он не знал, как много Эми значила для меня?

Одиночество — до сих пор это слово было мне не знакомо, однако это был первый школьный день в моей жизни, когда я проводила перемены в туалете, и у меня камень упал с души, когда он, наконец, закончился.

После окончания уроков я выждала еще полчаса и только тогда прошмыгнула к нашим шкафчикам. Я осторожно осмотрелась в коридоре, прислушалась, не слышны ли какие-нибудь подозрительные шумы или чьи-нибудь шаги, но вокруг царил почти жуткая тишина. Я быстро набрала номер на дверце шкафчика Эми, и тихий щелчок подтвердил, что код остался прежним. Так мы с ней договорились: для моего шкафчика набирается дата рождения Эми, а для ее шкафчика — мой день рождения.

Тихо скрипнув, металлическая дверца открылась. Сначала я заметила открытки, записки и сообщения, которые посыпались мне навстречу. Ученики засунули их в шкафчик сквозь щели, и все они были адресованы Эми:

Нам не хватает тебя.

Любим.

А кто-то написал: *Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.*

Но не это заставило болезненно сжаться мой желудок.

Не считая писем, шкафчик был абсолютно пуст.

Я попыталась успокоиться. Может быть, кто-то другой открыл шкафчик и уже передал вещи Эми Донне? Но шкафчик не был поврежден. Персонал школы я сразу исключила, они специально звонили Донне и просили ее позаботиться о вещах дочери. Никто не знал код, и до него было не так просто добраться. Это были не только наши дни рождения, мы поменялись ими и расставили отдельные цифры по возрастающей.

Я родилась 6 июля 1999 года. Итак, шестизначный код замка шкафчика Эми был следующим: 006799.

И я хорошо запомнила: шкафчик был пуст, за исключением этой стопки записных книжек — таких красно-белых тетрадей, которые Эми покупала целыми дюжинами.

Она положила их в шкафчик и при этом рассказала мне о трех девушках из летнего учебного лагеря... эти три истории, в которых речь шла о ней самой.

Но если кто-то другой очистил шкафчик, что это означало? Мне стало дурно при одной мысли, что записные книжки Эми могли попасть в чужие руки.

Меня бросило в пот, а затем мне показалось, будто холодный ветер подул по моим рукам.

Я захлопнула дверцу шкафчика, а когда услышала эхо своих шагов на жестком линолеуме, то подумала, что с таким же успехом это могли быть нервные, быстрые удары моего сердца, которое сбилось с ритма.

Я бросилась на улицу, на свежий воздух.

День выдался немного туманным, и легкая дымка придавала школьному двору некую таинственность. В этой сырой холодной дымке виднелись лишь контуры памятника Уэстона и здания позади него, справа и заметила нескольких припозднившихся учеников, которые спешили к автостоянке.

Я пошла медленнее, чтобы ни с кем не встречаться. Сначала мне нужно было привести в порядок свои мысли. Возможно, Эми сама вернулась в школу и забрала свои записные книжки? *До аварии*, промелькнуло у меня в голове, и я постаралась задвинуть

в самый дальний уголок своей памяти картину нашей встречи на дороге.

Я должна спросить об этом Донну. О боже, Донна. Она не переживет, когда узнает, что чужой человек может прочесть дневники Эми. Однако я должна поговорить с ней и по многим другим причинам. У меня стало так тяжело на сердце, что я снова пришла в себя только тогда, когда кто-то окликнул меня по имени. Я увидела Люка, стоявшего на обочине дороги.

— А что ты здесь делаешь? — спросила я.

— Приехал забрать тебя.

Я показала на машину, к которой он прислонился.

— Это твоя?

— Нет, она принадлежит Тайлеру.

Только теперь я узнала пикап.

Прежде чем я успела спросить, Люк уже ответил:

— Он одолжил ее мне, так как я ищу работу. И он подсказал мне, когда заканчиваются твои уроки.

Тоскуя о Джоше, я уставилась мимо него в пустоту. Я хотела рассказать ему о пропавших дневниках Эми. И о странной эсэмэске. Я вытащила свой мобильник и еще раз прочла сообщение. Такие знакомые слова и в то же время такие чужие. Кто знал это выражение «*Будь осторожна!*», которым она всегда уведомляла о своих видео-

роликах? Наверняка Кэйлеб, а также Джош, Джинджер...

Проклятие! В воскресенье я не хотела нападать на Джоша или оскорблять его. Я знала, как сильно он любит Джинджер и всю свою семью, и именно за это я так любила его.

— Ты меня слушаешь или нет?

Голос Люка вывел меня из задумчивости.

Я лишь молча посмотрела на него.

— Ты можешь поговорить со своей тетей, доктором Сен Клер?

— Что... что тебе надо от Лиз?

— Я был в Медицинском центре Уэстмилл, чтобы посмотреть историю болезни своего отца, но, где бы я ни спрашивал, никто даже не реагировал на мою просьбу. И когда мне, наконец, удалось добиться приема у этой докторши...

— Доктора Доннелли?

— Да, когда я добился, чтобы она приняла меня — конечно, только после того, как я сочинил историю о повышенной температуре и увеличенных лимфатических узлах, — она заявила, что никакие документы того периода не сохранились. Ведь с тех пор прошло уже двадцать лет.

— А когда именно твой отец попал в ту клинику, о которой ты говоришь?

— В 1995 году.

Я на минутку задумалась.

— В это время Лиз была еще в Бостоне.

— Но, может быть, она что-нибудь знает об этом. В 1995 году моему отцу было всего лишь двадцать пять лет.

Я судорожно сглотнула.

— Ровно столько же, как и моей маме.

— Тогда, возможно, они вместе ходили в школу.

— Такое вполне возможно, — подтвердила я, все еще не понимая, что это могло означать.

Уильям был одним из нас, снова вспомнила я слова Карен.

— Я спрошу об этом Лиз, — поспешно сказала я, так как заметила, что к нам шел Джош. Он возвращался с тренировки, у него на плече висела спортивная сумка, а волосы были мокрыми после душа, и Джош пытался рукой пригладить их. Почувствовав облегчение, я уже хотела побежать ему навстречу, но в последний момент вспомнила еще кое-что. Я наклонилась вперед и прошептала:

— Зоэ была твоей тетей. Она приходилась сестрой твоему отцу. Я брошу в твой почтовый ящик номер своего мобильного. Позвони мне, если узнаешь еще что-нибудь.

Когда Джош подошел к нам, Люк повернулся, сел в машину и уехал.

— Что он хотел?

— Мы просто поболтали.

Джош нахмурил лоб, и вновь у меня сложилось впечатление, что передо мной стоял чужой человек. Я не заметила на его лице и тени симпатии. Вместо этого только неподвижный взгляд, обращенный в сторону Люка.

Я тронула его за руку.

— Джош, в чем дело? Мы можем еще раз поговорить о Джинджер, если это именно то, что тебя так гнетет.

— Ты не должна с ним водиться, — заявил он, пропустив мои слова мимо ушей.

— Что? С Люком? Почему? Мы только просто поговорили. Он интересуется историей своего отца.

— А у меня такое чувство, что он, скорее, интересуется тобой.

Лицо Джоша с правильными чертами побледнело, и это испугало меня. В его поведении было нечто такое, чего я за ним никогда раньше не замечала. Замешательство, беспомощность и необъяснимая антипатия по отношению к Люку, с которым он не был знаком.

Джош схватил меня обеими руками за плечи и почти грубо сжал их.

— Фэй, я скажу это только один раз. Держись подальше от Люка Салерно. Он плохо влияет на тебя.

Такое проявление ревности совсем не вязалось с образом Джоша. Ничего подобного

между нами никогда не было. Он всегда доверял мне, а я ему. Было ли это как-то связано с Джинджер? Неужели этот несчастный случай забрал у меня не только Эми, но и вбил клин между Джошем и мной?

А если так, то что тогда значила наша любовь?

Когда я вырвалась от него, у меня на глаза навернулись слезы. Я подумала о том, как в течение всей моей жизни все говорили мне, что я должна делать, и всегда под тем предлогом, что хотят защитить меня. И в этот момент я с завистью подумала — как бы странно при сложившихся обстоятельствах это ни показалось — о Джинджер и о ее манере протестовать против всех и всего на свете.

— Это решение я приму сама, — как бы со стороны услышала я саму себя, а потом повернулась и просто ушла. Я оставила Джоша, единственного друга, который у меня еще был в Блюхэвене, просто стоять столбом.

Глава 17

Как всегда, в Медицинском центре Уэстмилл царила суматоха. Из-за двери кабинета Лиз доносились взволнованные голоса, мимо стеклянных дверей постоянно пробегали люди, и мне пришлось ждать почти полчаса, пока Мелинда не сообщила, что теперь Лиз ждет меня.

Мелинде было около шестидесяти, и она чем-то напоминала Миранду Бейли из телесериала *«Анатомия страсти»*. Она работала еще вместе с моим дедом и, по словам Лиз, была ходячим архивом, так как помнила наизусть истории болезни всех пациентов, в том числе и своей семьи. Это означало, что Мелинда знала весь Блюхэвен, так как для многих людей не только в городе, но и в его окрестностях Медицинский центр Уэстмилл являлся единственной возможностью получения медицинской помощи, если они не хотели проделать долгий путь до Портленда. И это был лучше всего оснащен-

ный медицинский центр в этой части побережья. Многие врачи из соседних городов, будь то педиатры, гинекологи или ортопеды, один или два раза в неделю проводили здесь прием.

Кабинет Лиз находился в старом кирпичном здании. Из окна открывался прекрасный вид на парк с вековыми дубами. «Клуб понедельника» купил бывшую бумажную фабрику, чтобы разместить здесь медицинский центр, и инвестировал целое состояние в ремонт исторического здания и в строительство современной пристройки из стекла и бетона. Здесь имелся даже стационар.

Старинное здание с высокими окнами, толстыми кирпичными стенами и своей историей всегда нравилось мне гораздо больше, чем новостройка.

У Лиз было мало своих пациентов. После смерти моего деда управление и руководство Медицинским центром Уэстмилл отнимало у нее слишком много времени. Одним из этих пациентов была я, и один раз в месяц я приходила к ней, чтобы она могла основательно обследовать меня.

Моя болезнь — даже если я сама лишь неохотно так называла ее — была довольно редкой, и Лиз постоянно подчеркивала, что *идиопатическая инсомния* означала чрезвычайную нагрузку на организм и психику больного. Поэтому она так долго настаива-

ла на том, чтобы я прошла курс психотерапии у доктора Эрики Майерс, как бы сильно я этому ни противилась. Причина расстройства сна была неизвестна. От этой болезни не было никаких лекарств, а имелись лишь медикаменты, которые смягчали симптомы. Но Лиз твердо верила в то, что однажды мне смогут помочь. Она ездила с одного конгресса на другой, постоянно встречалась с ведущими профессорами Гарвардской Медицинской школы. Даже если она сама уже давно и отказалась от собственной исследовательской карьеры, но в этой области она всегда была в курсе всех последних достижений науки. Она делала все для меня.

Я бы охотно не проходила такие ежемесячные обследования, но Лиз настояла на них. А на этот раз я даже и не пыталась уклониться от обследования, так как сама хотела поговорить с ней.

Рост, вес... с момента последнего обследования я похудела на четыре килограмма.

— По крайней мере, ты должна больше есть, — сказала моя тетя, подошла к своему письменному столу и занесла данные в компьютер. Потом она вернулась ко мне и села на табурет, чтобы с помощью стетоскопа прослушать мое сердце и легкие.

Следуя ее указаниям, я делала глубокие вдохи и выдохи. Последняя ночь оказалась не намного лучше, чем предыдущая, хотя ве-

чером у меня состоялся разговор с моим отцом, который пошел мне на пользу. Он рано вернулся из «Новой Ложки», так как посетителей было мало, и, когда я излила ему душу и рассказала правду об аварии, о том, какую роль сыграла в ней Джинджер, он не пришел в ярость, а сначала долго молчал. А когда он начал говорить, то в его голосе слышалась неподдельная скорбь. Он тоже был неприятно поражен тем, что Джинджер сделала все, чтобы создалось впечатление, что за рулем была Эми. Но... — так сказал папа — Эми умерла не от последствий аварии, а потому что была больна. Ее сердце просто остановилось, и это был один из тех случаев, когда человеческие возможности имеют границы.

Вот таков мой папа.

Что я могла возразить на это? Он выглядел таким печальным и, очевидно, думал о моей маме, а мама... вдруг пришло мне в голову... она должна была умереть, так как родилась я. Впервые в жизни я почувствовала себя виновной в ее смерти.

Когда в машине Джош признался мне и рассказал, что же действительно произошло в тот вечер, я подумала прежде всего о себе. О своих чувствах. Была оскорблена тем, что от меня утаили правду. А вот мой папа подумал как об Эми, так и о Джинджер. И с Лиз он был полностью согласен относительно моей болезни.

— Фэй, дорогая, она хочет лишь защитить тебя, — тихо сказал он, пристально глядя на светло-оранжевое пламя камина, перед которым мы сидели. Оз, расположившийся на диване между нами, тихо мурлыкал и лишь иногда поворачивал голову из стороны в сторону, словно во сне прислушивался к нашему разговору. — Она не переживет, если с тобой что-нибудь случится. Она думает только о тебе, с тех пор как потеряла свою сестру.

— Но почему же ты ведешь себя иначе? — спросила я. — Ведь ты, по меньшей мере, так же сильно любил маму.

Папа погладил Оза по головке, и кот замурлыкал еще громче.

— Да, я любил ее, — рассудительно сказал он. — Но между Лиз и твоей мамой — между ними существовала связь, которая выходила за рамки любви. И я думаю... — он посмотрел на меня своими карими глазами, морщинки вокруг которых придавали ему немного лукавое выражение, — я думаю, что я сильнее, чем Лиз. — Он обнял меня за плечи. — Знаешь ли, Фэй, и эту силу ты унаследовала от меня. Многие не понимают этого. А иногда и ты сама забываешь об этом.

Лиз вытащила стетоскоп из ушей и вернула меня к реальности.

— Все довольно неплохо, — сказала она.

Потом она взяла тонометр, лежавший на передвижном столике, и наложила манжету на мое левое предплечье. Ее движения были, как всегда, скупые и спокойные, а каждый жест отточен.

Я подумала, что было бы лучше, если бы лечащим врачом Эми была она, а не Вирджиния. Так как Лиз отличалась обстоятельностью и от нее не ускользала почти ни одна мелочь. Она любила работу с пациентами и сожалела о том, что теперь у нее почти не оставалось времени для работы практикующим врачом. А Вирджиния, напротив, предпочитала работать в лаборатории и заниматься обобщением результатов научных исследований, чем возиться с людьми. Я узнала это от Энди, санитаря «Скорой помощи». Лиз никогда не говорила о Вирджинии ничего подобного.

— Почему Эми не была твоей пациенткой? — спросила я и почувствовала, как быстро забилося мое сердце. — Ты бы не разрешила ей сразу после реабилитационной клиники пойти в школу.

В то время как манжета надувалась и все сильнее сжимала мою руку, пока та почти совсем не онемела, Лиз объяснила, не отрывая глаз от шкалы тонометра:

— Вирджиния — выдающийся медик. Мы можем считать, что нам повезло, что она зарывает свой талант здесь, в Блюхэвене.

Я еще никогда не смотрела на это с такой точки зрения, но, возможно, так оно и было. Наверняка было нелегко привлечь хороших врачей к работе в таком маленьком городке, как Блюхэвен, к тому же в Медицинском центре Уэстмилл у врачей не было возможностей карьерного роста. Я не могла отделаться от впечатления, что Вирджиния была очень тщеславной. В ней чувствовалась какая-то ожесточенность, почти озлобленность. Она бывала раскованной только тогда, когда ходила под парусом на своей яхте. Как же часто мы с Эми видели ее в открытом море на «Побеге», когда она тренировалась к одной из своих регат.

Лиз продолжала смотреть на шкалу тонометра.

— А что касается Эми, ты можешь быть спокойна. Я бы не смогла позаботиться о ней лучше, чем Вирджиния.

Вот только Эми для Лиз была не чужим человеком, и, возможно, Лиз так быстро не отказалась бы от попытки спасти ее, возможно...

— А если бы Вирджиния приехала на место аварии раньше? — не отставала я. — Ты же сама говорила, что в таких случаях дорога каждая минута.

«Тогда бы у Джинджер было недостаточно времени для обмана», — хотела добавить я, но Лиз опередила меня.

— Вирджиния не сделала ни одной ошибки.

Несколько секунд мы молчали, пока Лиз освобождала манжету тонометра.

— 160 на 100. — Лиз записала значения в мою карточку. — Это мне не нравится. Есть ли у тебя еще какие-нибудь симптомы? Нарушение зрения, ускоренное сердцебиение, головокружение?

У меня было такое чувство, что все эти симптомы имели место быть, тем не менее я покачала головой.

Лиз пристально посмотрела на меня. Ее очки едва держались на кончике носа.

— В ближайшие дни мы повторно измерим твое давление дома. Потом посмотрим, надо ли тебе принимать лекарство, которое снижает давление. — Ее рука лежала на моем правом колене, и она озабоченно смотрела на меня. — Фэй, это все симптомы стресса. Само по себе это вполне естественная реакция на то, что случилось. Просто твой организм пытается защищаться. Все, что ты сейчас чувствуешь, это естественно, но... ты должна выговориться, чтобы справиться с этим. Ты не должна держать все в себе. И ты должна спать. Я советую тебе с сегодняшнего дня снова регулярно принимать таблетки. Мы не имеем права рисковать твоим здоровьем и не можем допустить возникновения кризиса.

Я уже хотела инстинктивно воспротивиться, но, в сущности, Лиз была права. В течение всего лета я чувствовала себя гораздо лучше. Разумеется, я не спала всю ночь напролет, это было для меня невыносимо, но иногда мне удавалось спать по шесть часов и без всякого снотворного.

А сейчас, после смерти Эми, я вообще страдала бессонницей.

Но ведь в этом не было ничего удивительного. Встреча с Эми на автобусной остановке. Загадочное сообщение, которое кто-то прислал мне с мобильного Эми. Исчезнувшие записные книжки. А вдобавок ко всему еще и эта глупая ссора с Джошем, которая камнем лежала у меня на сердце.

— Все, о чем Тайлер говорил на кладбище, правда, ведь так? — вместо этого сказала я. — Я узнала это от Джоша. И все были в курсе. В том числе и начальник городской полиции Тёрнер, который замял это дело.

Лиз покачала головой.

— Мы не сразу узнали об этом, — медленно сказала она. — Мы обратили на это внимание только тогда, когда Тайлер взялся за расследование этого дела. У нас не было никаких оснований не верить Джинджер.

— Но потом, когда она рассказала обо всем Джошу, и он...

— Я понимаю, что ты чувствуешь, — прервала меня Лиз. — Но посмотри на это

и с другой стороны. Если бы это выяснилось, Джинджер должна была бы предстать перед судом. Она получила бы судимость. Алкоголь за рулем, авария со смертельным исходом... это весьма скверное дело. И даже если она всегда изображает из себя человека, прошедшего огонь и воду, но на самом деле у нее неустойчивая психика. Ее успехи в школе и без того далеко не блестящие. Ее не примут ни в один приличный колледж. Какие шансы тогда будут у нее? Ведь она твоя подруга. Ты же не хочешь, чтобы из-за этого она испортила себе жизнь.

Через высокое окно, находившееся позади письменного стола, я посмотрела на старые, высокие дубы, которые закрывали солнце.

— Но ведь она виновата в смерти Эми.

Тот факт, что я произнесла это шепотом, свидетельствовал о том, что после разговора с отцом я уже не была так уверена в этом.

Лиз поднялась со своего табурета, подошла к рабочей поверхности, в которую был встроен умывальник, нажала на дозатор бутылочки с дезинфицирующим средством и — повернувшись ко мне спиной — долго и тщательно мыла руки.

— Она не виновата, Фэй. В сущности, это даже не была настоящая авария. Они съехали с дороги, так как лопнула шина. И там было дерево, да, Джинджер была пьяна,

да... — Лиз повернулась ко мне лицом. — Но она ехала не быстро. Автомобиль едва прикоснулся к дереву. И я могу с полной уверенностью утверждать: то, что Джинджер перетащила Эми на место водителя, не имело никаких медицинских последствий для ее состояния. Санитары сделали бы то же самое, так как дверца со стороны пассажира была заблокирована деревом. Джинджер сделала все правильно, понимаешь? Все, что она хотела, это помочь Эми. Но сердце Эми не выдержало шока. Она испугалась из-за того, что автомобиль стал плохо управляем. Физиологическая реакция организма на такое происшествие — выброс адреналина и норэпинефрина и последовавшее за этим увеличение частоты сердечных сокращений... — Она запнулась. — Я привела достаточно доказательств, чтобы ты поняла, что произошло, или нет?

Да, я все поняла. И тем не менее у меня было такое чувство, что здесь что-то не так.

— Она поругалась с Джинджер. Из-за Кэйлеба. Не могло ли волнение вызвать сердечный приступ?

— Фэй, — вздохнула Лиз. Она подошла ко мне, присела рядом со мной на кушетку и обняла меня за плечи. — Подобные разочарования являются неотъемлемой частью жизни. Никто от этого не умирает. Никто не виноват в смерти Эми. Виной тому ее бо-

лезнь. Это трагедия, я знаю. Но миокардит, особенно у молодых людей, всегда очень коварен, так как часто его обнаруживают слишком поздно, а бывает, что и вообще не диагностируют. И даже в тех случаях, когда ставят такой диагноз, больные часто не воспринимают его всерьез. Я думаю, что Эми не осознавала, насколько серьезно была больна.

Джинджер всегда утверждала:

«Взрослые просто ограничены в своих умственных способностях, так как с возрастом работоспособность мозга уменьшается. Поэтому то, что они утверждают, не всегда бывает правдой».

Но однажды Эми возразила на это:

«Но сердце знает лучше, чем разум. К тому же у некоторых людей сердце очень большое, и именно таким сердцем обладают моя мама и отец Фэй».

Ах, Эми, что было правдой, а что нет? Я этого больше не знала.

— Я не хочу, чтобы меня обманывали, — громко сказала я и при этом показалась самой себе дерзкой. — Я больше не ребенок.

— Ты права, это было неправильно с моей стороны, и я, раскаиваясь в том, что не сказала тебе правду относительно болезни Эми. Но Эми сама не хотела этого. Она хотела защитить тебя. Она была тебе хорошей подругой.

А вот Донна утверждала нечто другое, а именно, что это Лиз убедила Эми молчать о своей болезни.

Я была готова расплакаться. Дружба. Слово, значение которого так сильно изменилось за последние дни.

Лиз сдвинула очки вверх, вернулась к своему письменному столу, заняла место перед компьютером, выдвинула клавиатуру и начала печатать. Потом она на минутку прервалась и посмотрела в мою сторону.

— Фэй, я догадываюсь, что ты скажешь, но хотела бы снова послать тебя к Эрике. Твой отец против, но я считаю, что это необходимо.

Физическая реакция проявилась мгновенно. Меня бросило в жар, хотя в кабинете было прохладно, а в горле появился горький привкус.

В моей памяти голос Эрики Майерс остался кротким, успокаивающим, дающим советы. Одновременно перед моим внутренним взором возникли картины, которые свидетельствовали об обратном. Все в ней казалось крупным и вызывающим страх, начиная с ее удлиненных ладоней с тонкими пальцами, в которых она постоянно вертела свою серебряную авторучку, и заканчивая ее неестественно белыми зубами. И я хорошо помню, какой страх нагонял на меня ее взгляд: мне казалось, что

она видела меня насквозь и знала обо мне буквально все.

Как ведьма, мелькнуло у меня в голове. Да, точно, в моих воспоминаниях она выглядит как настоящая ведьма.

— Нет, — твердо сказала я.

Лиз пристально посмотрела на меня, и, собственно говоря, я могла бы поклясться, что сейчас она начнет долгую дискуссию, но она только тяжело вздохнула и, вместо того чтобы настаивать на своем, спросила:

— У тебя еще достаточно снотворного?

— Да, — снова солгала я.

Лиз опять продолжила печатать.

— Хорошо, тогда давай возьмем у тебя кровь на анализ.

Она подошла ко мне со шприцом и села прямо передо мной. Я машинально заката-ла левый рукав блузки. Она продезинфици-ровала кожу в локтевом сгибе и принялась искать вену, что требовало от нее большой концентрации, так как у меня были плохие вены. Лиз сказала:

— В воскресенье ты спрашивала о Зоэ, сестре Уильяма Фуллера.

Я вздрогнула.

— Да, а что...

— Она была эпилептиком. Долгое время ее семья считала, что Зоэ страдает от миг-рени. Эпилепсию и мигрень часто путают. И только твой дедушка поставил ей пра-

вильный диагноз. Он очень переживал из-за того, что не смог ей помочь. Но ее родители были крайне религиозными людьми и в какой-то момент полностью отказались от лечения. Они заперли ее в отдельную комнату и... Уильям не смог справиться с этим. Он упрекал твоего деда за то, что тот не вступился за Зою еще энергичнее. Но в то время она еще не достигла совершеннолетия. А против воли родителей мой отец, твой дед, ничего не мог поделать.

Иголка больно кольнула. Я не ожидала этого и негромко вскрикнула.

— Извини. — Лиз коротко улыбнулась и набрала кровь в шприц. — Может быть, ты хочешь кусочек сахара, как раньше?

Я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. Следующая пробирка была заполнена, затем еще одна. Почему Лиз рассказала мне об этом именно сейчас? Только потому, что я спросила об этом за обедом? На нее это было совсем не похоже.

— Готово.

Лиз продезинфицировала место забора крови и наклеила на него пластырь.

Потом мы замолчали, пока Лиз подписывала пробирки с кровью моим именем и ставила их в предусмотренные для этого контейнеры.

— Я распоряжусь отправить их прямо сейчас в лабораторию, чтобы мы как мож-

но быстрее получили результаты. Я дам тебе с собой успокоительное, чтобы ты могла ежедневно принимать его. Может быть, так ты быстрее придешь в себя. — Она поднялась со своего стула, открыла дверцу шкафчика и достала пачку таблеток. — Для начала будет достаточно одной таблетки в день. А потом посмотрим.

Я сунула таблетки себе в карман.

— Почему вы утверждали, что Уильям Фуллер бесследно исчез, хотя «Клуб понедельника» оплатил его пребывание в больнице?

Лиз раздраженно повернулась ко мне.

— Никто из нас никогда не говорил, что Уильям бесследно исчез. Это всего лишь дурацкие слухи. Это Люк внушает тебе подобные вещи? Да знал ли он вообще своего отца? Очевидно, ему не было ничего известно даже о существовании этого дома.

Мои мысли путались. На мгновение у меня закружилась голова. Почему сначала она сама заговорила о Зоэ, чтобы потом одернуть меня, когда я стала задавать вопросы? Я просто отказывалась это понимать.

Смерть Эми показала мне, какой же наивной я была всю свою жизнь. Моя мать была в том же возрасте, что и Уильям Фуллер, — вероятно, они все выросли вместе. Конечно, они были знакомы с Фуллером, возможно,

даже дружили. Однако ни Лиз, ни Нельсон или профессор никогда не рассказывали о нем. Складывалось впечатление, что он просто исчез из Блюхэвена.

Я подумала о том, не потребовать ли мне прямо здесь и сейчас объяснения от Лиз, но потом передумала, — возможно, будет лучше, если я сначала поделюсь новой информацией с Люком, прежде чем продолжу свои расспросы. Кроме того, в данный момент меня интересовала более важная тема. Мобильник Эми.

— А где, собственно говоря, вещи Эми?

Лиз поставила пробирку на полку в шкафчике.

— Какие вещи?

— Одежда, которая была на ней... и, — я немного помедлила, — ее сумочка?

Лиз вернулась к письменному столу, повернула к себе монитор и начала печатать.

— Обычно вещи пациентов передаются их родственникам. Лучше спроси об этом Донну.

Раздался стук в дверь, и почти одновременно с этим дверь распахнулась, на пороге появилась Мелинда в своем накрахмаленном облачении.

— Экстренный случай, доктор Сен Клер, — сказала она. — Мисси. Серьезная рана головы, которую надо зашить. Мы поместили ее в третью.

- А что с доктором Доннелли?
- Она уже ушла.
- Я сейчас подойду. — Лиз повернулась ко мне. — Ты меня подождешь?

Я утвердительно кивнула.

Обе женщины спешно покинули кабинет, и я осталась здесь одна.

Напротив меня висел плакат, на котором был изображен мозг человека. Я знала наизусть отдельные участки мозга. Когда мне приходилось здесь ждать, я заучивала наизусть все, что попадалось мне на глаза. По словам Лиз, уже в четыре года я могла выговорить труднейшие медицинские термины: гипоталамус, затылочная доля, *Truncus cerebri*, или ствол мозга, где находился центр, который координировал ритм смены сна и бодрствования. То место в моем мозгу, которое по до сих пор невыясненной причине функционировало неправильно.

Я наугад открыла один из ящиков, и мой взгляд упал на такие расходные медицинские материалы, как шприцы, иглы и различные бинты и повязки. Раньше я брала подобные вещи к себе домой, где играла во врача. Эми была моей пациенткой. Через стетоскоп я слушала ее сердце.

Я рывком закрыла ящик и прошла к письменному столу, где опустилась на удобный вращающийся стул.

Экран компьютера уже погас. Я кликнула по клавише пробела, и он загорелся.

Я ожидала увидеть свои данные, но вместо этого Лиз вывела на экран страницу МТИ в Бостоне: Институт исследований мозга. Я закрыла браузер и попала на сайт Медицинского центра.

Это был мой шанс заглянуть в данные пациентов и, может быть, помочь Люку...

Я медлила, так как неожиданно почувствовала себя преступницей. Но на каникулах я уже работала здесь, вводила в компьютер данные пациентов и сканировала старые документы. В конце концов, это ничем не отличалось от той работы. Я кликнула по символу *Login*, ввела пароль, которым пользовалась еще летом, и зашла как пользователь Лиз.

В правом верхнем углу экрана появилось поле поиска.

Я ввела фамилию Фуллер и нажала на *Enter*.

Нет данных.

Попытка не пытка, но медицинская карта Фуллера была старой, и вероятность того, что она была оцифрована, показалась мне ничтожно малой. Как я узнала во время своей летней подработки, Медицинский центр Уэстмилл не успевал преобразовывать свою документацию в цифровую форму. Возможно, медицинская карта Фуллера действительно не сохранилась.

Я уже собиралась вернуться на свое место, как мне в голову пришла одна мысль. Я прислушалась, услышала где-то в коридоре быстрые шаги, а потом приглушенный визг.

Похоже, что это был голос Мисси. У меня по спине побежали мурашки, когда я вспомнила, что она шепнула мне на кладбище. Неужели я испытывала перед ней панический страх только потому, что сама находилась на грани безумия?

Мне на ум снова пришли слова моего отца. Что он сказал? Что я достаточно сильная, но иногда просто забываю об этом?

Я снова повернулась к экрану.

Повинуясь какому-то внутреннему импульсу, я ввела фамилию Эми и пробежала глазами ее историю болезни. Для обозначения ее болезни существовал специальный термин — миокардит. Вирджиния прописала ей мочегонные. Результаты ЭКГ хранились в памяти в виде одного файла. Потом я пролистала несколько следующих страниц, пока не появилась запись, относящаяся к аварии. Дефибриллятор, адреналин, раствор хлористого натрия, одно сломанное ребро... Я пропустила все остальное, пока не добралась до решающего места.

Дата: 1 сентября 2015 года.

Момент смерти: 19.59.

Причина смерти: сердечная недостаточность.

Под ней неровная, почти нечитаемая подпись: д-р Вирджиния Доннелли.

В коридоре снова раздался приглушенный вопль. Он уже не был похож на крик человека, а скорее напоминал рев раненого зверя, находящегося в беде. Этот вой приближался. А потом что-то громко ударилось о дверь.

Мое сердце бешено заколотилось, и я действовала, повинувшись лишь инстинкту, когда вскочила со стула. Вращающийся стул ударился о шкаф у меня за спиной. Последовал еще один сильный удар в дверь, потом еще один и еще.

— Никого нет? — услышала я пронзительный голос. — Там нет никого, кто хочет со мной поговорить?

Меня охватила паника. Что происходило там, в коридоре? В два-три прыжка я оказалась у кушетки и забилась в угол позади нее. Дверь распахнулась.

— У кого есть уши, тот слышит, что говорит дух, — взволнованно просипел кто-то. — Мертвые не являются больше мертвыми...

Я на мгновение закрыла глаза, а когда снова открыла их, то увидела, как Мисси ворвалась в кабинет Лиз. Она снова была одета в несколько слоев одежды, словно пыталась от чего-то защититься.

Я затаила дыхание. Мисси пробежала зигзагом по комнате, принялась бить кула-

ками по дверцам шкафа, открыла их и начала копаться в ящиках. Вскоре весь пол был покрыт перевязочными материалами, шприцами и иглами. Мисси продолжала бормотать сиплым голосом какие-то странные слова, которые звучали так, словно она проклинала Господа Бога и весь мир. Я не двигалась и никак не могла выйти из своего безмолвного оцепенения.

Теперь Мисси стояла перед стулом Лиз. Взмахом руки она смела со стола все бумаги, авторучка Лиз сломалась. Ногой Мисси со всей силы ударила о металлическую ножку стола. Раздался громкий лязг, сопровождаемый сумбурными выкриками. Мисси уже не была безобидной дурочкой. В данный момент предо мной стояла буйнопомешанная, которая представляла серьезную угрозу как для себя самой, так и для окружающих.

Мисси выдвинула ящик письменного стола и начала рыться в вещах Лиз своими костлявыми пальцами. Что-то упало на пол, она нагнулась, а когда снова выпрямилась, то заметила меня.

Ее лицо было бледным как смерть, а из глубокой раны на лбу сочилась кровь. Ее тупой взгляд равнодушно скользнул по мне. Ее губы безмолвно шевелились.

— Мисси? — донеслось из коридора.

Был ли это Энди? Сразу же вслед за этим я услышала голос Лиз. Они искали ее.

Шаркая ногами, Мисси подошла ко мне и вытянула в мою сторону руку с ярко накрашенными красным лаком ногтями. Холодный пот ручьем потек по моей спине, когда она наклонилась ко мне.

— Она облечена в порфиру и багрянец и в руке у нее золотая чаша, наполненная мерзостями...

— Все хорошо, Мисси, — тихо сказала я, до конца не осознавая, кого хотела этим успокоить, себя саму или ее.

Но это уже не играло никакой роли, так как из коридора донеслись взволнованные голоса, и несколько секунд спустя меня уже окружили люди. Голос Лиз донесся до меня как сквозь вату:

— Все в порядке, Фэй? Она тебе что-нибудь сделала?

Я лишь молча покачала головой и растерянно наблюдала за тем, как крепкие руки Мелинды схватили Мисси и как ей понадобилась помощь Энди, чтобы удержать ее, в то время как Лиз делала Мисси укол в предплечье. Мисси закатила глаза, ее веки задрожали, а затем ее тело обмякло.

Глава 18

Когда я вернулась домой, мой отец был уже в «Новой Ложке». На плите стояла кастрюля с куриным рагу, к которой была прислонена записка.

Поешь, пожалуйста! Я попытаюсь прийти домой пораньше. Люблю тебя!

Посудомоечная машина негромко урчала в начищенной до блеска кухне, которая со своими кастрюлями медного цвета и деревянными рабочими поверхностями излучала привычный уют. Оз беспокойно мяукал в коридоре. Когда он прибежал на кухню и начал тереться о мои ноги, я открыла ему баночку его любимого корма. Я наблюдала за тем, как он жадно ел из миски, то и дело недоверчиво поглядывая на меня своими узкими кошачьими глазами, словно опасался, что я съем его блюдо из семги.

Охватившее меня гнетущее чувство —

сначала совсем слабое — становилось все сильнее и сильнее. В последние дни каким-то таинственным, загадочным образом порвалась моя связь с теми людьми, которых я любила.

Меня переполняли страх, беспокойство и ярость. В то время как два первых чувства были мне слишком хорошо знакомы, ярость была совершенно не свойственна моему складу характера. И я не имела понятия, как справиться с ней. Мне не помогло и то, что я носилась по всему дому как угорелая. Я включала телевизор, и тут же снова выключала его. Без конца проверяла мобильник: все еще никакого сообщения от Джоша. Никакого извинения. Никакого намека, что он думает обо мне. Вместо этого я постоянно натывалась на сообщение, которое кто-то прислал мне с мобильного Эми.

В ванной я долго смотрела в зеркало и не узнавала себя. У меня под глазами появились темные тени, и я была такой же жутко бледной, как Эми, когда я видела ее в последний раз в школе. Вот только... это было не в последний раз. Перед моим внутренним взором возникла картина, как она в белой рубашке... звала меня на дороге... *Фэй, подойди ко мне...*

Я зарегистрировалась и вошла в «Фейсбук», а когда прочла посты на страничке Эми, мне стало плохо.

Кто ездит без прав, сам виноват.

30 лайков.

Она напилась на частном пляже Серебряные Пески. Вместе с Джинджер. Нет слов. Каждый сразу поймет, что это значит.

47 лайков.

Бог ее дал, Бог ее взял.

3 лайка.

Я не могла больше выносить этого. Я просто не могла.

Я вытащила коробку с медикаментами и начала рыться в ней. Лиз всегда давала отцу только по одной полоске с таблетками из упаковок, так как боялась, что когда-нибудь я могу по ошибке принять слишком много таблеток. На этих полосках, так называемые блистерах, она писала название лекарства, мое имя и дозу. После приема желтых таблеток я засыпала, коричневые прогоняли усталость, а белые в течение одной минуты приводили меня в состояние полной летаргии.

Я налила в стакан воды и как раз выдавливала из алюминиевой фольги одну из белых таблеток, когда услышала стук во входную дверь.

Я прислушалась. Но все оставалось спокойным, и я подняла руку, чтобы положить таблетку в рот.

И мне снова показалось, что я слышу какой-то шум. Я бы не обратила на него вни-

мания, но в этот момент кухонная дверь неожиданно приоткрылась, и в комнату, подняв хвост трубой, влетел Оз, вихрем пересек всю кухню и запрыгнул на посудомоечную машину, затем оперся двумя лапами о подоконник и настороженно уставился в окно.

Таблетка выпала у меня из дрожащей руки и потонула в стакане, где начала медленно растворяться во все более мутнеющей воде, оставляя на поверхности белую колышущуюся пленку.

Я знала, что не смогу успокоиться, пока не посмотрю, в чем там было дело. Я вышла в прихожую и открыла входную дверь, но там никого не оказалось. По всей видимости, это был ветер, который стал тем временем гораздо сильнее.

Громкое дребезжание заставило меня вздрогнуть, и одновременно я обнаружила причину шума. Весь этот грохот производил деревянный ставень, который вырвался из крепления на двери веранды кухни Лиз и теперь при каждом порыве ветра бился о стену дома.

Особняк поместья Элмвуд, расположенный метрах в восьмидесяти от нашего дома, лежал в темноте, а машина Лиз не стояла в воротах. Я сняла с крючка связку ключей и прямо в носках побежала по узкой дорожке к ее дому.

Белый фасад был заново покрашен только этим летом, так же как и зеленые ставни. Вместе с пристройкой у дома было шесть фронтонов. Это установила Эми, после того как прочитала роман Натаниэля Готорна «Дом с семью шпилями».

Я не заметила, что Оз последовал за мной, а когда он проскользнул у меня между ног в дом, было уже слишком поздно.

Лиз запретила пускать его в свой дом, так как он питал особое пристрастие к дорогим персидским коврам, а старинная мебель, казалось, лучше всего подходила для заточки его когтей. Я вздохнула. Мне придется потрудиться, чтобы выпроводить Оза из дома, прежде чем вернется Лиз.

Но сначала я пошла на кухню, открыла дверь веранды и закрепила деревянный ставень в зажиме. После этого я вернулась в прихожую.

— Оз, иди сюда... Оззи-Оз... пойдём, мы уходим домой... мой любимый котик, где ты?

Я распахнула полуприкрытую дверь в кабинет. Здесь Оз любил прятаться больше всего. Я тихонько остановилась на пороге кабинета и затаила дыхание. Однако нигде не было слышно ни звука. Я медленно вошла внутрь. Раньше я часто приходила сюда. И было время, когда Лиз разрешала нам с Эми одним проводить там время. Для Эми особняк поместья Элмвуд казался тогда

сказочным замком. Позднее она сочиняла жуткие истории про призраков. Однажды она была принцессой, а я принцем. В другой раз мы с ней пробирались по нежилым помещениям особняка в образе привидений, накрывшись старыми, изношенными простынями, которые хранились в многочисленных шкафах. Но, став старше, мы чаще играли на улице или в особняке поместья Уинди Холл, где жили Джош и Джинджер, а Кэйлеб был постоянным гостем.

Только сейчас до меня дошло, что мой папа редко заходил в главный дом поместья Элмвуд. Гораздо чаще у нас бывала Лиз. Как она могла жить одна в этом огромном доме, где компанию ей составляла лишь домработница, которая приходила три раза в неделю? Но Лиз никогда не уедет отсюда. Она слишком любила этот дом. Здесь она выросла вместе с моей мамой, здесь продолжали жить истории, которые она рассказывала мне о своем отце и моем дедушке.

Старинная мебель тихонько потрескивала, когда я проходила мимо нее. Я включила свет. Тяжелая люстра из латуни зажужжала. Я живо представила себе дедушку, сидевшего в потертом кожаном кресле, так как в помещении все еще чувствовался его запах. Я прошла мимо письменного стола и погладила рукой старое пресс-папье.

На нем были выгравированы инициалы моего дедушки: Д.Т.С.К. — Джозеф Томас Сен Клер.

Все эти вещи... некогда они принадлежали дедушке, и я впервые задалась вопросом, почему Лиз так бережно все хранила. За исключением штор, вместо которых она повесила более светлые, она ничего здесь не изменила. Она не выбросила даже его одежду. Она по-прежнему висела в шкафах, укрытая пластиковыми чехлами, и, когда открывали дверцы шкафов, его костюмы тихонько шелестели.

Будучи ребенком, я иногда пробиралась тайком в пустой кабинет, чтобы увидеть портрет своей мамы. Он все еще висел над буфетом-сервантом и для меня ничего не утратил от своей магии. Казалось, что глаза моей матери были постоянно направлены на меня. Без разницы, с какого бы направления я ни смотрела на портрет, мамин взгляд неотступно следовал за мной, и я сразу чувствовала себя защищенной и в полной безопасности.

И сейчас я остановилась перед портретом, и мне захотелось, чтобы эта магия продолжила действовать, как и прежде, однако из прихожей донесся какой-то стук. В надежде поймать кота я выбежала из кабинета.

— Оз? Где ты? Иди сюда?

Но мне ответил не Оз.

— Если я не ошибаюсь, он сидит на дереве, — ответил незнакомый голос.

Я вздрогнула, так как в проеме входной двери, которую я оставила открытой, кто-то стоял. Темная личность, сказала бы Эми. Эта фигура заполняла собой почти весь дверной проем.

Я не смогла удержаться от того, чтобы не вскрикнуть, однако мгновение спустя, когда фигура отступила на шаг назад и автоматически включилось внешнее освещение, я узнала Люка Салерно в коричневой кожаной куртке. На нем была та же самая светлая рубашка, что и при нашей первой встрече в «Новой Ложке».

И в ту же самую секунду я поняла, что совсем не удивлена, увидев его здесь. Какой бы неожиданной ни была наша встреча, мне показалось, что это не случайность. Наши пути постоянно пересекались, поскольку мы искали ответы на одни и те же вопросы. По меньшей мере, так мне представлялось в данный момент.

— Ваш дом освещен, как дюжина тыкв на Хэллоуин, — пояснил он. — Поэтому сначала я постучался к вам, но встретил только кота на дереве перед домом, да и он не захотел меня видеть.

— Я лишь на минутку зашла к Лиз, чтобы посмотреть, все ли здесь в порядке.

Иногда она оставляет открытым окно или как сегодня...

Я запнулась, так как не представляла, что мои объяснения его интересуют. Зато я с напряженным вниманием ждала, как он объяснит свое появление здесь.

Некоторое время мы молчали. Я была уверена, что существовала только одна причина, почему Люк появился здесь, — и это была я.

— Ты меня искал?

Люк все еще продолжал смотреть на меня с непроницаемым выражением лица. Ветер, который еще усилился, разметал его темные волосы и на мгновение выявил то, что я никак не ожидала от Люка: неуверенность. Но уже со следующим порывом ветра она бесследно исчезла.

— Собственно говоря, нет, — сказал он, растягивая отдельные слова. — Я хотел поговорить с твоей тетей. Я подумал, если медицинская карта моего отца не сохранилась, то, вероятно, она сможет что-нибудь рассказать о нем. Они же наверняка были знакомы.

Даже если они и не были лично знакомы, в Блюхэвене каждый знал все о любом жителе городка. По крайней мере, я придерживалась такого мнения до сих пор, пока не выяснилось, что те люди, которым я доверяла больше всего, меня обманывали.

Ничто не является тем, чем кажется... — это выражение встречалось мне в книгах.

Вот только... происходящее здесь не было сюжетом романа.

— Моей тети сейчас нет дома, — сказала я.

— Ну да, по-видимому, так оно и есть, — изрек Люк.

Пригласить его к нам в дом было бы, собственно говоря, всего лишь знаком вежливости, но по какой-то причине я не решилась на это. Словно из-за этого он мог стать мне слишком близок.

— Почему, собственно, это дело с медицинской картой для тебя так важно? — спросила я. — Что ты надеешься найти в ней?

Люк пожал плечами, но этот жест равнодушия показался мне неискренним.

Порыв ветра снова подул на него. Ветер завывал среди старых деревьев, которые росли здесь уже тогда, когда моя мама и Лиз еще даже не родились. Этим Лиз всегда успокаивала меня, когда в Блюхэвене бушевали ураганные порывы ветра, срывавшие крыши и заставлявшие содрогаться до основания целые дома.

— Если твоя мать постоянно рассказывает тебе небылицы о твоём отце и сама запутывается в своей лжи, то ты научись доверять только фактам. — Люк повысил голос, чтобы перекрыть бурю. Его глаза,

которые из-за слегка опущенных вниз уголков всегда казались насмешливыми, сейчас стали серьезными. — Единственное, что я знаю наверняка, так это то, что мой отец умер слишком рано. И, конечно, у меня возникает вопрос, от какой болезни он умер? И почему моя мать никогда не говорила мне правду? Сначала это было сердце, в другой раз злокачественная опухоль. Если кто-то постоянно выдумывает новые версии смерти, то даже ребенок поймет, что здесь что-то не так.

Я слишком хорошо понимала его. И не только это — в моем теперешнем состоянии его слова действовали на меня как яд. Впервые в жизни я задумалась над тем, почему именно моя мать умерла так рано.

Все мои чувства были обострены до предела, а мой дух находился в таком смятении, что любая мысль могла потрясти меня до глубины души. И неожиданно у меня возникло желание оправдать сдержанную реакцию Лиз на вопрос об Уильяме Фуллере.

— Я ввела фамилию Фуллер в базу данных пациентов Медицинского центра Уэстмилл. Действительно не осталось никаких документов.

Люк кивнул.

— Я верю в это. Вероятно, срок хранения медицинских карт пациентов уже давно истек. Но мой отец родился здесь, мой де-

душка и моя бабушка прожили в Блюхэвене всю свою жизнь. Ведь должно было остаться хоть что-то. Поэтому я здесь. — Он затянул молнию своей куртки до самой шеи, чтобы защититься от ветра. — Понимаешь, мне не нужен ответ прямо сейчас. И мне не нужен он завтра. Я хочу найти его когда-нибудь, и мне без разницы, сколько времени займут поиски. У меня есть время, чтобы найти хотя бы что-то.

Его честность, его вера и вот эта непоколебимая уверенность в своих силах были просто обезоруживающими. Они заставляли меня думать только об одном: как я могла ему помочь, когда не могла помочь даже самой себе?

Я напряженно размышляла. Кубики, один кубик за другим, становились на свое место, и неожиданно я снова была способна ясно и сосредоточенно мыслить. Раньше Лиз давала мне настоящие пустые учетные карточки из картотеки. По-видимому, тогда я была еще очень маленькой и едва умела писать, но я подробно записывала все симптомы, которые диагностировала у своего плюшевого мишки: *Angina Pectoris* звучало лучше, чем простое воспаление горла, а *Arachnophobia* — страшнее, чем боязнь пауков.

Учетные карточки — дедушка работал исключительно с медицинскими картами,

заполненными от руки. Но если старые медицинские карты были действительно уничтожены, то это ничем не поможет Люку.

Тем не менее я почувствовала странное спокойствие, так как из глубин моего сознания начала всплывать мысль. Как рекламный баннер, который неожиданно открывается в Интернете и просто не хочет никак исчезать.

И вот эта мысль появилась. Вынырнула на поверхность.

— Я знаю, где еще мы можем поискать медицинскую карту твоего отца, — выпалила я. — В «Логове Дракона».

Люк поднял брови, и на долю секунды на его лице появилось выражение, похожее на замешательство, однако оно тотчас исчезло, и, как нечто само собой разумеющееся, он сказал:

— Если документы могут находиться в «Логове Дракона», то я считаю, что будет вполне разумной идеей, если мы посмотрим там.

Он повернулся, словно собирался прямо сейчас отправиться в путь.

А что, если?..

Это был не тот тип вопросов, которые я задавала себе до сих пор.

А что, если я была права?

В этот момент для меня речь шла скорее не о Люке, а прежде всего о том, чтобы снова вернуть себе уверенность в своих собст-

венных силах. Если выяснится, что мои воспоминания верны, я смогу доверять самой себе гораздо больше, чем это имело место до сих пор.

Будет вполне разумной идеей, если мы посмотрим там.

В этой мысли содержалось что-то пугающее, и одновременно я чувствовала, что в этом нет ничего невозможного, так как в настоящее время все казалось возможным. И если у меня и были еще некоторые сомнения, то они исчезли, поскольку мне нужно было принять решение, так как в этот момент дорогу осветили фары автомобиля. Прежде чем машина свернула к нашей усадьбе, я уже знала, что это может быть только Лиз.

Я поспешно сделала знак Люку.

— Обойди дом слева и иди через парк. Оттуда ты попадешь на Коув Роуд и вернешься к себе домой, — прошептала я, не узнавая саму себя в этой заговорщице. — Через час встречаемся у подземного гаража Медицинского центра Уэстмилл.

Люк со всех ног бросился прочь, и мгновение спустя его высокая фигура слилась с тенью гаража. У меня еще было время тихонько прикрыть за собой дверь и вернуться в кабинет.

Я ждала, но Лиз все не входила в дом. Прошло еще несколько минут, пока я, нако-

нец, услышала ее голос снаружи на лестнице. Она кому-то звонила и была явно взволнована.

— Ее нет дома, и я не знаю, где мне ее искать. Это надо немедленно прекратить. Ведь я положились на Джоша.

Шла ли речь обо мне? Что имела в виду Лиз, когда сказала, что положились на Джоша? Охотнее всего я бы прервала ее и крикнула: «Я самостоятельный человек. Я существую, я живу и тогда, когда вы не следите за мной!»

Дверь закрылась. Лиз стояла, повернувшись ко мне спиной, и казалась такой хрупкой в туфлях на высоких каблуках и в своем облегающем платье, которое подчеркивало, какой стройной она была.

Я откашлялась. Когда Лиз повернулась ко мне лицом, у нее были такие испуганные глаза, что мне показалось, что в любой момент она может опрокинуться навзничь в своих черных лодочках.

— Я не хотела тебя испугать, — сказала я, хотя именно этого и добивалась.

— Боже мой, Фэй, что ты здесь делаешь?

— Ставень на кухне выскочил из крепления, и я снова закрепила его.

— Я тебе звонила, но ты не подошла к телефону.

— Мой мобильник лежит дома на кухне.

Лиз опустила глаза, осмотрела мои ноги, на которых были только носки, и мне вдруг

показалось, что у нее действительно камень свалился с души.

— Я видела таблетки у вас на кухне, а тебя нигде не было. Я беспокоилась. Ты обязана всегда говорить мне, где находишься. Иначе я сойду с ума от страха.

Обязана ли я? Неужели я обязана всегда говорить ей, где нахожусь?

— И ты не должна никогда, слышишь, никогда принимать таблетки в течение дня, предварительно не посоветовавшись со мной.

— Я ничего не принимала.

Неужели Лиз не доверяла мне? Во всяком случае, она долго не спускала с меня глаз, однако не стала расспрашивать.

— Ах, Фэй, — сказала она вместо этого, — мне бы тоже хотелось, чтобы все это не случилось и тебе не пришлось бы пережить такое потрясение.

Я ничего не сказала на это.

Лиз сняла пальто, открыла дверцу шкафа и повесила пальто на вешалку. Потом она положила свою сумочку на верхнюю полку и сменила черные лодочки на красные ба-летки, которые носила дома.

— Ты собираешься куда-нибудь пойти сегодня вечером? — спросила я.

— Нет, день был напряженный. Да и уже поздно, половина девятого. Я приму ванну и лягу пораньше спать. Кстати, и тебе тоже стоит поступить так же.

— Так и сделаю, — сказала я, а когда входная дверь за моей спиной захлопнулась, я на мгновение задержалась на крыльце и сделала глубокий вдох.

Через час у подземного гаража Медицинского центра Уэстмилл.

Лиз права. Им следовало беспокоиться обо мне. Даже очень беспокоиться. Поскольку, как и Джинджер, я больше не собиралась придерживаться общепринятых правил.

Глава 19

Я не сразу вернулась к себе домой, а, стоя на улице, беспокойно поглядывала вверх на окно ванной комнаты Лиз, которая находилась над верандой. Но окно оставалось темным. Возможно, Лиз решила не принимать ванну и собиралась следующие два часа провести вниз, на первом этаже... С бешено бьющимся сердцем я пошла к себе домой и, не зажигая света, уселась у окна в папином кабинете. Я сидела так несколько минут и смотрела на старинный особняк поместья Элмвуд, который неожиданно показался мне совершенно чужим и отвратительным.

Неужели я действительно собиралась злоупотребить доверием Лиз и взять ее связку ключей, чтобы помочь чужаку? А в Блюхэвене чужаком считался даже человек, проживший здесь лет двадцать.

Но одновременно я была уверена, что сделаю это. Я сделаю это в первую очередь

не ради Люка, а потому, что мне самой нужна была цель, чтобы не потерять саму себя.

И я снова осознала, как много изменений произошло за последнее время. Раньше мое свободное время всегда было заполнено общением с Эми, с Джошем, с Кэйлбом и Джинджер. Однако теперь, кажется, я осталась один на один со своими вопросами. Наша встреча, которая была так важна для Эми; ее пропавшие записные книжки; сообщение, поступившее с ее мобильного в ночь после ее смерти, — я отчаянно нуждалась в ответах.

Может быть, мне удастся найти ответы, по меньшей мере, для Люка.

Прошло еще около пятнадцати минут, пока в ванной не загорелся свет. Я заперла Оза на кухне, чтобы он не увязался за мной.

Когда я ступила на первую ступеньку лестницы, свет в ванной Лиз снова потух, и одновременно сработал датчик движения. Я вздрогнула. Не было причин предполагать, что Лиз что-то заподозрит и выйдет на крыльцо, так как с наступлением темноты здесь часто бродили чужие кошки, а иногда забредал даже скунс или голодный енот.

Тем не менее на всякий случай я прижалась к стене дома и выглянула из-за угла. Через открытую дверь веранды я могла видеть Лиз в ее голубом купальном халате. Она разговаривала по телефону, точнее,

слушала кого-то, у кого, очевидно, были не очень хорошие новости. Во всяком случае, Лиз снова и снова проводила левой рукой по своим коротким волосам, что она обычно делала, когда нервничала и была напряжена.

— Нет, пожалуйста, не предпринимай ничего, пока мы не узнаем подробности, но я позабочусь об этом, — донеслось до меня. — Мы поговорим об этом завтра.

Я вернулась к входной двери, села на порог и обхватила руками свои колени. Мне было холодно в моем тонком джемпере, который продувался ветром насквозь, и я уже подумывала, не вернуться ли мне к себе домой, когда услышала стук балеток Лиз на каменном полу в коридоре, а потом и ее шаги, когда она поднималась по лестнице.

Я подползла на коленях к краю веранды, заглянула через козырек над входными дверями наверх и успокоилась, когда в ванной снова загорелся свет, но одновременно с этим на душе у меня стало тревожно. Потом Лиз опустила жалюзи, и теперь я могла видеть только ее силуэт. Если Лиз ложилась в ванну, то так быстро она не вылезала из нее. Это было то небольшое, на что я, по всей видимости, еще могла положиться. Когда Лиз принимала ванну, обычно это продолжалось целую вечность.

Ключ тихонько щелкнул в замке, и дверь открылась. На нижнем этаже повсюду го-

рел свет. Мой взгляд скользнул к комоду, и я замерла. Обычно как только Лиз возвращалась домой, то сразу клала связку ключей в серебряную чашу, стоявшую на серванте. А когда она уходила, то забирала ключи из этой чаши. Но сейчас чаша была пуста.

Я услышала на верхнем этаже ее шаги. Вот Лиз прошла в спальню. Снова вернулась назад. Дверь в ванную комнату опять закрылась.

Может быть, Лиз взяла ключи с собой на кухню? Я проскользнула в приоткрытую дверь кухни... Нет!

Было слышно, как в ванну наливается вода.

Снова шаги. Стук дверцы шкафчика.

Вернувшись в прихожую, я открыла стеной шкаф. Мне в нос сразу же ударил затхлый запах одежды, которую долго не носили. И здесь все еще висело зимнее пальто моего деда, а на полке для обуви стояли его кожаные туфли.

Я до такой степени разволновалась, что на секунду мне показалось, что я снова вернулась в прошлое. Перед моим внутренним взором возник образ деда, каким он был перед своей смертью, когда покидал дом только для того, чтобы сходить в церковь.

Какая же сумочка была у Лиз в руках, когда она вернулась домой? Я попыталась вспомнить, но мне ничего не приходило

в голову. Мой взгляд упал на полку с обувью. Я вспомнила о еще одной привычке своей тети: сумочка всегда должна подходить к туфлям.

Моя рука скользнула по ряду туфель и остановилась на черных лодочках. Они были холодные на ощупь, а к подошве прилипли мелкие камушки и красный лист клена — и тут я вспомнила, какая сумочка висела на плече у Лиз, когда она застала меня врасплох.

Я схватила черную кожаную сумочку с большой пряжкой и сунула руку внутрь. Связка ключей оказалась действительно здесь.

Громкий бой напольных часов в гостиной снова вернул меня к действительности.

Это был мой первый большой обман. Все прежние проделки были безобидными. Да, конечно, я почистила зубы. Нет, я не выбрасывала в мусорное ведро приготовленное Лиз овощное ризотто, серую, кашеобразную массу, а все съела. И нет, ночью я не бегала сломя голову по улицам Блюхэвена, а крепко спала в своей постели.

Мне показалось, что сверху снова донесся какой-то шум. Я прислушалась, но это был только ветер, который бушевал на улице, и... музыка. Когда Лиз лежала в ванной, она любила слушать классическую музыку.

В этом было что-то успокаивающее.

В ту же секунду я схватила связку ключей и крепко зажала ее в кулаке, чтобы ключи не звенели. Потом я внимательно осмотрела каждый ключ: от входной двери, от машины, от почтового ящика. Ключи от нашего дома, от ее кабинета, от подземного гаража в Медицинском центре Уэстмилл. Потом еще три ключа, предназначение которых я точно не знала. И, конечно, карточка доступа, с помощью которой можно было попасть в любое помещение Медицинского центра Уэстмилл.

Я сунула тяжелую связку ключей и карточку доступа в карман своих брюк и поставила сумочку назад. Потом я осторожно закрыла дверцу стенного шкафа. Сделав два шага, я оказалась у входной двери и приоткрыла ее лишь настолько, чтобы только проскользнуть в образовавшуюся щель.

Свет из ванной падал на козырек над входной дверью. Я не могла увидеть, вышла ли Лиз снова из ванной или, возможно, стояла у окна ванной комнаты и смотрела вниз в сад. Может быть, она услышала шум и сейчас спускалась по лестнице вниз?

Мои спортивные тапочки не производили никакого шума, когда я спускалась по трем ступенькам вниз, чтобы ступить на мягкий, коротко подстриженный газон, который был на ощупь как вата и гасил любой шум.

Как могло небо, в котором облака налетали друг на друга и неслись наперегонки,

не оставлять следов, не оказывать никакого воздействия на душу? Сейчас я уже не задавалась больше вопросом, что я делала. Ураган нес меня вперед. Только тогда, когда я стояла в нашем коридоре и Оз терся о мои ноги, я заметила, как дрожали мои колени. Я прошла на кухню и села на один из высоких табуретов. Прошло еще несколько минут, пока мое сердце перестало колотиться как сумасшедшее, но теперь мне казалось, что оно стало тяжелым, словно свинцовым. Я совершила нечто тайное, нечто строго запрещенное. Лиз доверяла мне, и впервые в жизни я нарушила это негласное соглашение.

Папа часто говорил, что людям свойственно совершать ошибки. И неожиданно причина этого оказалась очевидной: иногда у тебя просто нет альтернативы.

Когда часы, наконец, показали половину десятого, я надела толстый пуловер, а поверх него дождевик и вышла из дома. У Лиз свет горел только в прихожей, из чего я сделала вывод, что она сидела в гостиной, окна которой выходили в сад. Связка ключей буквально жгла меня сквозь карман. Мне надо было вернуться домой раньше отца и снова незаметно положить ключи в сумочку Лиз.

Мне пришла в голову мысль, что Лиз могла заметить, что не положила ключи, как обычно, в серебряную чашу. Тогда она

будет их искать. Как и я, она тоже начнет раздумывать: остались ли ключи на кухне или она просто бросила их назад в сумочку? Возможно, даже хорошо, что я забрала всю связку ключей. Она может подумать, что где-нибудь забыла их или потеряла.

Нет, нет, нет, этого не случится.

Лиз приехала на своей машине. Если она заметит отсутствие ключей, то сразу подумает на меня. Однако, если я возьму ее машину, то придумаю какую-нибудь историю. Например, якобы я захотела поехать к Джошу и, конечно, сначала постучала в дверь ванной комнаты, но она меня не услышала... из-за музыки, которую, как всегда, слушала, принимая ванну.

Мне казалось, что я попала в кильватерную струю, которая просто увлекала меня за собой. Это не могла быть я, которая придумала такое, не говоря уже о том, чтобы действительно сесть в машину Лиз, запустить двигатель и с выключенными огнями выехать задним ходом на дорогу. По собственному опыту я знала, что мотор ее машины работал очень тихо, так как часто даже я не слышала, как она приезжала домой, тогда как «Форд» отца ревел на всю Хай-стрит. По крайней мере, так утверждал Кэйлеб, который жил всего лишь в нескольких домах от нас.

Я поехала по дороге, которая вела по Стейт-стрит. Здесь я встретила Эми, в ночь

после аварии. Повсюду с деревьев падали листья. Они бились о ветровое стекло, прилипали к нему или застревали под дворниками. Я натянула на голову капюшон куртки, так как испугалась, что кто-нибудь узнает меня. При этом лежавшая передо мной улица была абсолютно пуста. Однако за каждым уличным фонарем, раскачивающимся от ветра, за каждым деревом и за каждым кустом мне чудилась Эми.

То, что я сейчас здесь делала, было просто невообразимо. Почему я не могла собраться и заняться своим будущим? Школа. Колледж. Изучение медицины. Карьера врача, как у Лиз.

Где-то там, вверху, за облаками, в ночном небе раздался гул невидимого самолета. Этот звук наполнил меня тоской.

А если бы я сидела в нем?

Если бы я могла просто улететь отсюда?

Сейчас, когда Эми умерла, а дружбу с Джинджер и Кэйлебом, вероятно, уже никогда не удастся восстановить, мне было бы нетрудно уехать из Блюхэвена.

А как же Джош? Джош всегда был неотъемлемой частью моих планов на будущее. Я не боялась учебы в Гарварде. Так как Джош тоже будет учиться в Бостоне, и однажды, с дипломами, мы вернемся в Блюхэвен и будем управлять этим городом.

Красивая мечта о благополучном мире.

Такая же красивая, каким было прошедшее лето. Однако тем временем все это казалось уже нереальным.

Звонок мобильного отвлек меня от моих мыслей. Был ли это отец, заметивший мое отсутствие? Или Лиз, искавшая свои ключи? Или Люк, который передумал встречаться со мной? Нет, он бы так не поступил. Он ждет меня в темноте перед воротами подземного гаража Медицинского центра Уэстмилл. В этом я была уверена.

Прошла целая вечность, пока я окоченевшими пальцами расстегнула молнию куртки и достала свой мобильник. Однако одного взгляда на дисплей было достаточно, чтобы отказаться от намерения не отвечать на звонок.

Это оказался Джош.

Мой Джош. Как будто это я сама вызвала его силой своих мыслей. В ту же самую секунду все было забыто. Наша ссора, его странное поведение перед кабинетом физики, его ревность к Люку. Волнуясь, я провела пальцем по дисплею.

Джош громко дышал, но ничего не говорил.

— Где ты сейчас? — спросила я.

— Перед спортзалом.

— Мне подойти к тебе?

Возможно, это был ветер, унесший его слова, во всяком случае, я не услышала ответа.

— Джош? Ты еще там?

— Да.

— Все в порядке? Что-то случилось с Джинджер? Это... из-за меня?

— Нет, я... — было слышно, как вокруг него шумели деревья, и я лишь с трудом разобрала следующие слова. — Фэй, мы увидимся завтра вечером.

— Джош, что ты такое говоришь? А как же школа?

— Я поэтому и звоню. Завтра я не приду в школу. Я еду в Бостон. Ты же знаешь, что отец договорился о встрече с одним из научных руководителей в Гарварде.

Снова наступила эта странная тишина, прерываемая лишь свистом ветра и металлическим дребезжанием, как будто ветер перекатывал по асфальту пустую алюминиевую банку.

— Джош, ты еще там?

— Я люблю тебя, — сказал он неожиданно дрогнувшим голосом.

Я ответила, ни секунды не колеблясь, все сомнения как ветром сдуло.

— Я тоже люблю тебя.

— Спи спокойно, Фей. По крайней мере, постарайся. Ради меня.

Я озадаченно уставилась на мобильник.

Я не могла поверить, что это только что произошло.

Что Джош просто так закончил разговор.

Глава 20

Звонок Джоша испугал меня. Разумеется, это был мой Джош, его голос звучал точно так же, как и раньше, но в его поведении появилось что-то незнакомое, какая-то скрытность, нечто такое, что исключало меня. Я чувствовала, что он все еще любит меня, я поняла это по тону голоса, но его явно что-то беспокоило, и это отдаляло его от меня.

Я вспомнила об обеде у его бабушки, о нашем последующем разговоре, и это навело меня на невеселые размышления. Что, если не наша воскресная ссора явилась причиной его странного поведения, а его первая встреча с «Клубом понеделника»? Да, он не имел права говорить о делах, которые там обсуждались, но он ни словом и не обмолвился об этом. Он даже не сказал, действительно ли он был там. И это выглядело странно.

Порыв ветра с силой ударил по ветро-

вому стеклу, и я испугалась, что он вырвет стеклоочистители из креплений... Эта ночь была даже более жуткой, чем все истории Эми о привидениях.

Я поехала по узкой дороге, которая проходила вдоль старого кирпичного здания и вела к дальней части земельного участка, который занимал Медицинский центр Уэстмилл.

Когда я повернула налево, то заметила Люка. Защищаясь от ветра, он натянул на голову капюшон и стоял, прислонившись к фонарному столбу перед въездом в подземный гараж. На фоне почти полной луны резко выделялся его характерный, привлекательный профиль. Услышав шум приближающегося автомобиля, он повернулся ко мне спиной и пошел по дороге, как будто останавливался лишь на минутку, чтобы закурить сигарету.

Стекло «Лексуса» опустилось почти беззвучно. Я высунула голову в окно и негромко позвала:

— Люк, это я.

Не останавливаясь, он повернул голову и прикрыл глаза ладонью, так как свет фар моей машины ослепил его. Кажется, он узнал меня только тогда, когда я вышла из машины и захлопнула дверцу.

Я помахала ему рукой.

— Это я, Фэй.

Он подошел ко мне. Когда он уже собирался открыть дверцу машины, я покачала головой:

— Будет лучше, если ты не сядешь в машину, а пойдешь за ней. И пригнись. Здесь стоят камеры видеонаблюдения. Если охранник увидит машину, то подумает, что это Лиз.

Он сразу все понял и кивнул. Я села в машину и в зеркало заднего вида наблюдала за тем, как его голова появилась из-за багажника.

Я отпустила тормоз, «Лексус» плавно подкатил к шлагбауму, и я вставила карту доступа в предназначенную для этого щель. Всего лишь секунду спустя стальная решетка, тихо позвякивая, поднялась вверх, и я съехала вниз, в ту часть клиники, которую мы с Эми называли «катакомбами». Здесь, внизу, в старых подвалах бумажной фабрики, наряду с подземным гаражом размещались радиология, технические помещения, лаборатория и архив.

Я уже сотни раз заезжала в этот подземный гараж вместе с Лиз, несколько раз она доверяла мне даже свою карту доступа, когда я должна была что-то забрать для нее из Медицинского центра, но сегодня я чувствовала себя здесь как воришка. Но что-то влекло меня дальше, и я никому не смогла бы объяснить, что именно это было. Воз-

можно, это было желание что-то сделать, добиться ясности после всех необъяснимых событий последних дней. Я хотела помочь Люку собрать воспоминания о его отце, которых у него было так же мало, как и у меня о моей матери.

Я посмотрела в зеркало заднего вида, но нигде не смогла обнаружить Люка. Только когда я поставила машину Лиз на ее парковочное место рядом с лифтами, он появился. Люк держался поближе к стене, и, когда наши взгляды встретились, он показал вверх, где вращалась камера видеонаблюдения, похожая на голову гигантского насекомого.

Я вылезла из машины, и Люк спросил:

— Неужто ты действительно украла ключи и машину у своей тети?

— Я сама не могу в это поверить...

Я огляделась вокруг. Кроме кареты «Скорой помощи», в которой умерла Эми, я обнаружила машину охранной фирмы.

Я испуганно обернулась, когда находившаяся у нас за спиной решетка с грохотом опустилась. Через несколько секунд свет погас, и мы оказались в полной темноте. В это ночное время подземный гараж действительно напоминал катакомбы, к тому же здесь воняло бензином и выхлопными газами.

— Сюда, — сказала я.

Мы стояли непосредственно перед дверью в старую башню, которая соединяла новую

пристройку из стекла и бетона со старым зданием и в которой находилась лестничная клетка. Дорога по этим коридорам была мне хорошо знакома. Прошло немного времени, и мы уже стояли перед табличкой, на которой крупными буквами было написано «АРХИВ».

— Это здесь, да? — спросил Люк и остановился.

— Нет, не здесь, — пояснила я. — Подожди, мне надо подумать.

Я закрыла глаза и попыталась вызвать ту картину, которая до этого всплывала у меня в памяти.

Я увидела палец, ноготь которого был покрыт красным лаком, этот палец был прижат ко рту, который заговорщически улыбался и шептал: *Это тайное помещение, Фэй.*

Существовало так много вещей, которые мне, как ребенку, казались само собой разумеющимися. Даже если я и не могла их себе объяснить, то просто воспринимала как есть, откладывала в самый дальний уголок своей памяти под названием «Жил-был» и больше о них не думала. Однако перед этим, когда я стояла с Люком у двери, а ветер завывал между деревьями, как будто в отчаянии искал путь к открытому морю, она вновь пришла мне на ум, картина, которая была связана с этой фразой.

Это тайное помещение, Фэй, слышишь,

нечто подобное подземелью средневекового замка.

Здесь, внизу, в старых подвалах бывшей бумажной фабрики находилось это помещение, которое Лиз заговорщически называла «Логово Дракона». Оно было такое темное и холодное, что тогда мне хотелось как можно быстрее уйти отсюда. После того как я вспомнила это, мне на ум начали одна за другой приходить и остальные детали.

Я даже услышала свой детский голосок.
Мне холодно. Мы можем уйти отсюда?

И ответ Лиз: *Сейчас, моя медовая девочка.*

Медовая девочка.

Так Лиз всегда называла меня раньше, и это я тоже забыла.

Видишь, вот ключ к нему, драконий ключ. Только тот, у кого есть этот ключ, сможет открыть Логово Дракона.

Как фея?

Да. Тогда Лиз громко рассмеялась. *Поэтому и тебя зовут Фэй, потому что ты моя фея.*

И папина тоже.

Да.

Я помню, что тогда мне понравилось обладать секретным ключом и как я, сгорая от любопытства, вошла в помещение, в котором когда-то... или все еще... жил дракон. Однако тем большим было мое разочарова-

ние. Помещение оказалось темным, мрачным и полным старых бумаг и документов. Возможно, именно это явилось причиной того, почему я захотела немедленно уйти оттуда, и, в конце концов, совсем забыла о нем.

Мне сразу стало ясно, какой именно ключ из связки Лиз я должна была выбрать. *«Зубы Дракона»*, — мелькнуло у меня в голове, и я почувствовала, что улыбаюсь.

— Фэй? — голос Люка едва доходил до меня. — С тобой все в порядке? Где же это таинственное... *«Логово Дракона»*?

Старые кирпичные подвалы бумажной фабрики, построенные еще во времена до Гражданской войны, служили в свое время укрытием для беглых рабов. Эти подвалы были позднее реставрированы, чтобы, как всеми постоянно подчеркивалось, отдать должное этой славной странице истории Блюхэвена.

«Логово Дракона», какую бы функцию это помещение сегодня ни выполняло, должно было находиться за кирпичной стеной, к которой снаружи в свое время было пристроено мельничное колесо.

Я повернулась вокруг своей оси, прищурилась, мой взгляд скользнул вдоль коридора.

Воспоминание... оно было таким ясным, таким четким. Просто я физически ощуща-

ла его. Я двинулась по коридору, постепенно ускоряя шаг.

— Нам надо идти по коридору, который поворачивает направо.

Моя способность ориентироваться не подвела меня и на этот раз. Длинный коридор привел нас к одной-единственной двери, которая была совершенно неприметной. На ней не было никакой таблички, по которой можно было бы определить, какой цели служило помещение, находившееся за этой дверью.

— Это здесь.

Люк последовал за мной и сейчас стоял у меня за спиной.

— Ты уверена?

— Уверена настолько, насколько может быть уверен человек, все еще верящий в драконов.

Ключ без проблем повернулся в замочной скважине, автоматически загорелся свет, и слышалось тихое жужжание.

Кондиционер.

— Ух ты, — вырвалось у Люка.

— Да, ух ты, — подтвердила я и ради предосторожности заперла за нами дверь.

Я заметила картонные коробки на заполненных до отказа полках, стоявших в несколько рядов и возвышавшихся от пола и до самого потолка. Запах старой бумаги, напоминающий атмосферу, существующую

вокруг старых книг, и... магию, окутал меня, прямо-таки одурманил.

Что это такое? — нетерпеливо и разочарованно спросила я, будучи ребенком, так как ожидала увидеть нечто совсем другое.

Все находящееся здесь — это знания, накопленные твоим дедушкой за всю свою жизнь, — ответила Лиз, не скрывая своей гордости.

А почему он спрятал их здесь? — спросила я.

Лиз... тогда она наклонилась ко мне. И я снова ощутила запах духов, более свежих, чем те, которыми она пользуется сейчас.

Потому что встречаются люди, которые крадут мысли, — ответила Лиз.

Сейчас, в этот момент, у меня по спине побежали мурашки. А тогда?

Я уже не помнила, что почувствовала тогда, но, возможно, именно эта фраза явилась причиной того, что я испытала страх перед этим помещением и захотела как можно быстрее снова покинуть его.

— *Что это такое?* — Люк снова вернул меня к действительности, задав точно такой же вопрос, какой задала я, будучи совсем маленьким ребенком.

Я сделала глубокий вдох.

— Это архив моего дедушки. Ты должен знать, что он был не просто врачом. Раньше

он занимал должность профессора в Гарвардской Медицинской школе, а потом вернулся в Блюхэвен, чтобы основать здесь Медицинский центр Уэстмилл и иметь больше времени для своих исследований.

— Видимо, он был умнейшим человеком, — негромко заметил Люк, окинув взглядом картонные коробки, теснившиеся на полках.

— Да, именно таким он и был.

— И ты думаешь, что мы найдем здесь что-нибудь о моем отце?

— Я знаю только одно: Лиз еще не выбросила ни одной вещи, которая принадлежала моему деду. Он был семейным доктором семьи Уильяма Фуллера. Если и существуют медицинские карты и другие документы, касающиеся твоего отца или его семьи, то их можно найти только здесь.

Люк прошелся вдоль полок, вынимая время от времени ту или иную коробку.

— Я не понимаю, как расположены хранящиеся здесь документы. Они систематизированы не по фамилиям.

Я вытащила с полки первую попавшуюся картонную коробку. На ней имелась надпись, состоявшая из сокращений и последовательности цифр, значение которой в первый момент было мне непонятно. Я вынула из коробки пачку бумаг, перетянутую резинкой. На верхней картонной обложке была напи-

сана фамилия: Остин, — возможно, это был родственник Мисси? Я сняла резинку и раскрыла папку. Поднялось целое облако пыли, заставившее меня закашляться. Я смахнула высохшего жучка, который, очевидно, еще несколько десятилетий тому назад нашел свою могилу между этих старых бумаг.

Мистер Остин умер от глиомы, то есть опухоли мозга, и я сразу подумала, не передавалось ли это по наследству. Я захлопнула папку и взяла следующую. Некая миссис... фамилию я так и не смогла разобрать... она умерла еще в 1950 году. И тоже от опухоли мозга. Я перелистала бумаги и узнала подпись моего деда.

Я бросила взгляд на Люка и увидела, как он без разбора открывал и снова закрывал отдельные коробки.

— Они расставлены по диагнозу, — пояснила я ему, положила документы на место и поставила коробку назад на полку.

— По диагнозу? Разве в этом есть какой-то смысл?

— Если речь идет о материалах для научной работы, то да.

— Но проблема заключается в том, что мы не знаем диагноз. Черт возьми, ведь я не знаю, чем болел мой отец.

Неожиданно на лице Люка появилось выражение крайнего разочарования и покорности судьбе — казалось, что он утратил что-то от своей внутренней силы. Возмож-

но, это произошло потому, что в этот момент на поверхность всплыли все вопросы, которые он когда-либо задавал себе.

Я осмотрелась вокруг. Все в этом помещении было так, как сохранилось в моей памяти с тех давних времен, и все-таки как-то иначе. Как и тогда, оно было неуютным и холодным, а свет был таким ярким, что у меня заболели глаза. Я ожидала, что мы утонем в облаках пыли, но здесь, внизу, оказалось на удивление чисто. Постепенно до меня дошло, что было тому причиной. Здесь имелся не только кондиционер, но и фильтр для улавливания пыли. По-видимому, документы моего деда действительно были важными, если руководство Медицинского центра пошло на такие затраты.

Теперь мое любопытство оказалось сильнее, чем сомнения Люка.

Я действовала, не задумываясь. Я без разбора вытаскивала картонные коробки и снова ставила их назад на полки. И тут меня осенило, словно удар молнии.

— Мы не знаем диагноз твоего отца, но зато нам известен диагноз твоей тети! Говорят, что она болела эпилепсией, — взволнованно сказала я.

Люк удивленно посмотрел на меня.

— Ты мне об этом не говорила.

Отыскать коробку с этикеткой «*Эпилепсия*» оказалось легко сверху, и она казалась

такой чистой, как будто к ней никто никогда не прикасался.

Фуллер, Зоэ.

16 сентября 1979—19 сентября 1995.

Ей было всего лишь шестнадцать лет, когда она умерла. Столько же, сколько и мне сейчас. И с момента ее смерти прошло почти ровно двадцать лет.

Помогите. Меня держат взаперти

Следы царапин на изголовье кровати вверху, в мансарде дома Фуллера. Записка в старом, истлевшем стеганом одеяле. Я не рассказала Люку об этом, как и о том, что его бабушка и дедушка по религиозным причинам прервали лечение его тети Зоэ. Но когда-нибудь мне придется это сделать.

Вскоре мы с ним сидели на полу, обложившись бумагами. Толстая пачка пожелтевших листов, которые тихонько похрустывали, когда мы к ним прикасались. Большей частью они были сброшюрованы, по двадцать, тридцать листов, а то и больше. Не проронив ни слова, мы перелистывали их. Анамнез, группа крови, аллергии. Рентгеновские снимки, медикаменты и целая папка со скромным названием «Семья». Я передала ее Люку.

— Возможно, здесь ты найдешь что-нибудь о своем отце.

Он раскрыл папку, и в течение нескольких секунд царила тишина. Потом он протянул мне первый лист.

Свидетельство о смерти, выданное на имя Грегга Фуллера, умершего 7 декабря 1994 года. Причина смерти: эмболия легочной артерии.

Следующий лист снова оказался свидетельством о смерти: Маргрет Фуллер, умерла 24 января 1996 года. Причина смерти: избыточная доза медикаментов.

И, наконец, Уильям Фуллер.

— Очевидно, на него действительно были заведены соответствующие медицинские документы, — заметила я и пробежала глазами листок. — И они были сохранены в архиве.

Прошли секунды, минуты, пока до меня дошло: здесь не было никакого указания на то, когда и где он умер. И от чего. Только бумага с диагнозом, которая подтверждала перевод в клинику и ставила под сомнение все выдвинутые ранее заявления: *параноидальная шизофрения*. Это была причина того, почему Уильям Фуллер так внезапно исчез из Блюхэвена. И, возможно, этот диагноз являлся ответом на то, почему никто не говорил об этом. Он сошел с ума. Видел вещи, которых не было в природе. Слышал голоса.

Люк захлопнул папку, встал с пола и отряхнул брюки от пыли. Он нарочито медленно прошелся вдоль полок, но в каждом

его движении я чувствовала беспокойство и напряжение. Как бы случайно он ударил ногой по металлической полке, и она громко задребезжала. Проходя мимо полки, он барабанил пальцами по коробкам, как будто ему было все равно, какую из них открыть. Потом он остановился, посмотрел на меня, и я быстро отвела глаза в сторону. На его лице я прочла испуг, который он пытался скрыть.

Без единого слова я сложила бумаги Зоэ Фуллер и связала их резинкой. По всей видимости, в этой коробке лежали только документы, которые касались ее болезни. Бесчисленные результаты обследований, последний результат от 5 января 1995 года. Отец Зоэ, дед Люка, умер за месяц до этого. Очевидно, после этого ее мать решила прервать курс лечения. Возможно, именно в это время была написана записка с мольбой о помощи, которую Зоэ зашила в одеяло; возможно, ее мать действительно заперла ее, и в приступе отчаяния Зоэ ногтями расцарапала изголовье своей кровати.

От этих мыслей мне стало дурно. Я накрыла крышкой коробку и поставила ее на свое место. Эми была права, когда утверждала, что история каждого человека достойна того, чтобы быть рассказанной. Зоэ было столько же, сколько и мне.

Я услышала у себя за спиной тихий ше-

лест. Повернув голову, я увидела, как Люк, стоя на коленях на полу, укладывал обратно в коробку толстую пачку бумаг.

— Что ты нашел? — спросила я.

Он встал.

— Мне с самого начала было ясно, что моя мать обманывала меня относительно того, что касалось моего отца. Но только теперь я понимаю ее.

— Очевидно, нас всех обманывали, — заметила я. — Ты не единственный.

Он возвратился ко мне и остановился прямо передо мной.

— Теперь у нас есть что-то общее.

Мы посмотрели друг другу в глаза, и в его синих глазах на мгновение появилась не ирония или легкая насмешка, а нечто другое, нечто похожее на единение и согласие.

Потом он поднял голову и прислушался.

— В чем дело? — спросила я, но Люк лишь приложил указательный палец к губам, покачал головой и показал на дверь.

— Выключи свет, — прошептал он.

— Он включается и выключается автоматически, — ответила я.

Во всяком случае, я нигде не заметила выключателя.

В следующий момент Люк потянул меня за собой в самый дальний угол, где соприкасались две полки, а коробки стояли так плотно, что за ними нас было не видно.

Я услышала позвякивание ключей, затем дверь бесшумно открылась. Одна из полок у самого входа задребезжала. Послышались шаги и бормотание, но я не смогла бы сказать, кто это был: мужчина или женщина. Было слышно, что посетитель снял с полки коробку. Сразу после этого дверь снова закрылась, и ее заперли снаружи.

Я даже не слышала, чтобы Люк дышал, хотя он стоял вплотную позади меня, а его рука касалась моего плеча.

Только сейчас я наконец поняла, что Эми имела в виду, говоря об ауре. «Аура, — прочла она однажды вслух из своей записной книжки, — *это такая невидимая оболочка, которая окружает каждого человека, но очень редко открывается для кого-то другого*». В этот момент я действительно почувствовала, что наши оболочки стали взаимно проницаемыми. Неожиданно я ощутила себя ближе к Люку, чем к Джошу, и эта мысль вселила в меня страх. Я сделала шаг назад, чтобы отодвинуться от него, и попыталась внушить себе, что нас ничто не связывало.

— Пойдем, — тихо сказал он. — Нам надо убираться отсюда, пока нас не поймали.

Он еще раз осмотрелся, подошел к двери, остановился и выжидающе посмотрел на меня.

В поисках ключа я сунула руку в левый карман брюк. Он оказался пуст, точно так же, как и правый.

— Ключи, — сказала я, чувствуя, как меня охватывает паника. — Они только что были у меня в руке.

— Они не могут никуда пропасть, — возразил Люк и насмешливо добавил: — Ведь в архиве ничего не теряется.

По крайней мере, хорошо, что к нему вернулось чувство юмора. Но я в панике бросилась назад к полкам.

Может быть, я их куда-нибудь положила? Или они выпали у меня из кармана? А вдруг незнакомец или незнакомка видели их? Или вообще забрали с собой?

Я прошла к полке, где мы обнаружили коробку с надписью «*Эпилепсия*». Все выглядело так, как и до нашего появления здесь.

Я слышала, что у меня за спиной Люк тоже приступил к поискам ключей.

Я перешла к следующей полке, снова ничего. Я нервно огляделась вокруг. Куда же я положила связку ключей Лиз? Я никак не могла вспомнить.

Я снова вернулась к двери, повернулась, и, когда заглянула в проход между полками, что-то серебристое блеснуло на самой первой полке. Связка ключей лежала на коробке, которая выглядела точно так, как и все остальные. Я схватила ключи, поправила

коробку, а когда убирала руку, мой взгляд упал на надпись «*Инсомния*».

Какая странная случайность, что я положила ключи именно сюда. Или, возможно, это было нечто другое. Что-то типа перста судьбы, нечто такое, что выплыло на поверхность из тайных глубин моего подсознания. Стало ли у меня спокойнее на душе от того, что встречались и другие случаи бессонницы? Нет.

Тем не менее желание открыть коробку и заглянуть в хранящиеся там документы, было непреодолимым. Однако здесь и сейчас речь шла не обо мне, а о Люке и Уильяме Фуллере. А теперь, когда я знала, где притаился Дракон, мой Дракон, я могла в любое время снова вернуться сюда.

— Люк? — тихо позвала я.

Однако он не отзывался, и я не слышала, чтобы он был где-то поблизости. Я занервничала и задрожала всем телом.

— Люк, где ты?

Я побежала между полками в самый дальний угол архива и там едва не столкнулась с ним.

— Где ты был? Нам надо поскорее убираться отсюда, я хочу вернуться домой, прежде чем мой отец заметит, что я уезжала.

— Все в порядке, я лишь еще раз проверил, не оставили ли мы следов после себя.

Глава 21

Я видела себя стоящей наверху на лестничной клетке особняка поместья Ланкастеров. Музыканты заняли свои места в ярко освещенном зале и сейчас настраивали свои инструменты. Отдельные звуки не складывались в мелодию, а лишь громким эхом отдавались у меня в ушах.

Джош ждет тебя, прошептала Эми мне прямо в ухо.

Я посмотрела через перила вниз. Внизу, под лестницей, собрались около двухсот гостей. Джинджер стояла рядом с Кэйлебом в коротком платье из натурального шелка с открытыми плечами, ее дреды уступили место сложной высокой прическе. Она подняла свой бокал и чокнулась с Кэйлебом. Каким же чужим он мне показался в своей белой, накрахмаленной рубашке. Так же как и Джош в своем смокинге. Он нервно переступал с ноги на ногу и не отрывал глаз от своих наручных часов.

Как я выгляжу? — тихо спросила я, так как не могла дождаться, пока Джош увидит меня в этом платье — в настоящем чуде из тюля и шелка.

Ты прекрасна, сказала Эми.

Я видела себя спускающейся легкой походкой вниз по лестнице. В конце лестницы я остановилась, мое сердце билось так сильно, что готово было разорваться, и я в ужасе отпрянула назад. Застывшие лица повернулись ко мне. Нельсон, профессор, «черная вдова», Карен, Лиз... все были здесь.

Я поискала взглядом Джоша, наши взгляды встретились. Он тоже уставился на меня с белым как мел лицом. Насмешливо глядя на меня, Джинджер подошла вплотную к Кэйлебу и что-то шепнула ему на ухо.

Конечно, все это было нереальным. Это был сон, кошмарный сон. *Тебе нужно только проснуться*. Воспоминания о докторе Эрике Майерс на секунду вырвали меня из потока видений. Она мне объяснила, как я могу управлять своими снами. Но тогда я была совсем ребенком и не поняла ее объяснения. Тогда я не хотела просыпаться. Тогда я не желала ничего больше, чем встретить во сне свою маму. Позднее наступил такой период, когда я лишь смутно помнила сеансы психотерапии доктора Майерс.

Правда, сейчас, оказавшись в этом кош-

маре, я раскаивалась в том, что бунтовала против нее и отказывалась от ее помощи.

Мне никак не удавалось проснуться. Просто не удавалось. Возможно, потому, что у меня была слишком тяжелая голова от снотворного, а возможно, и потому, что я не хотела просыпаться. Были ли эти кошмары ценой за возможность хоть немного поспать?

Я снова очутилась на своем месте на лестнице, в поисках поддержки посмотрела наверх. Однако Эми исчезла.

Зато вместо нее снова появилась Джинджер, лицо которой было искажено злобной, язвительной гримасой.

Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — прошипела она.

Она ничего больше не сказала. Но ее молчание было таким пугающим, таким ошеломляющим, что я прижала руку к сердцу, как будто таким образом могла заставить его биться медленнее.

В чем дело? Что такого я сделала? — услышала я свой собственный голос.

Ее рот оказался прямо у моего уха: *Тебя никто не приглашал.*

Я отступила на шаг в сторону, посмотрела мимо Джинджер в сторону Джоша и успела еще заметить, как Кэйлеб потянул его за собой на улицу.

Я бросилась за ними.

Что случилось? Я ничего не понимаю! — громко крикнула я в тот самый момент, когда музыканты перестали играть. Мне показалось, что на меня смотрят тысячи глаз. Волна холода поползла от моих ног вверх к плечам, словно целая армия муравьев, спасающихся бегством. Дрожа всем телом, я посмотрела вниз и в тот же самый момент увидела, что стою босиком и на мне нет ничего, кроме белой, короткой сорочки. Больничной сорочки.

— Фэй, дорогая. Просыпайся!

Я слышу, что плачу навзрыд, и в то же самое время понимаю, что это всего лишь сон, но я не хочу просыпаться, мне кажется, очень важно досмотреть этот сон до конца. Я должна была узнать, что же там произошло.

— Фэй, Фэй...

Папа не отставал. Он тряс меня за плечо, и так я покинула ярко освещенный зал в особняке Ланкастеров и проснулась в своей темной комнате. По моему лицу текли слезы. Моя грудная клетка вздымалась и опускалась. Я услышала свое тяжелое дыхание.

Лишь постепенно, судя по отдельным звукам, я поняла, что уже наступило утро. Эти звуки принес мне ветер, который нисколько не утих со вчерашнего бурного вечера: отдаленный шум машин, которые проезжали че-

рез Блюхэвен; одинокая чайка, издававшая громкие, пронзительные крики; и деревья, шелестевшие по утрам иначе, чем ночью.

Так до конца и не проснувшись, я попыталась нащупать в темноте выключатель ночника, но не смогла отыскать его, а когда открыла глаза, увидела своего отца, который с озабоченным видом склонился надо мной. В комнате горел свет, дверь в коридор была открыта, и снизу в комнату проникал ароматный запах только что сваренного кофе.

— Который час? — пробормотала я.

— Без нескольких минут шесть. Я готовлю завтрак.

— Ты можешь принести его мне наверх?

Отец покачал головой и пристально посмотрел на меня.

— Нет, Фэй, я не могу это сделать. Послушай, я не знаю, где ты была прошлой ночью, почему взяла машину Лиз и еще надеялась, что я этого не замечу. Если ты способна даже на такие поступки, то тогда тебе вполне по силам встать и позавтракать вместе со мной на кухне.

Я почувствовала, что он действительно сердится, и в то же самое мгновение сон с меня как рукой сняло.

— Лиз, она?..

— Нет, — перебил меня папа. — По-видимому, она рано легла спать. Просто она

слишком много работает и постоянно ломает себе голову над тем, как помочь тебе.

Если бы отец встретил вчера Лиз, то моя проделка наверняка выплыла бы наружу. Да и сейчас я не была уверена в том, что он не расскажет ей, что я сделала. Это было видно по тому, как он поднял вверх брови.

— Ты не хотела бы рассказать мне, где была вчера? — спросил он.

Я покачала головой.

— Пока нет, папа.

Он тяжело вздохнул и осуждающе покачал головой.

— Ну, хорошо. Но — и здесь торг неуместен — это было в последний раз, когда ты села за руль после приема своих таблеток. В следующий раз спроси меня, если тебе вдруг захочется куда-нибудь поехать.

— Все понятно, — тихо сказала я.

В этот момент я бы пообещала все, что угодно, и тотчас нарушила бы свое обещание.

Отец встал и направился к двери, где еще раз остановился и обернулся:

— Через пять минут оладьи будут готовы. С черникой?

— Нет, только с кленовым сиропом.

Я не хотела есть то, что ненавидела Эми.

Где-то уже глубокой ночью я больше не могла выдерживать круговертъ мыслей в моей голове и приняла одну таблетку снот-

ворного, правда, одну из самых слабых. Тем не менее, когда я, наконец, встала с кровати, мои ноги казались такими тяжелыми, словно были налиты свинцом. Пошатываясь, я подошла к окну и подняла жалюзи. Свет солнца, уже не в виде слабого светлого круга за полоской тумана на горизонте, окрасил небо в палитру из серых и розовых тонов. Шторм все еще заставлял гнуться и трещать деревья, а вой ветра буквально оглушал меня.

Я никак не могла забыть выражение лица Джоша в моем кошмарном сне. Его разочарование и этот ужас. Папа слишком рано разбудил меня. Теперь я никогда не узнаю, отчего Джош пришел в такой ужас. С другой стороны, сны никогда не кончались, они лишь повторялись бесконечное число раз.

Видимо, виной всему была моя нечистая совесть, которая мучила меня всю ночь. Я без разрешения взяла ключи Лиз, тайком ездила на ее машине и вместе с Люком навела в архив моего деда. С чужаком, с которым теперь я, кажется, вижу чаще, чем с Джошем.

Я быстренько вынула из шкафа нижнее белье, носки, свежевыглаженные джинсы и зеленую футболку с эмблемой средней школы Уэстона. Вообще-то, она принадлежала Джошу и все еще хранила его запах.

Я подумала о нашем с ним последнем телефонном разговоре.

Я должна была непременно поговорить с ним и все ему рассказать. Действительно все, без утайки. О неожиданной встрече на шоссе с Эми, о странном сообщении, о пропавших записных книжках и о последней ночи с Люком в «Логове Дракона».

Когда я, пошатываясь, двинулась к своей кровати, то неожиданно споткнулась о школьный рюкзак.

Школа... мне стало плохо только от одной мысли о ней. Я знала, что не выдержу целый день в школе, предварительно не поговорив с Джошем. А сегодня это не случится, так как — я только сейчас снова вспомнила об этом — Джош находился в Бостоне.

Мне придется нарушить еще одно правило. Я не пойду сегодня в школу.

Сейчас, при свете дня, дом Фуллера снова показал свои темные стороны. Хотя кусты были подстрижены, розы обрезаны, а гравийная дорожка очищена, но само здание все еще находилось в ветхом состоянии. Краска на фасаде облупилась, на крыше не хватало нескольких черепиц и одна доска, оторвавшаяся от деревянного обрамления, билась о веранду. Когда я прислонила свой велосипед к старому деревянному брусу и через широко открытую дверь вошла

в просторную жилую комнату на первом этаже, которая недавно ночью выглядела снаружи такой уютной, я, как и раньше, почувствовала сырость и заброшенность нежилого дома, этот затхлый запах таинственного прошлого.

— Люк? — громко позвала я.

Мое решение прийти сюда возникло спонтанно. Просто у меня не было выбора.

— Люк?

Никто не отвечал.

Я бросила свою сумку на пол и подошла к камину. Дрожа от холода, я смотрела на остывшие угли в камине и с первого взгляда заметила царивший вокруг беспорядок.

Стопки книг с самоклеющимися цветными листочками для заметок лежали на всех свободных местах, а пол был усеян бумагами, стаканами, чашками и тарелками. На столе я заметила ноутбук, а рядом с ним принтер и стопку листов бумаги с печатным текстом. Я прислушалась, но в доме не было слышно ни звука.

У меня сложилось впечатление, что Люк всю ночь не сомкнул глаз. Возможно, как раз сейчас он отсыпался. Действительно, сверху донесся какой-то шум. Неожиданно я снова почувствовала себя ребенком, когда мы с Эми бродили по этому дому и до смерти пугались каждого шороха и скрипа.

Тогда Эми шла первой. А я всегда следовала за ней.

Это был довольно странный шум. Не какое-то обычное потрескивание старого дома, дерево которого работало, а как будто что-то тащили по полу. Я успокаивала себя тем, что, возможно, Люк наводил порядок в доме и поэтому не слышал меня.

— Люк, — еще раз крикнула я и испугалась своего собственного голоса, который прозвучал необычно тонко.

Но и на этот раз ответа не последовало. Я осторожно выскользнула в узкий коридор, где, как и в жилой комнате, обои от сырости отошли от стен, и прислушалась. Шум, напоминавший скобление, прекратился, сейчас в доме снова было тихо.

Первая ступенька лестницы громко скрипнула под моей ногой, и я невольно вздрогнула. Я попыталась взять себя в руки. Я не должна была позволять призракам прошлого нагонять на меня страх. Мне было вполне достаточно и призраков настоящего.

Я решительно поднялась еще на одну ступеньку, когда снова раздался этот странный шум, как будто скребли пол. Но на этот раз шум сопровождался голосами, словно там кто-то разговаривал. Уж не Люк ли это был? Но голос не был похож на голос Люка.

Я попыталась двигаться крадучись, как это делал Оз, когда он бродил по нашему дому. Но это мне не удалось, так как каждая из старых ступенек громко скрипела, прямо-таки стонала под моими ногами. Когда я дошла до верхней площадки лестницы, голоса стали громче, и я поняла, что это разговаривали две женщины или девушки.

Мне никак не удавалось разобрать отдельные слова. Только тогда, когда беседа на несколько секунд прервалась и в конце концов сменилась своеобразным монотонным пением, я начала догадываться, кто мог находиться в комнате, которая лежала по правую руку от меня в самом конце коридора.

— *Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, все хорошие дети попадут в Рай.*

В одном из голосов, звучавшем по-детски, я узнала голос Мисси.

Потом считалку повторил другой, более низкий голос, только наоборот.

— *Все хорошие дети попадут в рай, раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь.*

Этот голос принадлежал женщине в возрасте Лиз или, может быть, немного моложе. И этот голос показался мне знакомым, вот только я никак не могла вспомнить, где я его слышала. Когда я подошла ближе, то

почувствовала сильный цветочный аромат, как будто комната была полна цветов.

Был ли это сон, или это происходило наяву? Возможно, я все еще спала. Папа меня не разбудил, я не завтракала с ним и не решила прогулять школу. Я все еще лежала в своей постели, и новое, ясное утро сейчас вернет мне мой разум.

Во сне нельзя было самому принимать решения, ты шел дальше и открывал следующую дверь, даже если тебя бросало в пот и ты умирал от страха.

Именно это я сейчас и сделала.

Дверь была лишь слегка притворена, и еще прежде, чем я ее распахнула, мне стало ясно, в какую комнату она вела. Это была комната Зоэ, комната под самой крышей, с белой мебелью, украшенной алыми розами.

Запыленные оконные стекла почти не пропускали свет. А сильный аромат роз буквально одурманил меня, хотя нигде не было видно цветов.

Мой взгляд тотчас скользнул к кровати. Объяснялось ли это тем, что я находилась в состоянии замешательства? Во всяком случае, мне показалось, что глубокие следы царапин в изголовье кровати впервые образовали рисунок, скорее даже числа.

— *Шесть, семь...*

Монотонное пение, которое смолкло, когда я открыла дверь, теперь снова продолжилось. Я резко обернулась и только теперь заметила тщедушную фигуру Мисси, глубоко вдавленную в кресло-качалку, которое еще несколько дней тому назад стояло на веранде. У нее на голове была повязка, доходившая до самого лба, а на ее коленях лежало то самое пестрое стеганое одеяло, которое давным-давно нашли мы с Эми.

Я не могла пошевелиться, казалась самой себе полностью парализованной, и одновременно у меня возникло такое чувство, что я нахожусь как бы вне своего тела. Да, именно так и было, мне казалось, что я наблюдаю за собой со стороны. Мое лицо светилось из-под черных волос и было таким бледным и просвечивающимся, словно я встретилась со своим собственным призраком. Мне казалось, что мы с Мисси поменялись ролями.

Так как сейчас ее взгляд был ясен, словно к ней вновь вернулся ее разум, в то время как мой собственный разум завис где-то между небом и адом. Да, Мисси даже смеялась и казалась счастливой.

— Сокровище теперь у Мисси в безопасности, да, так и есть, — пробормотала она, словно отвечая на вопрос.

Я обернулась в поисках второй женщины, с которой Мисси разговаривала несколь-

ко секунд тому назад, но, кроме нас двоих, в комнате никого больше не было.

— Здесь она не будет нас искать.

Мисси натянула стеганое одеяло до самого подбородка, потом ее худые руки снова нырнули под лоскутное одеяло. Неожиданно она опять заговорила низким голосом.

— Сокровище?

И снова своим обычным тонким голоском:

— Сокровище в безопасности. Мисси присматривает за ним.

Наконец до меня дошло. Кроме меня и Мисси, здесь никого не было. Все это время она разговаривала сама с собой.

Я приблизилась к ней на один шаг и постаралась не думать о том, что случилось вчера в Медицинском центре Уэстмилл. Что, если она стала опасной для окружающих? В Блюхэвене всегда считали, что хотя Мисси и сумасшедшая, но она совершенно безобидна. Но после ее выходки в кабинете моей тети я уже не была так уверена в этом.

— Мисси, где Люк? — осторожно спросила я и склонилась к ней. — Он знает, что ты здесь?

— Люк — хороший человек. — Она торжествующе, украдкой взглянула на меня из-под своих спутанных волос. — Он может открыть секрет. — Она немного помолчала. — Кто-нибудь должен открыть секрет.

В этот момент я услышала, как на первом этаже хлопнула входная дверь, а потом в жилой комнате раздались энергичные шаги, сопровождаемые возгласом:

— Фэй? Фэй, ты здесь?

Это однозначно был голос Люка.

Постепенно я снова почувствовала под ногами почву. Собственно говоря, эта неожиданная встреча с Мисси ничем не отличалась от наших предыдущих встреч. Просто всего лишь на миг она побудила меня поменяться ролями, так что мне показалось, что это я сумасшедшая, в то время как Мисси притворилась, что ей известно решение всех загадок.

Сокровище.

Я жила в XXI веке. Это было уже не то время, когда можно было найти сокровища.

Я уже стояла в дверях, когда Люк легко вбежал вверх по лестнице с пластиковым пакетом из супермаркета Элисон в руках. Его синие глаза засияли от радости, когда он увидел меня.

— Я видел твою сумку внизу. Ты уже говорила с Мисси?

Он протиснулся мимо меня в мансарду и принялся разгружать свой пластиковый пакет.

— Мисси, я принес все, что тебе может понадобиться: зубную щетку, две банки колы, сэндвичи...

Постепенно он выложил все на комод, не забывая при этом показывать Мисси каждую вещь по отдельности.

— Что все это значит? — спросила я, с удивлением наблюдая за происходящим. — Она решила сюда переехать?

Полуобернувшись, Люк бросил на меня довольный взгляд. Он выглядел бодрым и отдохнувшим, по его виду никогда не скажешь, что почти полночи он провозился вместе со мной в «Логове Дракона», где узнал страшные подробности о болезнях членов своей семьи.

— Я обнаружил ее здесь сегодня утром, — пояснил он. — Очевидно, она испытывает перед кем-то панический страх. Я предложил ей остаться здесь столько, сколько она захочет.

— Панический страх? — Я непроизвольно перешла на шепот. — Я тоже испытываю его. Но перед ней. Люк, она несет такую чушь.

Люк подошел к креслу и опустился перед Мисси на колени.

— Расскажи Фэй все, о чем ты говорила мне.

Мисси опустила голову и шепнула Люку:

— Может быть, это они ее послали?

— Нет, наверняка нет, — успокоил ее Люк. — Фэй никому ничего не скажет.

— Но она снова здесь. Она меня не забыла. Она ищет меня. — Последовала пауза, потом Мисси начала раскачиваться в кресле-качалке вперед и назад. Она подняла руку и начала считать: — Нельсон, Роджер, Уильям, Лиз. Один за всех, все за одного.

Наш девиз? Действительно наш девиз? *Джинджер, Кэйлеб, Джош, Фэй... Эми.* Я не успела развить эту мысль дальше, так как Мисси снова изменила свой голос, словно копируя кого-то.

— *Фэй? Ты меня слышишь? Это для тебя.*

Мне стало плохо. У меня перед глазами все завертелось.

— Эми?

— Что с Эми? — услышала я вопрос Люка.

Мисси молчала и, прищурившись, наблюдала за мной.

Ее кресло раскачивалось вперед и назад. Вперед и назад.

— Она говорит о ней. Это однозначно голос Эми!

Дом Фуллера содрогался от сильных порывов ветра, которые, казалось, дули сразу со всех сторон, и у меня появилось несбыточное желание, чтобы они унесли с собой мои мысли и страхи.

— Ты уверена? — спросил Люк и нахмурил лоб.

Я лишь кивнула в ответ, а потом продолжала кивать в такт покачиванию кресла Мисси, пока она неожиданно резко не остановилась.

Ее похожая на когтистую лапу рука устремилась вперед, но она не схватила меня, а, словно колдунья, поманила указательным пальцем.

— *Фэй, иди ко мне!*

И это снова был голос Эми.

Теперь и на лице Люка отразилась неуверенность, в то время как меня занимала только одна мысль: а что, если Мисси знала ответы на те вопросы, ответы на которые я искала все последнее время? Я вспомнила о нашей случайной встрече на кладбище. Разве уже тогда Мисси не пыталась со мной поговорить?

— Мисси, что ты знаешь об Эми? — шепотом спросила я.

Рука Мисси снова опустилась на ее колени, и на мгновение мне показалось, что она меня даже не слышала. Но потом она приложила палец к губам, словно хотела призвать меня к молчанию.

— Они ее снова воскресили, ты понимаешь? — едва слышно произнесла она. — Ты не должна никому рассказывать об этом, но они это могут. Снова оживлять мертвых. — Она махнула рукой, подзывая нас ближе к себе. — Хотите узнать, какое сокровище

я нашла? Вам я скажу. Это зеркало, из которого говорят мертвые, когда они еще были живы.

Мгновение спустя кресло-качалка с громким скрипом вновь пришла в движение, и в то время как ноги у меня начали медленно подкашиваться, Мисси снова начала свое безумное монотонное пение.

— *Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... Последний ребенок отправился в Рай.*

Глава 22

Мне было холодно, холодно, холодно.

Слова Мисси все еще терзали меня. Люк сунул мне в руки чашку горячего чая.

— Все выпить, и никаких возражений, — строго сказал он. Я чуть было не рассмеялась, так как он говорил точно так, как мой отец.

Люк отвел меня вниз, в жилую комнату, усадил в кресло, укрыл одеялом, разжег камин и заварил чай. Или нет, это был не только чай, закашлявшись, я поняла: там было что-то еще. Что бы там Люк ни добавил в чай, это сразу ударило мне в голову и заставило вибрировать мои нервные окончания. В то же время я знала, что сейчас мне нельзя было ни в коем случае допускать, чтобы у меня сдали нервы.

Мысли и обрывки фраз вертелись у меня в голове. Мисси дала мне ответ, когда я пря-

мо спросила ее об Эми, и этот ответ перевернул мой мир с ног на голову.

Они ее снова воскресили, ты понимаешь? Они это могут.

Мисси не была настолько безумной, как все считали. Тем временем я уже убедилась в этом. Где-то в ее кажущейся бессвязной болтовне содержался более глубокий смысл. Она явно хотела что-то сообщить мне, и я отчаянно пыталась уловить эту связь.

Моя встреча с Эми на автобусной остановке — *Фэй, иди ко мне! Я должна с тобой поговорить.*

И снова, и снова слова Мисси: *Они ее снова воскресили, ты понимаешь? Они это могут. Снова оживлять мертвых.*

А это могло означать... теперь я уже допускала мысль...

Будь осторожна!

Сообщение, поступившее на мой мобильник в ночь после аварии, могла послать... сама Эми.

Было ли это именно так? Была ли Эми еще жива?

Но этого просто не могло быть. Я же видела ее в гробу, и хотя ее лицо было под толстым слоем макияжа, но это однозначно была Эми.

Чашка в моей руке задрожала, готовая вот-вот упасть на пол, но прежде, чем она выскользнула у меня из рук, Люк оказался ря-

дом. Он обнял меня за плечи. Я схватила его за руку, буквально уцепилась за нее, но мои пальцы оставались ледяными. Что я делала здесь у Люка, когда Джош был единственным, с кем я должна была бы быть? Я сбросила одеяло с плеч и споткнулась о него, когда бросилась к своей сумке, которая все еще лежала на полу в жилой комнате.

— Джош. Я должна позвонить Джошу. Мне надо с ним поговорить.

Я вывернула все содержимое сумки на пол и начала лихорадочно рыться в своих вещах, пока не нашла свой мобильник. Он постоянно выскальзывал из моих дрожащих рук, пока Люк не отобрал его у меня и не нашел номер Джоша.

— Вот. — Он протянул мне телефон.

А потом я вспомнила.

— Его здесь нет, — прошептала я. — Он в Бостоне. Он вернется в Блюхэвен только сегодня вечером.

— Позвони ему. Скажи, что он тебе нужен. Если он тебя любит, то сразу приедет.

Я набрала номер Джоша, несколько раз раздался гудок, в конце концов в трубке прозвучало: *Оставьте, пожалуйста, сообщение после сигнала... Пиииип.*

Я хотела что-то сказать... но с моих губ не сорвалось ни одного слова. А потом связь прервалась.

Если он тебя любит, то сразу приедет.

Как же сильно меня мучило это «Если».
Если, если, если...

Как я могла сомневаться в любви Джоша ко мне?

Я снова опустилась в кресло. Люк осторожно забрал у меня мобильник и обеими руками обхватил меня за плечи.

— Фэй, нам надо поговорить. Тут что-то не так, но одно для меня абсолютно ясно, как никогда: ты *не сумасшедшая!*

Возможно, он был прав, но я отдала бы все свои пять чувств, чтобы вернуть доверие и уверенность, которые до сих пор вели меня по жизни.

— Знаешь, каково это, — шепотом спросила я, — когда думаешь, что сходишь с ума? Когда ты там... — Моя рука показала на воображаемую точку в комнате. — Когда ты там... видишь человека, который умер? Когда ты слышишь, как он говорит с тобой? Как он зовет тебя?

Люк стоял прямо передо мной, его взгляд не отпускал меня, возвращал меня к действительности.

— Фэй, — заклинал он меня. — Фэй, послушай меня! Ты меня слушаешь?

Он подождал, пока я кивнула.

— Мисси там, наверху, — он мотнул головой, — могла нести чушь. По меньшей мере, так нам с тобой кажется. Но за ее болтовней явно кроется нечто боль-

шее. Подумай: ты видишь Эми в ночь после того, как она попала в аварию, на автобусной остановке. — Он отошел от меня и забегал взад и вперед по комнате. — Ты получаешь сообщение с мобильного Эми в тот момент, когда она уже давно должна была быть мертва, с уведомлением, что она тебе что-то пришлет — что потом так и не поступило. — Люк резко остановился. — А Мисси говорит о мертвых, которых вновь оживляют. Сколько еще доказательств тебе нужно, Фэй? Для меня все это звучит вполне реалистично, в этом нет никакого сумасшествия! Даже, я бы сказал, пугающе реалистично! Все, кто утверждает обратное, лгут! — Он коротко хохотнул. — Складывается впечатление, что ложь является массовым видом спорта в вашем идиллическом Блюхэвене. Подумай, Фэй! Святое семейство Ланкастеров: их дочь садится пьяной за руль автомобиля, устраивает аварию — и что делают они? Они сваливают все на Эми. Просто так, и никто не протестует. Нет, потому что все держатся вместе. А что с Джошем? Ведь он тоже знал об этом, не так ли?

Люк склонился ко мне, прямо-таки заставляя меня ответить, и я знала, что он не оставит меня в покое, пока я не дам ответ на его вопрос.

Я кивнула.

— В яблочко! — торжествующе воскликнул он. — Выходит, Джош тебя обманул, а теперь его нет на месте, чтобы помочь тебе. И потом еще это дело с моим отцом...

— Остановись, прекрати!

Я закрыла уши руками, я не могла, я больше не хотела его слушать, но Люк непреклонно продолжал.

— Почему Лиз отказалась выдать мне медицинскую карту моего отца, более того, она даже утверждала, что такая карта больше не существует? А мы с тобой находим собранные вместе истории болезней всей моей семьи в подвале Медицинского центра Уэст-милл. И кстати... тут есть еще кое-что.

Он снова беспокойно забегал по комнате.

— Вчера, после того как этот кто-то, кто нас едва не застукал в подвале, ушел, с полки неожиданно исчезла одна коробка. Я абсолютно уверен в том, что раньше она там стояла, так как она сразу бросилась мне в глаза. На этикетке было написано: ВТП.

— ВТП? — озадаченно переспросила я.

Люк поднял вверх указательный палец:

— Это сокращение для научного термина *«Внетелесные переживания»*. Так называют явления, когда у кого-нибудь появляется чувство, что он парит над землей, что видит себя сверху или наблюдает за собой со стороны как за посторонним человеком.

Я знаю это от своей матери, она верит в реинкарнацию или, другими словами, в переселение душ, и другие подобные вещи. — Люк покачал головой. — Но это сейчас не имеет значения — дело заключается в том, что кто-то вообще забрал эту коробку. Ты не понимаешь? Среди ночи и из якобы давно закрытого архива, которым больше никто не пользуется!

У меня голова шла кругом. Люк вошел в раж, в то время как я не могла ничего сказать. Все звучало так убедительно...

Снаружи ураганный ветер рвал оторвавшееся ограждение веранды, которая в любой момент грозила рухнуть.

— Фэй, о чем еще они лгали? — не отставал от меня Люк. — Что скрывается за таким на первый взгляд безобидным названием «Клуб понеделника»? Зачем вся эта болтовня об обязанности не разглашать тайну, если им нечего скрывать, если они якобы занимаются только благотворительностью и решением социальных проблем?

Нельсон, Роджер, Уильям, Лиз. Один за всех, и все за одного. Обет молчания.

Я крепко зажмурила глаза, попыталась успокоиться, но снова и снова приходила к тому же самому результату, что и Люк: повсюду ложь, тайны, сокрытие фактов, попытка замять дело. Каждый следующий вопрос вызывал целый ряд новых. Люку уда-

лось сплести в моей голове мелкую сеть из подозрений и недоверия.

К горлу подкатили слезы, которые я попыталась судорожно сглотнуть.

— Что же мне делать? — прошептала я.

— Ты сама знаешь.

Что Люк имел в виду?

Я же не могла заявиться на заседание клуба и просто задать им интересующие меня вопросы. У меня не было ничего на руках, кроме их лжи об аварии, моей встречи с Эми на автобусной остановке и граничащей с безумием болтовни Мисси.

Да они все равно будут молчать.

А как насчет Лиз? Имел ли обет молчания, данный ею клубу, больший вес, чем ее любовь ко мне?

— Я сделаю это, — сказала я наконец более решительно, чем чувствовала себя в действительности. — Я пойду к Лиз. Я поговорю со своей тетей. Она должна сказать мне правду, по меньшей мере, она должна рассказать, что же произошло с Эми на самом деле.

Я встала, а когда Люк спросил, пойти ли ему вместе со мной, я возразила:

— Нет, это дело касается только одной меня.

Деревья, росшие вдоль дороги, качались на ветру, и постоянный шелест вызывал гул в моих ушах. Причиной этого гула был не

только вой ветра, который волновал море, вызывая рокот волн. Причиной тому были также мысли и вопросы, которые безостановочно вертелись у меня в голове.

Я бежала вдоль Стейт-стрит, миновала стенд с афишами и место, где Эми звала меня. Группки школьников из средней школы Уэстона — в основном на велосипедах — постоянно встречались мне на пути. Я не поднимала глаз. Я не хотела, чтобы они узнали меня, и сама не хотела никого узнавать. Я хотела оставаться невидимой, как темной ночью, и... слепой. Яркий солнечный свет до такой степени резал глаза, что у меня по щекам текли холодные слезы.

Я свернула на Корт-стрит и направилась прямым путем к пристройке Медицинского центра Уэстмилл из стекла и бетона, в зеркальных стеклах которого, казалось, многократно отражались деревья, небо и облака. Вращающаяся дверь, через которую можно было попасть в здание, стояла неподвижно. Раньше я всегда очень гордилась тем, что эта клиника в некоторой степени принадлежала нашей семье. Мой дед основал ее, «Клуб понедельника» инвестировал в нее кучу денег, а моя Лиз, по моему детскому разумению, самая лучшая из всех тетей, была здесь начальницей. И в один прекрасный день уже я сама продолжу ее дело. Таким всегда был план на будущее, но, когда я сейчас толк-

нула стеклянную дверь, вся моя гордость куда-то улетучилась. В вестибюле ожидала большая толпа пациентов, мимо которых я постаралась пройти как можно быстрее, чтобы никто не заговорил со мной. По громкой связи назывались фамилии. Маленький мальчик стоял на коленях на полу и копировал вой сирены, сталкивая между собой две игрушечные машинки.

У меня сильно болела голова, а запах дезинфекционных средств, знакомый с детства больничный запах, сейчас вызвал у меня приступ тошноты.

Я попыталась незаметно прошмыгнуть мимо регистратуры, однако у Мелинды, у этой «шпионки», как раньше всегда называла ее Эми, были такие глаза, от которых ничто не могло укрыться. Я уже почти прошла мимо нее, когда она своим пронзительным голосом позвала меня по имени:

— Фэй, я не знаю, будет ли сейчас у твоей тети для тебя время. Ты же сама видишь, что у нас сегодня творится.

Я проигнорировала замечание многолетней доверенной моего деда, оставила за спиной стеклянный лифт и устремилась вдоль по коридору, в конце которого находился кабинет Лиз. Когда я была ребенком, этот коридор казался мне бесконечно длинным. Однако сегодня я очутилась слишком быстро перед дверью, за которой — как показа-

лось мне — сейчас решится моя дальнейшая жизнь.

Из-за двери доносился невнятный говор. Моя ладонь была ледяной, когда, даже не постучав, я потянулась к дверной ручке. Мне показалось, что я не успела к ней даже прикоснуться, как дверь, словно сама собой, распахнулась, и я вошла в кабинет. В этот момент Лиз говорила в телефонную трубку:

— Мы встретимся у меня, а потом...

Увидев меня, она тотчас прервала разговор.

На какое-то мгновение наши глаза встретились, но потом она вспомнила о телефоне и просто положила трубку, так ничего и не объяснив своему собеседнику.

Она встала и расправила свой белый врачебный халат. Когда я была маленькой, то думала, что врач никогда не болеет и не может умереть. А когда я сама буду работать в Медицинском центре Уэстмилл, то у меня уже никогда не будет противного насморка, и я смогу спать, как все нормальные люди.

Энергично шагая, Лиз подошла ко мне, не спуская с меня встревоженных глаз:

— Ради всего святого, Фэй, где ты была? Из школы звонили твоему отцу, когда ты не явилась на занятия. Что с тобой случилось? Ты просто игнорируешь все договоренности. Ты можешь себе представить, что мы все с ума сходим от волнения?

Интересно, отец рассказал ей о ключах и о машине или нет?

На мгновение, действительно всего лишь на долю секунды, я снова превратилась в прежнюю Фэй, в ту, которую Джинджер всегда называла «последней из верующих». Я уже собиралась извиниться перед Лиз, но тут снова вспомнила о Люке. О том, что он сказал.

Он был прав. Здесь что-то не так, слишком много противоречий, вызывающих сомнения. И если я не получу ответы на свои вопросы, то никогда не успокоюсь.

Итак, я просто остановилась в дверях и смотрела на Лиз, которая стояла передо мной. С каждым вдохом меня охватывала все большая дрожь, и это напомнило мне об еще одном происшествии, связанном с Лиз. Как однажды здесь, в парке, она вложила мне в руки раненую малиновку, как я осторожно держала ее и чувствовала биение ее крошечного сердечка о мои пальцы.

— Фэй? У тебя такой растерянный вид.

Голос Лиз едва доходил до меня.

Перед моими глазами все вертелось, а мое сердце билось так же быстро, как и сердечко малиновки тогда.

Лиз привлекла меня к себе. На долю секунды я доверилась ее теплу, вдохнула знакомый аромат ее духов, но потом решитель-

но вырвалась из ее объятий, прошла мимо нее и, подойдя к письменному столу, бросила свою сумку на пол. Лиз последовала за мной, тщетно пытаясь ухватить меня за руку.

— Что случилось, Фэй? Что-то с Джошем? Ты снова поругалась с Джинджер?

Она смотрела на меня с этим преисполненным любви выражением, которое у нее было всегда припасено для меня. Я тщетно пыталась обнаружить в ее лице нечто такое, что оправдало бы мое недоверие, подозрение и все мои сомнения. Но я ничего не нашла и просто выпалила первый вопрос, пришедший мне в голову.

— Где ты была, когда умерла Эми?

— Мы же это уже однажды обсуждали, Фэй, — вздохнула она и затем терпеливо продолжила: — Зачем ты так себя терзаешь. Мне действительно бесконечно жаль, что я не смогла помочь Эми. Но я вернулась из Бостона только среди ночи.

— Ты никогда ничего не рассказывала мне об этой ночи, — с горечью возразила я. — Когда именно ты вернулась? Ты сразу поехала в Медицинский центр Уэстмилл? Где находилась Эми? Что вы с ней делали той ночью?

— Успокойся, Фэй, — сказала Лиз своим менторским тоном врача. — Постарайся дышать медленно, и тогда ты сможешь объ-

яснить мне, почему тебе надо знать это так точно.

— Почему мне надо это знать? — Мой голос звучал совсем глухо. — Потому что в ночь на среду Эми была еще жива. Она не могла умереть вечером во вторник, во время аварии, как вы утверждаете. — С каждой фразой мой голос становился все громче и увереннее. — Кто-то здесь лжет и...

— Фэй, — перебила меня Лиз. — Дорогая, ты проспала три дня. Таблетки...

— Нет, позволь мне сказать, — не сдавалась я. — У меня есть доказательство этого.

Я вытащила из кармана свой мобильник, металлический корпус телефона приятно холодила руку и был гладким на ощупь. У меня в руке было нечто конкретное, и я показала это Лиз.

— Эми не могла умереть, так как среди ночи она прислала мне эсэмэску. Со своего мобильного. И это сообщение подлинное. Оно пришло от нее! Я это знаю.

Знала ли я это на самом деле? Нет. Но мне было необходимо просто высказать это вслух.

Лиз требовалось время, чтобы прийти в себя. Она уже собралась возразить, но я не дала ей и рта раскрыть. Из меня все вырвалось наружу. Неожиданная встреча с Эми на Стейт-стрит. Сообщение, которое я прочла лишь несколько дней спустя.

Ужасная мысль, что я сошла с ума, поскольку чем еще это могло быть, кроме галлюцинаций. Точно таких же галлюцинаций, которые были у меня, когда я проходила сеанс психотерапии у доктора Майерс.

В комнате воцарилась тишина. Только время от времени жужжал компьютер, а я слышала, как тикали наручные часы Лиз, стоявшей рядом со мной. Потом громко и пронзительно зазвонил телефон, но Лиз проигнорировала его.

— Я так люблю тебя, Фэй, — прошептала она в конце концов. — Поверь мне. Ты никак не могла встретить Эми той ночью. Это невозможно.

Боже мой, Фэй, какая же ты действительно наивная! — это сказала Джинджер во время обеда в особняке Ланкастеров.

Я больше не была такой наивной, как раньше. И никогда больше не буду.

— Ты лжешь! — снова вырвалось у меня. — Ты обманываешь меня, вероятно, чтобы снова защитить! От чего?

Впервые в своей жизни я не шла на уступки.

И Лиз почувствовала это. Обычно она была большой мастерицей скрывать свои чувства, но сейчас я могла все прочесть по выражению ее лица, как в открытой книге.

Вина, раздражение, беспомощность, беспокойство — все эти чувства одновременно

отразились на ее лице, и это испугало меня. Такое не случилось еще никогда: моя тетя потеряла над собой контроль.

— Лиз, пожалуйста! — умоляла я ее. — Если я тебе не безразлична, если ты действительно любишь меня, ты должна сказать мне правду о ночи после аварии, так как в ту ночь произошло нечто ужасное, я чувствую это. Глубоко в душе я чувствую это.

Лиз отвернулась к окну. Макушки вековых дубов качались под порывами штормового ветра, но здесь внутри было тихо, как в могиле.

— Я никогда не лгала тебе, — наконец, начала она, и неожиданно ее голос зазвучал совсем по-другому. Мягче. Раннее. — Нет, дорогая, я никогда этого не делала. Но я действительно умолчала о некоторых вещах, о том, чего сама до сих пор все еще не понимаю.

Обычно в таких случаях мне следовало бы затаить дыхание, но, как ни странно, сейчас все обстояло с точностью до наоборот. Мое дыхание было спокойным, и я почувствовала облегчение. Наконец моя тетя принимала меня всерьез. Она страшно нервничала, и ей было трудно говорить. Она постоянно поправляла воротник голубой блузки под своим белым халатом, словно искала опору. Потом она сунула руки в карманы, но тотчас снова вытащила их.

— В ту ночь, — начала она и запнулась. Я видела, как поднималась и опускалась ее грудная клетка. Она тяжело вздохнула.

Лиз закрыла глаза, подняла правую руку и прижала ее ко лбу. Было ли ей тяжело вспоминать это? Или она никак не могла решиться рассказать мне, что тогда действительно произошло?

— Так что же было той ночью? — спросила я.

Плечи Лиз распрямились, она опустила руку и открыла глаза. Когда она начала говорить, ее голос снова зазвучал четко и решительно.

— Я была на этом симпозиуме в Гарварде, а потом пошла поужинать с одной из своих коллег. Когда в половине девятого я села в свою машину, то заметила, что звук моего мобильного все еще был отключен. Фрэнк Тёрнер оставил на моем автоответчике сообщение, что произошла авария. А потом последовали один за другим звонки. Нельсон, Роджер, Клэр, Донна, еще раз Фрэнк Тёрнер и, конечно, неоднократно звонил твой отец. Ты можешь себе представить, что я сделала все, чтобы как можно быстрее вернуться в Блюхэвен.

Я слушала очень внимательно, так как ни одна деталь не должна была ускользнуть от меня. Нельсон, Роджер, Клэр, мой отец, да, даже Фрэнк Тёрнер... все они позвони-

ли Лиз. Только одного человека не хватало в этом списке — точнее, одной.

— А как насчет Вирджинии? Она тебе тоже звонила?

Лиз молчала, нахмутив лоб, и в конце концов покачала головой.

— Нет, Вирджиния не звонила. Я сама попыталась дозвониться до нее, но, разумеется, она не могла мне перезвонить. Ведь все это время она была рядом с Эми.

— Почему, если Эми уже...

Лиз прервала меня.

— Я приехала в Медицинский центр Уэстмилл около часу ночи... — Она на мгновение прижала ладонь ко рту. Этот мимолетный жест явно свидетельствовал о том, как сильно она волновалась. — И в этот момент Эми еще не была мертва, как мне сообщили. Она была жива.

Я слышала слова, но не до конца понимала их смысл. Я лишь почувствовала, как почва окончательно уходит у меня из-под ног. Моя жизнь дала трещину.

Я недоверчиво уставилась на свою тетю. Она покачала головой, как будто сама не могла поверить в то, что только что сказала.

— Да, Эми была еще жива. Она была очень слаба и без сознания, но она все еще жила.

— Как?.. — Я не могла говорить, слова вертелись у меня на языке, но с губ не сорвалось ни звука.

Лиз не смотрела на меня, когда продолжила говорить.

— Вирджиния... она объяснила мне, что никак не могла смириться с потерей такой юной пациентки. Тем более что это была Эми, которая так много значила для тебя и для всех нас. Она сделала все, чтобы реанимировать ее, хотя это казалось безнадежным. Но она знала: пациент окончательно потерян только тогда, когда сдаешься.

В моей голове зазвучал хриплый голос Мисси: *Они ее снова воскресили, ты понимаешь? Так как они это могут. Снова оживлять мертвых.*

— После аварии Вирджиния привезла Эми в лабораторию, где имелось оборудование для катетеризации сердца, там она внутривенно охладила тело Эми и обеспечила снабжение тела кислородом. И ей действительно удалось вернуть Эми к жизни. — Между тем голос моей тети зазвучал монотонно, словно она читала конспект лекции. — Тем временем Энди уже давно ушел домой, Вирджиния сама настояла на этом. Чтобы не подвергать опасности жизнь Эми, она ввела ее в состояние искусственной комы. Чтобы ее организм отдохнул, понимаешь? Итак, когда я приехала в Уэстмилл,

Эми хотя и была еще жива, но находилась без сознания, а примерно через тридцать минут она умерла.

Это действительно произошло: Эми не умерла тогда на дороге. Почему же ни Лиз, ни Вирджиния ни одним словом не обмолвились об этом? Они ничего не сказали об этом. Никому. В этом не было никакого смысла.

— Почему?

Я произнесла лишь одно это слово, но Лиз сразу поняла, куда я клонила.

Она помедлила с ответом.

— Между тем уже весь город знал, что Эми умерла во время аварии. Твой отец сходил с ума из-за беспокойства о тебе. А состояние Эми было крайне неустойчивым. Ей было очень плохо. Что было бы, если бы я поставила вас в известность? Ты питала бы надежду.

— Но ведь здесь речь шла не обо мне! — воскликнула я. — А как насчет Донны? Ее вы тоже обманули. Она не смогла посидеть у постели умирающей дочери, не смогла поддержать ее за руку, поговорить с ней.

Лиз закрыла лицо руками и тяжело вздохнула.

— Да, я должна была сказать вам об этом.

— Тогда почему ты не сделала этого?

Лиз поднялась со своего стула, повернулась ко мне спиной и уставилась в окно, где высокие дубы, словно танцуя, склонялись под невидимым, почти беззвучным ветром.

Она снова повернулась ко мне. На ее обычно безупречно гладком лице неожиданно проступили морщины.

— Однажды я уже пережила нечто подобное, — прошептала она. — Обнадежить кого-то, а потом...

— О чем ты говоришь?

— О том дне, когда умерла твоя мама... — Ей не нужно было заканчивать это предложение, я знала, что она хотела сказать: *...и родилась ты.*

— Мы, твой дедушка и я, уже потеряли Оливию. Мы испробовали буквально все. Уже дюжину раз мы пытались запустить ее сердце, используя дефибриллятор. Палата выглядела как поле боя. Повсюду капли крови, пустые флаконы из-под адреналина. Я позвонила твоему отцу. В этот момент он находился на бензоколонке по пути из Портленда сюда, и я сказала ему, что у Оливии не было ни одного шанса. Он был в полной растерянности. И еще в то время, когда я разговаривала с твоим отцом, ко мне подошел твой дедушка, и я никогда не забуду выражение его лица, когда он сказал:

Она снова с нами. Я вернул мою Оливию к жизни.

Лиз закрыла глаза, и я почувствовала, сколько сил ей потребовалось, чтобы продолжить. Я сама едва могла дышать, мне показалось, что я являюсь свидетелем последних минут жизни моей мамы.

— И, хотя я знала, что опасность еще не миновала, я сообщила Рою радостную весть. Он расплакался от облегчения, сел в машину и поспешил к нам. Он даже забыл оплатить счет за бензин.

Да, это было похоже на моего отца.

— Между тем благодаря нашим усилиям Оливия уже настолько пришла в себя, что реагировала на речь. Уже одно это было настоящим чудом. Тогда среди врачей преобладала теория, что клетки мозга получали необратимые повреждения, если в течение максимум сорока пяти минут пациент не был возвращен к жизни. А твоя мать была в состоянии клинической смерти еще дольше. Когда она пришла в себя, когда очнулась, ее первая мысль была о тебе. Она хотела немедленно видеть тебя... Боже мой, как же она была счастлива. Самым важным для нее было то, что ты родилась здоровой... Сегодня, оглядываясь назад, я иногда думаю, что она знала, что умрет, даже тогда, когда я и твой дедушка еще надеялись, что все закончится благополучно.

Несколько секунд в комнате царила тишина, затем Лиз тяжело вздохнула и тихим голосом продолжила:

— Рой находился в каких-то десяти милях от Блюхэвена... прошло всего лишь несколько минут, однако к тому времени, когда он был на месте, Оливия умерла во второй раз. Понимаешь, если бы он не остановился, чтобы заправиться, он бы застал ее еще живой. И это выражение его глаз, когда я была вынуждена ему сказать... я никогда не смогу его забыть.

Глава 23

У меня пересохло в горле, мои руки были холодными как лед, и мне было плохо. Я сидела, окаменев от горя. Одно мгновение медленно перетекало в другое, и я надеялась, что этот кошмарный сон наконец закончится.

Мой день рождения, день смерти моей мамы. Об этом редко говорили у нас в семье. Оказывается, моя мама дважды умирала во время моего рождения, а я не имела об этом ни малейшего понятия.

Лиз вытащила из коробки чистую салфетку «Клинэкс» и приложила ее к своим глазам.

— Я не могла поступить подобным образом по отношению к Донне, понимаешь, Фэй? Поскольку Эми была ужасно слаба. Я уже тогда предчувствовала...

Она отвела свой взгляд от меня и посмотрела в окно, за которым среди вековых дубов завывал ветер, поднимающий в воздух

опавшие листья, которые парили в небе, словно стаи птиц. Некоторое время она наблюдала за этой картиной, а потом снова повернулась ко мне.

— Я бы отдала все, чтобы Эми справилась, действительно все. — Неожиданно на ее лице появилось выражение неопишуемого гнева. — Она не должна была умереть. Если бы я только быстрее вернулась из Бостона...

Она с такой силой сжала руки в кулаки, что костяшки ее пальцев побелели.

Я закрыла глаза и попыталась прийти в себя. То, что Лиз мне сейчас рассказала, неожиданно показалось мне эпизодом из популярного телесериала, в котором врачи постоянно борются с единственным злом, существующим в их жизни: со смертью. И все сводится к данному вопросу: кто из них окажется сильнее?

— Как подобное возможно, что кто-то так долго может оставаться мертвым, а потом неожиданно снова приходит в себя? — прошептала я. — Как Эми? И... как моя мама?

— Нам самим это кажется чудом, — сказала Лиз, снова разжав кулаки. — И для многих это по-прежнему остается чудом. Но в последние годы выяснилось, что смерть — это процесс. И его можно надолго задерживать, даже на несколько часов после того, как сердце перестало биться. Важно, чтобы

тело было охлаждено. Самый известный случай произошел с женщиной в Японии. Она уже так долго оставалась мертва, что температура ее тела упала до двадцати градусов Цельсия. Тем не менее она выписалась из больницы без каких-либо негативных последствий для организма.

Я почти не слушала, что говорила Лиз. Лишь одна мысль не давала мне покоя. *Если Эми была еще жива, тогда...* Неожиданно слова посыпались из меня сами собой:

— Тогда выходит, что я действительно встретила Эми той ночью! На автобусной остановке. На ней была, да, теперь я понимаю, на ней была больничная рубашка. Она звала меня, но я продолжала бежать, я просто убежала прочь, так как Эми *не могла* быть живой, а поэтому никак не могла находиться в том месте. О боже, я бросила ее в беде, еще до того, когда она была так серьезно больна; я бросила ее в беде в деле с Кэйлебом... И потом она звала меня на дороге, а я просто убежала от нее!

Я запнулась. В моей голове роились мысли, они кружились, сталкивались друг с другом.

В своей надгробной речи я сказала: *Я не верю, что человек может умереть дважды.* Но именно это и произошло с Эми.

Лиз обхватила себя обеими руками странным, каким-то беспомощным жестом,

словно хотела защитить себя от чего-то такого, что уже было невозможно остановить, и она знала это. Прищурившись, она неподвижно уставилась в какую-то точку в комнате.

— Так ты веришь мне или нет? — воскликнула я, но Лиз ничего не ответила, казалось, она совсем забыла о моем существовании.

— Лиз, скажи хоть что-то.

Она подняла голову. В ее взгляде я прочла замешательство и удивление, а потом мне показалось, что она что-то прояснила для себя.

Она пошевелилась, уронила руки и сделала глубокий вдох.

Где-то снаружи в коридоре раздались возбужденные голоса. Громко заплакал грудной ребенок. В дверь постучали, затем дверь приоткрылась, и в дверном проеме показалась голова медсестры.

Лиз нетерпеливо крикнула:

— Не сейчас!

Потом она наконец обратилась ко мне, и в ее голосе прозвучала такая убежденность, что я невольно вздрогнула.

— Нет, Фэй, ты *не могла* встретиться с Эми. Как я уже говорила, после того как Вирджинии удалось реанимировать Эми, она ввела ее в состояние искусственной комы. И даже если бы Эми была в созна-

нии — она не смогла бы встать с кровати, не говоря уже о том, чтобы покинуть Медицинский центр Уэстмилл. Она была слишком слаба для этого. — Лиз опустилась передо мной на колени и взяла меня за руку. — И Вирджиния уверяла меня, что все время оставалась рядом с Эми. Она ни на секунду не выпускала ее из виду.

— Но Эми была там! — воскликнула я. — Она разговаривала со мной. Когда-то той ночью, я понятия не имею, сколько тогда было времени...

Как же это было? Я лежала рядом с Джошем, не спала и сходила с ума от горя. И, да, уже в течение нескольких часов было темно. По моим ощущениям, было где-то около полуночи, когда я встала и покинула дом родителей Джоша. Это было то время, в которое я всегда совершала свои ночные прогулки по Блюхэвену.

Лиз отпустила мою руку.

— То, что ты видела, являлось галлюцинацией. Недостаток сна, шок... Ты и Эми, вы были так дружны, ты хотела ее увидеть, понимаешь? В этом нет ничего необычного. Рассудок создает картину желаемого. Человек, которого ты любишь и который тебе так дорог, возникает перед твоим внутренним взором как мнимое представление. Но твой мозг просто вводит тебя в заблуждение. И в эту ночь он тоже обманул тебя. Эми

не была там на дороге. Она лежала здесь, в Медицинском центре.

У меня по лицу текли слезы. Мнимое представление, которое разговаривало со мной?

Нет, это было невозможно. Для этого все было слишком реалистичным. Металлическая пивная банка, которую я отфутболила прочь — у меня в ушах до сих пор стоит лязг, с которым она покатилась по асфальту. Пластиковый пакет из супермаркета Элисон. Несколько дней тому назад я, возможно, еще поверила бы объяснению Лиз, но тем временем появилось слишком много полуправд, тайн и лжи — плюс к этому сообщение Эми на мобильнике и странные намеки Мисси.

Я сделала несколько глубоких вдохов и выдохов. Я должна была собраться, не должна была сдаваться, мне надо было все хорошенько обдумать.

Мисси.

Мисси знала, что Эми снова очнулась, она дала мне это понять.

— Была ли Мисси той ночью тоже здесь, в Медицинском центре Уэстмилл? — спросила я.

Лиз наморщила лоб.

— Мисси? — спросила она, и я могла поклясться, что ее удивление было искренним. — Как тебе это пришло в голову? Нет,

в ту ночь у нас в стационаре не было других пациентов. И, поверь мне, если бы Мисси была здесь, это знал бы каждый.

Откуда же тогда Мисси узнала, что Эми снова пришла в себя? А что, если Мисси где-то пряталась?

Я умею хорошо прятаться.

Что же в действительности произошло той ночью?

Лиз больше ничем мне не поможет. В ее глазах я всегда читала только один и тот же ответ.

Фэй, которая не спит.

Фэй, мечтательница.

Фэй, которая без медикаментов не может вести нормальную жизнь.

С какой стати Лиз должна была мне верить?

Но я должна была убедиться. Я должна была знать, действительно ли мой рассудок ввел меня в заблуждение и показал мне желаемое.

Перед моими глазами возник образ: загорелое лицо; рыжеватые, зачесанные назад волосы, длинная челка, свисающая сбоку на лоб; карие глаза с нанесенными на веки темными тенями, которые никогда не смотрят прямо на тебя; непроницаемое выражение лица, которое старается не выдать ни одной эмоции.

Вирджиния Доннелли.

Вирджиния оставалась с Эми одна, после того как отвезла ее в Медицинский центр Уэстмилл. Она отослала Энди домой, Лиз сама только что сказала об этом. А Лиз появилась в Блюхэвене гораздо позже. Она не знала, что происходило в предыдущие часы. Или знала только то, о чем ей рассказала Вирджиния?

А что, если Вирджиния лгала? Что, если она все-таки оставила Эми одну и та смогла улизнуть из Медицинского центра?

Постепенно в моей голове начало складываться некое представление, что-то наподобие плана.

«У каждого своя правда», — часто говорил мой отец.

Меня больше не волновало, соответствовало ли правде то, что говорила Лиз. Я должна была найти свою собственную правду — мою и Эми.

Теперь я знала, что мне делать. Я медленно поднялась со своего места, подошла к окну и выглянула на улицу.

— Лиз? — сказала я тихим голосом.

Она тотчас подошла ко мне.

— Да, моя дорогая?

— Я чувствую такую ужасную усталость.

Моя тетя внимательно посмотрела на меня, и если я что-то знала наверняка, так это то, что забота обо мне, отразившаяся на ее лице, не была наигранной. Напротив —

мне показалось, что ни о чем другом она в этот момент и не думала.

Тем не менее ложь очень легко сорвалась с моих губ.

— Ты можешь дать мне какое-нибудь снотворное? — попросила я. — Мне можно остаться здесь на несколько часиков и просто поспать? А потом мы продолжим наш разговор.

На лице Лиз отразилось явное облегчение. Она ни секунды не сомневалась во мне. Да и с какой стати? До сих пор я не давала ей ни малейшего повода сомневаться в том, что я ей не доверяю и не последую ее советам.

Она подошла к шкафу, выдвинула одну из коробок, выдавила из блистера две таблетки и протянула их мне.

— Это хорошая идея, Фэй, — сказала она. — Поверь мне, это тебе поможет.

Я покорно кивнула. Послушно встав, я позволила Лиз отвести меня к кушетке. Я легла на кушетку, а Лиз накрыла меня одеялом, словно я была маленькой девочкой. Так я и улеглась, поджав ноги и плотно прижав руки к бокам, как делала это в детстве.

Затем я привстала, взяла стакан воды, который она мне подала, поднесла руку ко рту, сделала глотательное движение и прополоскала рот.

Потом я снова легла и закрыла глаза. Мое дыхание было глубоким и спокойным.

И только когда моя тетя вышла на цыпочках из комнаты, я разжала ладонь, и обе таблетки упали в щель между стеной и кушеткой.

Мы должны защищать то, что любим.

Иногда люди умалчивают о некоторых вещах, чтобы защитить других. Так поступила Эми, я тоже — да и Лиз также хотела защитить меня и Донну, умолчав о том, что Эми пришла в себя. Она логично и понятно объяснила это. Она действительно была поражена, да, даже, пожалуй, потрясена. Я почувствовала это! Я не могла так сильно ошибиться. Но ведь невозможно защитить другого человека. Тем более от правды. Она сильнее, чем любовь. Если я хотела успокоиться, то должна была принять вызов реальности.

Я откинула одеяло в сторону, сползла с кушетки и подхватила с пола свою сумку. Снаружи доносились шаги и голоса.

Секунду спустя я выскользнула через стеклянную дверь, которая вела к ярко освещенной лестничной клетке, сбежала по ступенькам вниз и повернула налево. Лаборатория № 1, лаборатория № 2, рентгеновский кабинет, радиология... и лаборатория катетеризации сердца. За стеклянной дверью было темно. Лаборатория была закрыта. Это здесь лежала Эми? Этот вопрос гнал меня вперед.

Пока еще меня никто не заметил, и я направилась вниз, в подземный гараж. Воздух здесь внизу — насыщенный выхлопными газами и запахом бензина — был слишком затхлым, а ветер, задувавший сюда через оградительную решетку, поднимал тучи пыли и мусора. Машины Вирджинии на месте не было. Значит, она уже уехала из Медицинского центра.

Я долго не раздумывала, чтобы принять решение. Всю свою жизнь я прожила словно за стеклом, так изолированно, что никакая реальность не достигала меня. Зато теперь она буквально била меня по лбу. Если я собиралась оставить стекло позади, то должна была непременно поговорить с Вирджинией.

И только уже на улице мне пришло в голову, что я забыла нечто важное. Я не показала Лиз эсэмэску, которую Эми прислала мне.

Глава 24

Дом Вирджинии находился на берегу Холодной бухты, недалеко от причала, на котором всегда встречались Эми и я. Вирджиния сняла этот дом, так как это давало ей право пользоваться частным пляжем и стоянкой для яхт. Ее дом находился всего лишь в полутора милях от Медицинского центра Уэстмилл, и дорога была мне хорошо знакома.

В парке, который раскинулся позади Медицинского центра, несколько мужчин в желтых защитных шлемах и в наушниках были заняты рубкой деревьев. До меня долетал запах опилок и свежеспиленного дерева, а пронзительный визг пил преследовал меня даже тогда, когда я пересекала Бэтл-авеню. Он смолк только тогда, когда я бежала вдоль своеобразного туннеля, который образовали деревья с густой листвой, кроны которых смыкались над Мэрин-авеню. До сих пор мне не встретился

еще ни один человек, однако в конце улицы я заметила Кэйлеба, который играл в баскетбол у подъезда к Дому Пенроуза. Он снова и снова бросал оранжевый мяч в деревянный щит, но так ни разу и не попал в корзину. А Джинджер сидела, высоко подтянув ноги, на скамейке и наблюдала за Кэйлебом.

Мне было больно видеть обоих, но гораздо важнее было пробежать мимо них незамеченной.

К счастью, в этот момент из дома вышел профессор и быстрым шагом направился к гаражу. У подъезда он на мгновение задержался и что-то сказал Кэйлебу. Джинджер поднялась со скамьи и направилась к ним. Ветер раскачивал ветви деревьев и продувал насквозь мою одежду. Я помчалась через дорогу и несколько секунд спустя уже исчезла среди деревьев, росших вокруг нашего земельного участка. Мое сердце колотилось в груди, но многолетние тренировки на беговой дорожке средней школы Уэстона окупались сторицей, и я продолжала бежать как одержимая, именно такой я и была в этот момент.

Спустя всего лишь несколько минут я пересекла Коув Роуд и оказалась в раскинувшемся позади шоссе сосновом бору, который протянулся вдоль побережья до самого дома Вирджинии.

Мои распущенные волосы, которые постоянно лезли мне в лицо, приводили меня в отчаяние. Я тщетно искала в карманах своей куртки резинку для волос. Вот у Эми нашлась бы резинка. Наверняка. Она была очень практичной девушкой.

Прошло совсем немного времени, пока ветер не погнал меня вниз к скалистой бухте по крутой, извилистой тропинке, огражденной деревянными перилами. После дождя почва была скользкой, а так как я к тому же сильно нервничала, то мне приходилось постоянно цепляться за перила, чтобы не потерять равновесие.

Когда я действительно один раз поскользнулась, то сразу же вскочила на ноги, а за следующим поворотом тропинки уже показала крыша дома Вирджинии. Небо было затянуто облаками, ветер крепчал с каждой минутой, в то время как море мощными ударами волн заливало берег.

Маленькая стоянка для яхт лежала левее и отсюда была не видна, вместо этого открывался вид на морской берег, которому штормовая ночь нанесла существенный урон. Прилив принес с собой множество сучьев и разного мусора. Стая чаек опустилась на один из скалистых утесов и в ожидании добычи пронзительными криками оглашала окрестности. В этом месте бухты прибой с особой силой бился о скалы, ко-

торые были не видны под водной поверхностью. Нас всегда предостерегали от прыжков в воду в этом месте со скал, расположенных выше. Тем не менее мы делали это, не ведая страха и чувствуя себя непобедимыми.

Так больше никогда не будет. Эми была мертва. И теперь я точно знала: она умерла не один раз, а дважды. Под подошвами моих кроссовок громко хрустел гравий, когда я направилась к дому Вирджинии, установленному для защиты от прибоя на высокие сваи. Я сразу же отметила самое важное: красная спортивная машина Вирджинии стояла на единственной подъездной дорожке к ее дому. Когда я пробежала мимо нее, то заметила на заднем сиденье серебристый чемоданчик со всем необходимым для оказания скорой медицинской помощи, без которого она никуда не выезжала. Мне всегда казалось, что, кроме этого чемоданчика и яхты, у Вирджинии ничего больше не было.

Со стороны дома, которая была обращена к дороге, три узкие белые деревянные ступеньки вели прямо к широкой, красной входной двери, которую обрамляли два самшитовых дерева. Над плоской шиферной кровлей находился мансардный этаж меньшего размера, который, казалось, состоял только из одного фронтона крыши.

Мои шаги прозвучали приглушенно на лестнице, а затем на стертых досках веранды. На первый взгляд дом казался ухоженным, однако в лучах солнечного света я заметила паутину в балках перекрытия выступающей над стеной части крыши, а пол веранды, которая шла вокруг всего дома, был покрыт ковром из опавших листьев.

Порыв ветра швырнул мне в лицо несколько сухих, скрученных в трубочку листьев и заставил меня стучать зубами от холода. Несмотря на волны, бившиеся о скалы, в воздухе висела какая-то странная тишина.

Ставни были закрыты. Я обошла дом сбоку, тщетно пытаясь что-то разглядеть сквозь щели в деревянных ставнях.

Я еще никогда не бывала в этом доме, что показалось мне довольно необычным, если подумать о том, что Вирджиния жила в Блюхэвене уже пять или шесть лет. Собственно говоря, и в остальном я знала о ней совсем немного, только то, что Лиз всегда отзывалась о ней как о враче с уважением. Она была работоспособной и обладала аналитическим складом ума, что позволяло ей быстро поставить диагноз своим пациентам. Лиз также с восхищением говорила о фотографической памяти Вирджинии, что являлось большим преимуществом для инновационных методов лечения.

Меня охватило неприятное чувство. Какое значение имела фотографическая память, когда речь шла о том, чтобы спасти жизнь? Жизнь Эми?

Тяжело дыша, я остановилась и наклонилась вперед. От быстрого бега у меня колело в боку и зашкаливал пульс.

Когда я снова выпрямилась, то мой взгляд уперся в иллюминатор на входной двери, и у меня мелькнула мысль, не наблюдает ли сейчас Вирджиния через него за каждым моим шагом.

Как я должна была относиться к ней? Почему я не испытывала никакой благодарности? Ведь, в конце концов, она не сдалась и снова вернула Эми к жизни. Однако у меня в душе была только горечь, да, даже ярость.

Вот только я не должна была совершать ту же самую ошибку, как в разговоре с Лиз. Будет лучше, если я буду сохранять спокойствие и ничего не скажу о своей встрече с Эми на автобусной остановке. В противном случае Вирджиния, как и моя тетья, прочтет мне медицинский доклад об идиопатической инсомнии, шоковых состояниях и галлюцинациях. Насколько я знала Вирджинию — высокомерную и замкнутую, — она была последним человеком на земле, который сможет понять мои страхи.

Последний глубокий вдох, с которым я вызвала перед своим внутренним взором образ Эми и на миг задержала его. Затем я постучала.

Но никто не открыл дверь.

Кроме яростного порыва ветра, дважды обогнувшего дом и растрепавшего кусты, не было заметно никакого движения. Я постучала еще два раза, наконец я сделала то, что делают у нас в Блюхэвене, когда никто не открывает дверь.

Округлая дверная ручка повернулась легко, без малейшего сопротивления. Я остановилась в дверях. Козырек над дверями создавал густую тень, поэтому я могла различить лишь контуры мебели, стен и висящих на них картин.

Безупречный больничный порядок... повсюду. И нигде не видно ни одного человека. Легкое движение заставило меня замереть на месте, пока я не поняла, что это были всего лишь задернутые шторы, которые надулись от возникшего сквозняка. Здесь царил странный полумрак. Я пошатнулась, и у меня возникло чувство, что пол уходит у меня из-под ног, а затем странное звучание вывело меня из равновесия.

Звуки казались болезненно знакомыми. Именно эта мелодия разбудила меня той ночью, когда все началось, а потом я снова услышала ее в ночь после того, как умер-

ла Эми, а моя жизнь в мгновение ока рухнула.

Сначала в моих ушах было только это тихое звучание, которое длилось довольно долго, наконец, оно стало нарастать, пока к нему не добавились другие звуки, и все не слилось в законченную, гармоничную мелодию. Как будто пели воздух, зыбь на воде и земля под моими ногами. Пока это гармоничное созвучие не стало невыносимым.

Я сделала несколько быстрых шагов вперед и наткнулась ногой на что-то хрупкое, что разлетелось на куски. На полу валялись осколки стекла. В темноте я не заметила огромную напольную лампу.

Я ожидала услышать поспешные шаги со второго этажа на первый и была уверена, что сейчас появится Вирджиния со своим типичным выражением категоричности и замкнутости на лице и со своей привычкой подвергать все сомнению.

— Вирджиния? Это я, Фэй! — громко крикнула я.

Но кругом все оставалось тихо, кроме этих странных звуков, которые отражались от стен и от которых у меня по спине бегали мурашки. Они являлись для меня настоящей загадкой, как загадкой было и то, почему я оказалась не в силах освободиться от этого призрачного мира. Что-то увлекало меня все глубже в этот туннель ужаса.

Меня окружали краски, которые становились все ярче. Казалось, что предметы изменяли свою форму — или нет, они просто растворялись в воздухе. Передо мной расстилались ландшафты, словно какая-то неведомая зловещая сила их растягивала. Передо мной вилась узкая тропа, она уходила в бесконечную даль среди высоких деревьев. Я хотела повернуть назад, но с каждым шагом, который я делала вперед, сучья и листва сплетались в непроходимую чащу. Деревья сдвигались все ближе, образуя сплошную стену, которая преграждала мне обратный путь.

Что происходило со мной?

На долю секунды я увидела саму себя сверху, как я цеплялась за дверную раму. Последовавший затем тихий щелчок вывел меня из этого состояния. Мелодия оборвалась.

Когда стало тихо, я стояла в полном оцепенении. Я могла слышать свое дыхание и уже хотела пойти дальше, как все началось сначала. Словно кто-то нажал на кнопку «Repeat».

Эта мысль позволила мне очнуться. Пошатываясь, я огляделась вокруг и мгновение спустя подошла к металлической полке, где мигала красная лампочка музыкального центра. Дрожащими пальцами я с трудом нашла нужную клавишу, но, в конце концов, мне

это удалось. Когда наступила тишина, я почувствовала избавление от наваждения. Мой пульс успокоился, и напряжение в моей голове исчезло.

Получается, что эту мелодию я не внушила себе, она действительно существовала. По-видимому, когда-то и где-то я уже слышала ее и она засела у меня в голове. Эта мысль принесла мне огромное облегчение.

— Вирджиния? — еще раз позвала я теперь уже смелее и повернулась. Но на мой крик снова никто не ответил.

Сегодня был обычный рабочий день; собственно говоря, Вирджиния должна была дежурить в Медицинском центре Уэстмилл, но музыкальный центр был включен, ее машина стояла на подъездной дорожке у дома, и я видела ее чемоданчик для оказания скорой медицинской помощи.

Слева от меня была лестница, ведущая на верхний этаж; находившаяся за ней деревянная стойка отделяла мини-кухню от жилого помещения. Справа между двумя белыми деревянными колоннами были расставлены диван и два удобных кресла, развернутых в сторону плоскоэкранного телевизора, еще большего, чем тот, что стоял в комнате Кэйлеба. Длинный кабель вел к наушникам, лежавшим на диване. Складывалось впечатление, что кто-то только что был здесь и лишь на минутку вышел из дома.

— Вирджиния? Ты здесь? — попыталась я в последний раз, уже не надеясь больше на ответ.

Белый дизайнерский стол у окна со сверкающей полированной столешницей был пуст. Нигде не было видно посуды, нигде не лежали журналы или хотя бы какие-нибудь предметы одежды.

Я и сама не знала, что именно побуждало меня к действию. Я взбежала по лестнице вверх, одну за другой распахнула имевшиеся там двери.

Спальня, гостиная, гардеробная, ванная.

И никого.

Все педантично прибрано и натерто до блеска. И никакого следа Вирджинии. Весь дом будто вымер.

В полной растерянности я начала медленно спускаться вниз, не понимая, что же мне теперь делать. На середине лестницы я остановилась. Отсюда я могла окинуть взглядом все просторное помещение на первом этаже. До сих пор я думала, что внизу нет других комнат, но я ошиблась, так как теперь я заметила позади мини-кухни проход.

Я сбежала по ступенькам вниз и, миновав кухонную стойку, оказалась перед дверью, которую, недолго думая, распахнула.

В этом помещении царил настоящий хаос. На светлом дощатом полу валялись бумаги, словно кто-то в припадке гнева смахнул их

со стола. Распечатки с компьютера, змейки рулонной бумаги, объемные документы на бумаге формата А3, между ними листки с заметками, выполненными неразборчивым своеобразным почерком Вирджинии, писавшей без наклона.

Я осторожно переступила через валявшиеся на полу бумаги и подошла к столу, на котором стоял раскрытый ноутбук. Рядом с ним лежали несколько книг, в которых маркером были выделены отдельные абзацы, а их страницы были заложены разноцветными самоклеющимися листочками. Мои пальцы дрожали, когда я взяла их в руки.

И если на самоклеющихся листочках не было упомянуто имя Эми, то я наткнулась там на другое имя — Фабьяна Нуньес, — которое мне вообще ни о чем не говорило.

Я несколько минут сидела посреди этого хаоса и раздумывала, что же мне с этим делать. Неожиданно для меня самой моя голова резко повернулась в сторону кухни, как будто я испугалась, что Вирджиния материализуется из пустоты у меня за спиной. Но кухня по-прежнему была пуста, а царившая вокруг тишина помогла мне немного успокоиться.

Сначала я должна была понять, что именно здесь нашла. Теперь я принялась за дело систематично. Было очевидно, что здесь речь шла исключительно о медицинской

документации. Результаты лабораторных исследований, записанные от руки результаты обследования, названия медикаментов с различными дозировками, электрокардиограммы, анализы крови, вдобавок ко всему эти большие распечатки. Мне сразу стало понятно, о чем здесь шла речь: о снимках МРТ головного мозга Эми. У меня самой имелась целая куча подобных снимков моего головного мозга, так как Лиз не теряла надежды найти причину нарушения моего сна в моей голове.

Но зачем сделали снимки мозга Эми, если она страдала от миокардита, от болезни сердца?

Я в третий раз просмотрела все документы, обращая внимание на этот раз на дату и на время. Цифры и буквы расплывались у меня перед глазами, мне становилось все труднее концентрироваться. Мое дыхание стало прерывистым, и мучительное «нет» было готово сорваться у меня с языка. Снова и снова я бормотала: «Нет, нет, нет».

Здесь было именно то, что я искала, но самое худшее заключалось в том, что я не была особенно удивлена. У меня возникло такое чувство, что я искала только последнюю недостающую крошечную частицу мозаики.

Некоторые результаты обследования, в том числе и анализы крови, относились

ко времени до направления Эми в клинику в Бостоне. Другие были датированы 31 августа 2015 года, тем днем, когда Эми еще раз была у Вирджинии для дополнительного контроля.

Однако снимки МРТ были сделаны 1 и 2 сентября 2015 года, а именно: в 21.45 и в 22.29 1 сентября и в 00.22 2 сентября. Кроме того, я нашла дешифровки различных кардиограмм, которые однозначно свидетельствовали о том, что Вирджиния лгала. И хотя действительно вскоре после прибытия в Медицинский центр Уэстмилл Эми все еще была жива, но Вирджиния не сразу ввела ее в состояние искусственной комы, а, очевидно, в течение нескольких часов мучила ее своими исследованиями. Сердце Эми останавливалось еще два раза, и дважды Вирджинии удавалось реанимировать ее, пока, наконец, после прибытия Лиз в клинику Эми уже было невозможно спасти.

Какое-то время спустя я вздрогнула от испуга, когда снаружи закричала чайка. Ее крик был похож на рыдание ребенка, и это вернуло меня к действительности.

Лиз была права. И мой отец был прав. Почему я не придерживалась данных обещаний и договоренностей? Зачем я вообще пришла сюда? Это дело казалось мне слишком ужасным, слишком страшным, чтобы я могла постичь его суть.

Неожиданно осознав, что в любой момент меня может вырвать, я бросилась вон из дома, сбежала по деревянным ступенькам вниз и упала на колени. Меня стошнило, но, поскольку мой желудок был пуст, не вышло ничего, кроме горькой желчи.

Когда я снова поднялась на ноги и тыльной стороной ладони вытирала рот, это сразу бросилось мне в глаза. Красная полоска на темной, волнующейся поверхности моря магически притягивала к себе мой взгляд. Яхта Вирджинии «Побег» отвязалась от причала и качалась на высоких волнах метрах в пятидесяти от берега.

Я не только выросла в портовом городе, но еще ребенком ходила под парусом вдоль побережья с семьями Джоша и Кэйлеба. Кроме Лиз, у них у всех были свои яхты. Я достаточно разбиралась в яхтах, в хождении под парусом и в каверзах моря, чтобы сразу понять: там что-то было не так.

В небе кружились чайки и громко кричали.

Флажок на корме яхты развевался, и в то время как красный корпус судна дико качался на волнах туда-сюда, а порывистый ветер дул в паруса, на самом деле яхта почти не двигалась... Как будто она все еще была связана с причалом, но ведь это было просто невозможно, так как для этого она отплыла уже слишком далеко от берега.

Нос яхты указывал в сторону горизонта, который становился все темнее. Порывы ветра один за другим ударяли в паруса, однако яхта не двигалась вперед, и волны швыряли ее туда-сюда. Было заметно, что по сравнению с кормой носовая часть судна лежала глубже в воде.

А потом я заметила на фоне желтых парусов темный силуэт, который то появлялся, то снова исчезал. Вирджиния? Была ли это Вирджиния? Находилась ли она там на яхте? Я не была абсолютно уверена в этом.

Вирджиния считалась яхтсменкой экстра-класса, она принимала участие в бесчисленных регатах, а ее «Побег» был не какой-то обычной яхтой, на которой совершают короткие морские прогулки. На этой яхте можно было смело отправляться в кругосветное путешествие, так заявила Вирджиния во время одного из обедов.

Я помчалась к стоянке яхт, а потом вдоль причала до самого конца. И только теперь я наконец поняла, что же там происходило. «Побег» медленно тонул.

— Вирджиния! — крикнула я.

Ветер отнес мои слова назад ко мне. Его свист и рев, шум моря отдавались эхом у меня в ушах.

— Вирджиния?

Темная тень, выделявшаяся на фоне желтых парусов, качалась вместе с мачтой туда-

сюда, словно следовала ее движениям. Что она собиралась делать? Эта загадка задержалась в моей голове лишь на мгновение, и тут же ее сменил другой вопрос: что собиралась делать *я сама?*

У меня не было плана, все произошло неосознанно, интуитивно, я почувствовала опасность, и одновременно меня побуждало к действию желание оказаться лицом к лицу с Вирджинией, призвать ее к ответу, бросить ей в лицо обвинения, которые бушевали у меня в голове.

От названия яхты теперь возвышались над водой только белые буквы «...бег». Мачта накренилась немного вперед, корма поднялась, а носовая часть резко опустилась вниз, как будто что-то изо всех сил потянуло ее вниз, стараясь поставить яхту вертикально.

Я сбросила с себя куртку, сорвала с ног кроссовки и прыгнула в воду. Вода сомкнулась над моей головой, и вместе с ней холод тысячью иглами впился в мое тело. Когда я вынырнула, то увидела, что «Побег» еще сильнее погрузился в морскую пучину. Борясь с сильным волнением моря, я поплыла кролем. Ледяная морская вода попадала мне в рот и в уши. Я слышала свое прерывистое дыхание при выныривании, в то время когда волны бросали меня туда-сюда, как бревно.

Я считалась очень хорошей бегуньей, довольно хорошим пловцом, даже была пловцом-спасателем, и не боялась моря. Но я, по меньшей мере, также хорошо чувствовала, когда море слишком бурное и опасное для заплыва — именно таким оно и было теперь. В нормальных условиях я бы ни за что на свете не решилась на подобное. Только сейчас я осознала, что, собственно говоря, здесь делала и кого пыталась спасти.

Я снова и снова приходила к одному и тому же выводу: Вирджиния была виновна в смерти Эми. Она не позаботилась о том, чтобы ее организм отдохнул. Она обманула Лиз, когда утверждала, что несколько часов перед своей смертью Эми находилась в состоянии искусственной комы. Бумаги на ее столе свидетельствуют об обратном. Эми несколько раз приходила в себя. *А что, если ей все-таки удалось сбежать от Вирджинии?* — снова и снова спрашивала я себя. Возможно, иногда Вирджиния все же оставляла ее одну? Только она могла дать мне ответ на этот вопрос.

Сколько гребков я уже сделала? Быстрый взгляд назад, и мне стало ясно, что до сих пор я отплыла от причала только на несколько метров. Ледяная волна окатила мое лицо, от соленой воды у меня защипало в глазах. Мне показалось, что кто-то стоял в самом начале причала, какая-то худень-

кая фигура в красном, развевающемся на ветру платье. Еще я успела заметить длинные волосы, в которых запутался ветер. Но в следующее мгновение пена и серая вода снова сомкнулись над моей головой. Потеряв ориентацию, я погружалась в черную пучину и никак не могла понять, где верх, где низ. Пронизывающий холод проникал в мое тело. Я принялась изо всех сил бить руками и ногами. Прорвалась сквозь толщу воды, вынырнула на поверхность, жадно хватая ртом воздух, и снова ушла с головой под воду.

Меня охватила паника.

Ярость.

Эми.

Эми, что ты пережила в ту ночь?

Как обезумевшая я начала грести руками и снова выплыла на поверхность. На этот раз мне удалось удержать голову над водой. Волны перекатывались через меня, так что мне приходилось постоянно отплевываться, но мои руки и ноги двигались сами собой, с каждым гребком приближая меня к цели: Вирджинии.

Вероятно, я проплыла еще четыре или пять метров, когда снова увидела яхту. Она танцевала на волнах, взлетая вверх и снова опускаясь вниз, следующая мощная волна подняла яхту вверх, а когда она опустилась на воду, то ее носовая часть ушла еще глуб-

же под воду. Было ясно, что яхта, мачта и паруса долго не выдержат натиск воды. Вирджинии нигде не было видно, если она вообще оставалась еще на борту.

Меня окатила следующая волна, и в этот момент я с ужасом осознала, какая серьезная опасность грозила мне самой.

А везде и всюду не было никого... кроме... я оглянулась... хрупкая фигура исчезла. Мое сердце колотилось как сумасшедшее и на краткий миг прогнало онемение конечностей.

Однако я не повернула назад. Я просто не сделала этого. Вместо этого я с удвоенной энергией продолжала сражаться с бушующим морем, не выпуская из глаз красный корпус яхты.

Мне оставалось проплыть всего лишь несколько метров. Я не имела права сдать, не имела права утонуть. Я не думала больше ни о чем другом, а только о расстоянии, которое оставалось между мной и красной полоской, на которой можно было прочесть оставшиеся от названия яхты две последние буквы «...ег».

А потом я услышала и другие звуки. Треск дерева, шипение, которое издавали паруса, и угрожающий скрип мачты, когда она наклонялась слишком сильно.

Носовая часть яхты уже полностью скрылась под водой. В кольце из пены потерянно

дрейфовали отдельные предметы. Красное пластиковое ведро, взлетавшее на волнах вверх и вниз. Шляпа от дождя и один-единственный резиновый сапог.

Еще три гребка, на которые, казалось, ушла целая вечность, и я добралась до кормы. Моя рука потянулась вверх, и я ухвати-лась онемевшими пальцами за ледяные поручни.

Я никак не ожидала, что будет так тяжело выбраться из воды, которая никак не хотела отпускать меня и тянула вниз. Мои руки снова и снова соскальзывали со скользкой металлической штанги. Охваченная паникой, я все сильнее хваталась за нее, и в какой-то момент мне действительно удалось подтянуться наверх.

«Побег» нещадно болтало из стороны в сторону, я могла передвигаться по палубе только на четвереньках, и вода постоянно перехлестывала через борт. Прошло несколько секунд, прежде чем мне удалось, наконец, заметить темные очертания фигуры под парусом. На ней был темный дождевик, ее голова, прислоненная к мачте, странно свешивалась вниз, а ее волосы кружились в бурлящей воде, как клубок шелковых нитей.

— Вирджиния? — позвала я. — Вирджиния...

Был ли это ответ, который она хотела дать мне? Я подползла ближе, снова позвала Вирджинию по имени, ее рот пришел в движение, ее губы пытались произнести какие-то слова...

Неожиданно раздался оглушительный грохот, я услышала громкий треск, скрип, меня отбросило в сторону. Что-то твердое ударило меня по голове, и я провалилась в темноту, как будто снова ушла под воду.

Глава 25

Я не спала. Это состояние было чем-то другим. В моей голове непрерывно выла сирена, и меня продувало насквозь ледяным ветром. При каждом вдохе моя грудная клетка побрякивала, словно мои легкие были заполнены осколками льда. Мне показалось, что кто-то склонился надо мной.

Кто-то поднял мои веки, и яркий свет ударил мне в глаза. Затем я снова погрузилась в темноту. Мои пальцы искали одеяло, я снова и снова хватала воздух, пока сильные руки, словно тисками, не обхватили мои запястья и не прижали мои руки вниз.

Голоса. Они отдавали простые приказы.

Мы должны держать ее в тепле, услышала я чей-то голос. Холодный поток воздуха снизу. Что-то подсунули мне под ступни, и сразу после этого они начали зудеть. Я представила себе, что именно так бывает, когда армия муравьев забирается тебе под кожу.

Стук дверей, шаги, шелест. Что-то во мне все сильнее протестовало против этих фраз, произносимых шепотом, и против шумов, раздававшихся вокруг меня. От невыносимой жажды у меня пересохло в горле. На моих губах ощущался привкус соли.

Я лежала в кровати, которая не была моей. Матрас был жестким на ощупь, а одеяло пахло стиральным порошком с резким запахом, который, по-видимому, на девяносто процентов состоял из какого-то дезинфицирующего средства. Я приоткрыла глаза, но каждый, даже совсем слабый, проблеск света вызывал волну головной боли, которая, как паутина, опутывала всю мою голову.

Какое-то время я находилась в полубытии.

Разве она не должна была уже давно проснуться?

Дай ей время. Она испытала шок.

Где я находилась?

Мои веки дрогнули. Я плотно сжала их, а потом попыталась открыть глаза, и мне это наконец удалось. Мой взгляд уперся прямо в хромированную стойку. С крючка свешивался пластиковый мешочек. Прозрачная жидкость капля за каплей скатывалась вниз по трубочке и исчезала под толстым пластырем на моей левой руке.

Я находилась в больничной палате. Из окна слева от меня в просвете между не-

плотно задернутыми шторами виднелось дождливое небо, по которому плыли облака. Эти шторы были мне хорошо знакомы. Ярко-желтые. Лиз говорила, что желтый — самый позитивный цвет. Он успокаивает пациентов.

Я находилась в Медицинском центре Уэстмилл.

— Слава богу, ты наконец проснулась. Мы так о тебе беспокоились.

Голос испугал меня. Рядом с хромированной стойкой появилась Лиз в своем белом врачебном халате. Она постучала пальцем по пластиковому мешочку и проверила скорость истечения жидкости. Потом она пригладила одеяло и присела на кровать рядом со мной.

— Я ужасно хочу пить, — прохрипела я.

Она поднесла к моему рту стакан с черно-белой соломинкой. Я жадно втягивала тепловатую воду и никак не могла напиться, пока она не убрала стакан.

— На первый раз достаточно, дорогая.

Я вновь опустила голову на подушку. Последовавшая боль была просто невыносимой. Перед моими глазами заплясали черные точки. Левой рукой я осторожно потрогала свой затылок и нащупала неровное, голое место. Мне показалось, что туда впивались тысячи иголок.

— Ты получила сильный удар по голо-

ве, — осторожно пояснила Лиз. — Мы провели компьютерную томографию, чтобы исключить перелом черепа и кровоизлияние в мозг. Тебе крупно повезло.

Прекрасное слово. Повезло.

— Что произошло? — хриплым голосом выдавила я.

Она не спускала с меня своих кротких глаз.

— Ты чуть было не утонула.

— Утонула?

Лиз утвердительно кивнула.

— И твой отец чуть не умер от волнения за тебя.

— Где он?

— Пошел за стаканчиком кофе. Сейчас вернется сюда.

Папа. От мысли о нем сразу стало теплее на душе, спокойнее. Лиз и папа позаботятся обо мне. Как всегда. Был ли Джош тоже здесь?

На какое-то время я снова впала в своего рода полузабытье, но тотчас снова очнулась. Что сказала Лиз? Я чуть было не утонула? Что же произошло? Как я попала сюда?

— Сколько времени я уже здесь? — тихо спросила я.

Лиз посмотрела на свои наручные часы.

— Они вытащили тебя из воды три часа тому назад. — Она взяла меня за руку и посмотрела мне в глаза. — Что ты помнишь?

Я попыталась сосредоточиться. Сначала хотела вспомнить какие-нибудь мелочи. Произошло что-то ужасное. Я отчаянно пыталась сложить в единое целое отдельные кусочки мозаики, кружившиеся у меня в голове.

Меня зовут Фэй Мейсон...

Мне шестнадцать лет...

Я хожу в среднюю школу Уэстона...

У меня в голове начали всплывать отдельные обрывки воспоминаний. Эми! Эми попала в аварию, и она была... о боже, Эми была мертва. Я присутствовала на ее похоронах, Джош, Джош пошел туда вместе со мной.

Вот только... где был Джош? Почему он не был рядом со мной?

— Тсс, — сделала Лиз, когда я спросила ее об этом. — Отдохни. Главное, что ты жива. — Она показала на капельницу. — Ты получаешь болеутоляющее и кое-что для успокоения. Сейчас ты снова уснешь, а когда проснешься, почувствуешь себя гораздо лучше.

Почему она не могла просто сказать мне, что же именно произошло? Но у меня не было сил протестовать. Глаза слипались, я с трудом снова открыла их и еще успела заметить, как тихо отворилась дверь и вошел мой отец, который подошел к кровати и поцеловал меня в лоб.

— О чем ты только думала при этом?

Я не ответила ему, так как откуда мне было это знать, ведь я абсолютно ничего не помнила.

Сон был сплошным кошмаром. Снова эта мелодия. Снова в ней звучало что-то вызывающее печаль, тревогу и волнение, нечто такое, перед чем я испытывала страх. На меня устремилась лавина картин. Стопки бумаг, на которых было написано имя Эми. Шторы, которые колыхались от ветра. Красная яхта, желтые паруса которой надувались попутным ветром.

Ты должна всего лишь проснуться, Фэй, нашептывал чей-то голос.

На самом краю моего сознания возникли смутные контуры, отдельные лица, которые склонялись надо мной. Мне показалось, что я узнала не только своего отца и Лиз, но и Фрэнка Тёрнера.

Окончательно проснуться мне мешал прежде всего запах. Тяжелый, сладкий запах роз. И у меня мелькнула мысль: кому в голову могла прийти идея подарить мне розы? А потом возник голос, который прошептал мне прямо в ухо: *Ты нечто совершенно особенное, Фэй.*

Неожиданно запах роз исчез, и теперь в комнате пахло только страхом. И этот страх погнал меня назад в темный, тихий мир забвения.

В какой-то момент я прорвалась сквозь пелену серого тумана, и когда снова пришла в себя, то обнаружила, что папа держал меня за руку.

Я тихонько заплакала, сама не понимая, почему плачу.

— Хорошо, моя малышка, — утешил он меня, и возникшее вдруг желание снова стать маленькой четырехлетней девочкой и знать, что папа решит все твои проблемы, на какое-то время действительно успокоило меня. — Все будет хорошо, Фэй.

Я попыталась полностью прийти в себя, принялась считать свои вдохи, следя за тем, чтобы дышать глубоко и равномерно, и постепенно моя голова прояснилась. Но уже мгновение спустя я пожалела об этом, так как на меня нахлынули и другие воспоминания.

Эми... Эми была мертва, Люк, «Логово Дракона»... Лиз, ее кабинет. Снова и снова и повсюду эта мелодия. Потом искаженные, причудливые картины... Снимки мозга. Даты, время...

Конец.

Я никак не могла продвинуться дальше.

Когда бы я ни начинала сначала, всякий раз я натыкалась на одну и ту же черную стену, через которую не могла пройти. Я все еще никак не могла вспомнить, как попала сюда, не говоря уже о том, почему я чуть было не утонула.

— Где Джош? — снова спросила я шепотом.

— Я этого не знаю. — Мой папа печально смотрел на меня. — Дорогая, я бы все отдал за то, чтобы он оказался здесь. Он прислал Клэр лишь короткое сообщение, чтобы она не беспокоилась. С тех пор нам не удается связаться даже с его автоответчиком.

Колющая боль пронзила мою голову, одновременно с этим у меня мелькнула мысль, которая во всем этом хаосе неожиданно оказалась абсолютно четкой. Джош просто больше не хотел отвечать на звонки.

В этот момент дверь распахнулась, вошла Лиз и сразу же села рядом со мной на кровать. Она взяла мою руку в свою и поцеловала ее.

— Дорогая, как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — осторожно ответила я, словно проверяя, так ли это на самом деле.

Лиз отпустила мою руку. Внешне она выглядела спокойно, но то, как она принялась расправлять рукава своей блузки под белым халатом, свидетельствовало об обратном. Она сильно нервничала, и что-то явно ее угнетало.

Лиз еще раз пожала мою руку, потом встала и прошла на цыпочках в другой конец палаты к моему отцу. Я слышала, как они шептались, но разобрала только отдельные слова: «Фрэнк Тёрнер» и «допрос».

Мой отец решительно покачал головой. На его лице отражалось напряжение последних дней и глубокая тревога обо мне. Охотнее всего он бы сгреб меня в охапку и увез отсюда.

Просто представь себе такое место, где каждый день светит солнце и каждую ночь над тобой висит небо, полное звезд.

Когда я была маленькой, папа всегда пытался этими словами отвлечь меня от моих кошмарных снов.

Однако такого магического места не существовало.

Оно больше не могло меня защитить. Для этого уже было слишком поздно.

— Вирджиния. — Мой голос все еще звучал хрипло, но оба сразу повернулись ко мне. — Я была у Вирджинии дома. — Постепенно воспоминания возвращались ко мне, становясь все более четкими. — Я нашла документы. Вирджиния что-то сделала с Эми, да?

Лиз снова подошла ко мне.

— Ты снова вспомнила?

В ее взгляде читалось беспокойство, отчаяние.

— Вирджиния... она... сделала что-то ужасное, — прошептала я.

Неожиданно мой отец очнулся от своего оцепенения, подошел к кровати, сел и крепко обнял меня за плечи, словно не хотел никогда больше отпускать.

Я была не в силах произнести следующие слова. Я прижалась лицом к его плечу. От него пахло знакомым запахом «Новой Ложки». Вероятно, никому в мире запах забега-ловки не напоминал детство, утешение, до-верие. Но для меня он означал именно это.

— Она... это *она* убила Эми?

Дрожь, охватившая моего отца, переда-лась и мне. Я слишком хорошо знала его. Он не мог скрыть от меня свой страх.

— Вы не понимаете? Я должна знать это.

В моем поле зрения появилась Лиз.

— Дорогая, полиция еще расследует это дело. Но действительно все выглядит так, словно Вирджиния... не помогла Эми, а...

А что?

Покинутый, мрачный дом на берегу, вы-чищенный до блеска. Пустые комнаты. От-четы, в которых на основании анализов кро-ви, записей электрокардиограмм и снимков МРТ были задокументированы последние часы жизни Эми. Перечисленные в хроноло-гическом порядке даты, тщательно, да, даже педантично собранные данные.

— Что она сделала? — шепотом спроси-ла я.

— Это моя вина, — сказала Лиз. Я за-метила темные фиолетовые тени под ее глазами, а обычно тщательно нанесенный макияж был размазан. — Я должна была намного раньше заметить это. Честолюбие

Вирджинии. Ее выдающиеся способности. Я внушила себе, что она была довольна жизнью здесь, в Блюхэвене. Что она действительно хотела помочь людям, а не стремилась сделать блестящую научную карьеру. Я думала, она действительно полюбит то, чем занималась. Как я сама. Зачем же тогда она решила зарыть свой талант в землю? — Лиз посмотрела в окно, закрыла глаза, прикоснулась кончиками пальцев к вискам. — Она постоянно убеждала меня в этом, и я ей поверила. При этом все эти годы она притворялась передо мной, перед всеми нами.

Мой взгляд задержался на пластиковом мешочке с физраствором. На долю секунды капля прозрачной жидкости повисла на кончике пластикового стержня, пока не стекла по трубочке в мою вену и не образовалась следующая капля.

С воспоминаниями о доме Вирджинии происходила точно такая же картина — они словно пузыри появлялись во мне. Одно за другим. Сердце Эми то и дело отказывало, а Вирджиния снова и снова возвращала ее к жизни. Но действительно ли она хотела, чтобы Эми осталась жива?

— Она могла бы жить! — По моим щекам потекли слезы. — Эми могла бы жить, ведь так? Но Вирджиния не допустила этого. Она не заботилась о том, чтобы организм Эми

отдохнул. Вместо этого она мучила Эми своими исследованиями.

Я была права. Лиз не нужно было ничего говорить. Я смогла прочесть правду по ее лицу.

Мой отец сидел на стуле, наклонившись вперед и закрыв лицо руками.

— Папа?

Он на миг оторвал руки от лица и покачал головой.

— Эми? — простонала я. Папа снова обнял меня за плечи. Из моих глаз струились слезы, мокрые и соленые, я никак не могла остановить их.

Я представила себе Вирджинию, как она склонилась над Эми, которая открыла глаза. Я не понимала, почему она сделала это, но теперь для меня было важно только одно.

— Лиз, скажи мне. Можно было спасти Эми?

Теперь Лиз тоже расплакалась.

— Никто не может утверждать это с полной уверенностью. Но Эми была невероятно сильной. Да, я думаю, что у нее был шанс. Ее организм смог бы восстановиться, если бы Вирджиния действительно сразу ввела ее в состояние искусственной комы, как она утверждала.

Я снова мысленно вернулась к своей встрече с Эми на автобусной остановке той

ночью. Было ли такое возможно? Хватило бы на самом деле у Эми сил сбежать от Вирджинии? Она сбежала от своей мучительницы, так как ей нужна была помощь? И как же бесконечно велика была бы моя вина, если бы так было в действительности?

Мы долго сидели вместе, держались за руки и молчали, думали об Эми, о ее жизни, о том, какой бы она могла быть.

— Что с Вирджинией? — шепотом спросила я наконец. — Где она сейчас? Ее арестовали?

Мой отец энергично потер свой лоб.

— Ее нашли мертвой под мачтой «Побега». Фрэнк Тёрнер исходит из того, что из чувства вины она покончила с собой... Ты пыталась остановить ее. И при этом рисковала своей жизнью.

Неужели все было именно так?

И я действительно сделала это?

Там была яхта... паруса...

Вирджиния?

Мне хотелось кричать. *НЕТ*, хотела я крикнуть, но была не в состоянии произнести хоть слово, так как неожиданно мне стало нечем дышать. Огромная волна накрыла меня с головой и наполнила мои легкие водой.

Вирджиния была мертва.

Она оказалась настоящим монстром.

Но она была мертва.

Пришла следующая волна, и на этот раз я позволила ей унести меня с собой, в темную бездну, которой я больше не сопротивлялась.

Она была единственной защитой от яркого света невыносимой реальности.

Глава 26

Следующие часы прошли в смене сна и бодрствования. В какой-то момент в сопровождении моей тети появился Фрэнк Тёрнер, начал задавать вопросы и мучить меня фактами, которые мне было трудно осмысленно связать между собой.

Я узнала, кто на самом деле скрывался под именем Вирджинии Доннелли. Ее настоящее имя было Ава Шаттер, и, по-видимому, Эми была ее не первой жертвой. Очевидно, семь лет тому назад она была замешана в смерти молодой девушки, страдавшей эпилепсией, некой Фабьяны Нуньес, имя которой я нашла на самоклеющихся листочках в книгах Вирджинии. Тогда из-за ошибки в судопроизводстве Вирджиния была оправдана, но ей запретили работать врачом. Как объяснила мне Лиз, обзаведясь фальшивыми документами, Вирджиния обосновалась в Блюхэвене.

— На самом деле она не была врачом общей практики, в качестве кого я и приняла ее на работу, а защитила докторскую диссертацию по нейропсихологии. Ее специальностью было... — Она запнулась. — Вирджиния интересовалась исследованием состояний, которые мы обозначаем сокращением ОСП. Возможно, ты уже слышала о таком понятии, как околосмертные переживания.

Околосмертные переживания.

Понятие, взятое как будто из научно-фантастического романа. Или из фильма. Совершенно нереально, если бы Фрэнк Тёрнер не рассказал мне свою теорию, что в ночь после аварии в действительности должно было происходить в Медицинском центре Уэстмилл:

— Вирджиния использовала Эми в своих преступных целях как объект научного исследования. Вероятно, ее целью было как можно дольше удерживать состояние Эми на границе между жизнью и смертью, чтобы выполнить свои исследования. Возможно, она просто воспользовалась удобным случаем, когда в машине «Скорой помощи» осознала, что сможет вернуть Эми к жизни. Она повторила с Эми то, что начала с Фабьяной Нуньес.

И Лиз не возражала ему, а лишь дополнила, сказав, что в конце у Эми уже не осталось сил, чтобы выжить.

Я слушала все это, и мой мозг продолжил развивать эту историю дальше, однако я была слишком слаба, чтобы озвучить последний вывод — нельзя было позволить Эми выжить, так как в этом случае обнаружилась бы вина Вирджинии.

Когда я проснулась в следующий раз, уже наступил вечер. Желтые шторы были раздвинуты. Облака разошлись. На небе мерцали отдельные звезды, а луна — хотя до полнолуния было еще далеко — казалось, светила ярче, чем когда-либо прежде.

В палате оставался только мой отец. Я видела, что он сидел на стуле, наклонившись вперед и опустив голову на руки.

— Папа? — прошептала я.

Он испуганно поднял голову и правой рукой протер глаза. Потом он встал и подошел ко мне.

— Как ты себя чувствуешь?

Моя голова все еще была затуманенной, но головные боли почти исчезли.

— Лучше.

— Это хорошо.

— Папа, как вы меня нашли? — Я хотела узнать, наконец, факты, лишенные всяких спекуляций и вопросов, узнать фактический ход страшных событий, побудивших меня задать следующий вопрос. — Что именно произошло там?

Картины в моей голове обрели четкие контуры. Волны, ветер, чувство удушья. Но я не могла связать их воедино. Не могла уловить смысл.

— Тебе удалось доплыть до яхты. Там тебя и нашла береговая охрана. Очевидно, тебя отбросило на стенку каюты, отсюда и травма головы. — Он повернулся ко мне, и его лицо потемнело от страха. — Тебя спасла Мисси. В противном случае ты бы утонула вместе с «Побегом».

Перед моим внутренним взором возникла картина, сначала смазанная, а потом четкая. Призрачная, хрупкая фигура на причале. Красное платье, развевающееся на ветру, рука, машущая мне вслед...

— Мисси?

— Она позвонила мне.

Сама мысль, что у Мисси мог быть с собой мобильный телефон, показалась мне нелепой, но она могла набрать номер моего отца и из дома Вирджинии. Вот только я никак не могла себе представить, что она помнила наизусть номер его телефона.

— Продолжай, — тихо попросила я. — Пожалуйста, папа.

— Я был в «Новой Ложке». Как раз вошел Люк. Он поинтересовался, где ты, и в этот момент зазвонил мой мобильник. — Волнуясь, мой отец говорил все быстрее. —

Я посмотрел на дисплей и не поверил своим глазам. — Последовавшая за этим пауза продолжалась не дольше чем одно мгновение. — Звонок поступил от Эми.

Повисшее в комнате молчание было каким-то жутким. Прошло несколько секунд, прежде чем я была в состоянии говорить.

— От Эми?

— Да. От Эми. — Папа шумно выдохнул. — По всей видимости, Мисси нашла где-то мобильник Эми, в памяти которого имелся мой номер. Но тогда я еще не знал этого. Я был так потрясен, что не мог даже пошевелиться. Видимо, Люк почувствовал, что что-то не в порядке, и выхватил мобильник у меня из рук. Сначала он просто слушал, а потом сказал: *Фэй в воде. В бухте перед домом доктора Доннелли.* — Папа откашлялся. — Люк сел за руль, в то время как я позвонил Фрэнку и Лиз. Мы прибыли почти одновременно с береговой охраной. Я видел, как глубоко яхта погрузилась в воду. Ветер дул в бухте, как в трубе камина.

Я едва понимала, что говорил папа. Каждая попытка следить за его словами сопровождалась притупленной дрожью во всем моем теле.

— Они успели как раз вовремя снять тебя с яхты. Не прошло и минуты, как сломанная мачта увлекла «Побег» за собой на дно бухты.

Яхта, дрейфующая перед скалами. Я сама, плывущая из последних сил, спасая свою жизнь. Эти картины постепенно всплывали в моей памяти. Выныривали, как и фигура Мисси на причале. Мне казалось, что провалы в моей памяти становились все меньше, однако все еще не хватало решающей детали. Возможно, это объяснялось приемом лекарств или спертым воздухом в палате, но у меня возникло такое чувство, что стены палаты качаются туда-сюда.

— Ты можешь открыть окно?

Папа встал, и секунду спустя в палату устремился свежий вечерний воздух, пахнувший только что прошедшим дождем. Ветер улегся. Единственный шум исходил от тихо шелестящих деревьев, да издали доносился приглушенный гул дорожного движения на Стейт-стрит.

Вместе со свежим воздухом ко мне пришло осознание произошедшего, которое было таким ясным и четким, что я буквально вздрогнула. Мисси позвонила с мобильного Эми. С того мобильного, с которого Эми прислала мне последнее сообщение.

Будь осторожна!

Только тогда, когда мои ноги коснулись пола и я, пошатываясь, подошла к шкафу, в который мой отец положил свежую одеж-

ду и кроссовки, я почувствовала, насколько была слаба. У меня кружилась голова, а при каждом движении и каждом шаге в затылке возникала тупая боль. Опираясь о стену, я добралась до двери, открыла ее и вышла в коридор, где светящийся указатель «*Занесной выход*» помог мне сориентироваться. Любой яркий свет только ухудшил бы муки, которые мне доставляла моя голова.

Коридоры были безлюдны. Меня окружала благотворная тишина, и в темноте я следовала плану здания, который хорошо запомнила. Действительно, я без проблем добралась до стеклянной двери, которая вела в башню, откуда я прошла в подземный гараж. Через решетчатую дверь я выскользнула на улицу.

Холодный воздух, пахнувший мне в лицо, вызвал у меня озноб. Мое волнение возросло, и я зашагала быстрее. Собственно говоря, отсюда было недалеко до домика Мисси. Мне только нужно было пройти по Корт-стрит, а потом свернуть на Стейт-стрит, откуда узкая тропинка вела прямо к старому коттеджу. И хотя адреналин позволил мне почти забыть о моем головокружении, но я сомневалась, смогу ли в таком состоянии преодолеть этот путь.

Для полноты картины у меня все еще не хватало одного пазла, который до сих пор так и не стал предметом обсуждения. Толь-

ко надежда найти мобильник Эми придавала мне силы и не давала упасть. Чего бы я ни ожидала от этого, но моя интуиция — мой отец называл это утробным чувством — гнала меня вперед.

Низкий рев автомобиля и яркий свет, озаривший деревья прямо передо мной, отвлекли меня от этих мыслей, терзавших мою душу, с тех пор как я узнала ужасные подробности исследований Вирджинии. Я попыталась перейти на другую сторону дороги, чтобы укрыться под защитой старых дубов, когда услышала пронзительный визг шин и была вынуждена прикрыть глаза правой рукой, так как ослепительный свет автомобильных фар вызвал на моей сетчатке яркие вспышки. Как испуганная косуля, я остановилась, пошатываясь, посреди дороги, почти парализованная от страха. Я могла бы заранее подумать о том, что мне не удастся незаметно сбежать из Медицинского центра Уэстмилл.

Хлопнула автомобильная дверца, громкие шаги на асфальте, а потом кто-то растерянно крикнул:

— Фэй, ты с ума сошла? Я чуть было тебя не задавил.

В замешательстве я опустила руку, прищурилась, но смогла различить только темную фигуру, которая шла ко мне. Сильная рука взяла меня за плечо.

— Что ты делаешь здесь, на улице? Ведь ты должна соблюдать постельный режим.

Я не могла в это поверить. Это оказался Люк Салерно. Я почувствовала знакомый запах его кожаной куртки, когда он накинул ее мне на плечи, дрожавшие от холода. У меня к горлу подкатили слезы, в то время как он говорил и говорил:

— Я хотел навестить тебя, но даже твой отец сказал, что тебе нужен полный покой. Тем не менее, как ты могла при всем этом спать, если, конечно, они опять не накачали тебя медикаментами? И потом, я подумал, может быть, ты будешь рада увидеть меня.

Его глаза ярко сияли в свете уличных фонарей. Трехдневная щетина отбрасывала темные тени.

— Я рада, — тихим голосом сказала я. — Я действительно рада. Люк, ты можешь мне помочь? Ты должен отвезти меня к дому Мисси.

Он испытующе смотрел на меня так долго, что я уже подумала, что он откажется помочь мне и отвезет меня назад в клинику. Но вместо этого он левой рукой открыл мне дверцу своего автомобиля, в то время как правой все еще поддерживал меня.

— Садись.

Собрав последние силы, я вскарабкалась наверх в пикап и упала на сиденье. Люк снова набросил мне на плечи свою

куртку, которая упала на пол, и тоже сел в машину.

Я устало прикрыла глаза. Когда я их снова открыла, то увидела прямо перед собой фотографию Эми, которая, покачиваясь, висела на красной ленточке под зеркалом заднего вида.

— Что это за машина? — удивленно спросила я.

— Тайлер еще раз дал мне свою машину.

— Тайлер?

— Он чувствует себя виноватым, так как рассказал Эми об отношениях Джинджер и Кэйлеба. И он сделает все, чтобы помочь тебе.

Сколько еще людей чувствовали себя виноватыми в смерти Эми?

— Какого черта тебе надо от Мисси? Ты уверена, что ты...

— Сокровище, — прервала я его. — Сокровище Мисси. Я думаю, теперь я знаю, что она имела в виду. Оно может находиться в одном из ее укромных местечек. В ее доме. — Я немного помолчала. — Или сейчас Мисси опять живет у тебя?

— Нет, — сказал Люк, — когда я уезжал, ее там не было.

Я сделала глубокий вдох и приказала:

— Тогда поехали.

Люк не задавал больше никаких вопросов и запустил двигатель. От рокота двигателя

у меня снова заболела голова, но одновременно тепло, царившее в салоне, позволило мне расслабиться. Постепенно что-то похожее на жизнь возвращалось в мои задеревенелые конечности.

Коттедж Мисси был погружен в темноту. Он оказался в еще более плачевном состоянии, чем во время моего последнего визита сюда. В свете автомобильных фар он выглядел как настоящий «дом духов». Одно оконное стекло рядом со входом треснуло, входная дверь висела на петлях. Единственное, что находилось в хорошем состоянии... и это смотрелось довольно странно... так это крыша, которую «Клуб понеделника» распорядился отремонтировать прошлой зимой, после того как Мисси была доставлена в Медицинский центр Уэстмилл с многочисленными обморожениями.

Я вылезла из машины. Это была холодная, сырая осенняя ночь, и воздух окутал меня, словно намокшая парусина. Я вспомнила Вирджинию, развевающийся на ветру парус, треск, с которым сломалась мачта. Мои ноги заскользили на ковре из кленовых листьев, и я пошатнулась. Но Люк тотчас подскочил ко мне и поддержал меня, не дав упасть. Мое предчувствие, что Мисси тут не было, подтвердилось, а хлам, громоздившийся во всех уголках двора, привел меня в отчаяние, поскольку — независимо от того, какую бы

чушь Мисси ни несла — как мы могли без нее найти мобильник в царившем здесь беспорядке?

Повсюду виднелись горы мешков с мусором, в пластиковые бочки, выстроенные по росту, с крыши капала вода. У стены дома стояли перевернутые вверх дном кастрюли, которые напомнили мне кухню в «Новой Ложке». Пластиковые бутылки, в которых хранилась всякая всячина, торчали в пустых клетках для омаров. С водосточного желоба свешивались рыбацкие сети, из которых на меня пялились рожи, заставившие меня вздрогнуть. И только когда мы подошли ближе, я узнала мягкие детские игрушки и головы кукол, которые запутались в ячейках сети и теперь смотрели сверху вниз на грязные пластиковые стулья, расставленные полукругом.

Кругом царил такой хаос, что я пришла в замешательство.

— Мы не сможем найти его, — сказала я и подумала, как мне в голову вообще пришла идея приехать сюда. Эти горы мусора совершенно выпали у меня из памяти.

— А что именно ты ищешь, собственно говоря? — спросил Люк, перешагнув через красный детский велосипед, у которого не хватало переднего колеса.

— Мобильник Эми. Ты помнишь, как Мисси говорила о сокровище в комнате

Зоз? — Я попыталась вспомнить, что именно говорила Мисси. — Она говорила о зеркале, из которого говорят мертвые, когда они еще были живы. Тогда это звучало как бред сумасшедшей, но сейчас...

— Зеркало, в котором можно видеть мертвых, — задумчиво повторил Люк. — Ты думаешь...

— Вот именно, видео, о котором заявила Эми и которое так и не поступило на мой мобильник, — сказала я. — А что, если Мисси обнаружила его на мобильнике Эми? И если там запечатлена сама Эми? *Зеркало, из которого говорят мертвые, когда они еще были живы.* Ведь это подходит или нет?

Люк тихонько присвистнул сквозь зубы, и этот звук совсем не вязался с этим нерепальным местом. Я еще раз огляделась вокруг, и меня охватило уныние. Почему-то в этот момент мне показалось, что с потерей мобильного Эми я потеряю всякую связь с ней. Ее мобильник, ее записные книжки — все бесследно исчезло. Восемь недель. Мне не хватало восьми недель ее жизни. Пятидесяти шести дней, в которые она срочно нуждалась во мне.

Голос Люка донесся до меня словно издалека. *«Можешь положиться на меня».*

— Что ты сказал? — Я удивленно посмотрела на него.

— *Я позвоню тебе. Можешь положиться на меня.* Ты пообещала это Эми в своей надгробной речи. Может быть, сейчас настал самый подходящий момент для этого. Может быть, она услышит тебя.

Шанс был минимален, но я должна была попытаться. Мы подошли к входу в дом Мисси. Люк распахнул дверь, которая открылась лишь с большим трудом, и вошел внутрь, раздавшийся затем громкий стук и дребезг свидетельствовали о том, что он с трудом прокладывал себе путь среди этого хлама.

Я достала из кармана свой мобильник. Мне не нужно было искать номер Эми, я просто нажала цифру «один», и связь сразу же установилась.

Я выждала несколько секунд, но кругом было тихо. Здесь царила такая тишина, в которой четко был слышан даже малейший шум. Я повторяла вызов снова и снова. Все мои органы чувств были обострены настолько, что я чувствовала вкус воздуха, улавливала запах плесени и чувствовала пыль, которая садилась на волоски на моих руках.

Люк вышел из дома и покачал головой, но потом его взгляд застыл.

— Ты слышишь это?

Некоторое время никто из нас не двигался.

Вот это прозвучало снова. Он оказался прав, это была мелодия. Мелодия с мобильного Эми.

— Она доносится отсюда, с улицы, — прошептал Люк и двинулся вдоль стены дома. Неожиданно у него в руке откуда-то появился карманный фонарик.

Я последовала за ним, снова и снова нажимая на единицу.

— Справа.

Люк обошел вокруг дома. И здесь стояли штабеля клеток для омаров, в которых Мисси хранила всякую всячину. Пустые двухлитровые бутылки, которые были заполнены крошечными пуговицами, пробками от бутылок и одноцентовыми монетами. Туфли, которые Мисси рассортировала по цвету.

Мое сердце билось все быстрее. Все было почти как раньше, когда я следовала за мелодией телефона Эми, вступлением к «Лебединому озеру». До нее было рукой подать.

Я чуть было не споткнулась об нее, о зеленую клетку для омаров, в которой хранились старые книги и отдельные страницы из книг. Для защиты от дождя эта клетка была завернута в толстую пластиковую пленку, перевязанную веревкой.

Мелодия оборвалась. Я нажала на единицу, и снова заиграли скрипки. Я ощущала присутствие Эми почти физически.

Люк все еще разрезал перочинным ножом веревки, когда я уже открыла клетку сбоку и рылась в лежавших там книгах, пока не наткнулась на древний экземпляр незнакомой мне книги. Автор оказался иностранцем. Книга называлась «Физики», и она была не очень толстой. Я одним рывком вытащила книгу из клетки, и мелодия сразу смолкла.

Мы переглянулись.

На красном холщевом переплете книги был выгравирован ключ, а золотой обрез страниц совсем поблек.

Мои руки дрожали, когда я открыла книгу. Очевидно, страницы были вырваны. А между пустыми книжными переплетами лежал он — мобильник Эми, дисплей которого еще светился после моего последнего звонка.

И это было типично для Эми. У нее не было блокировки экрана и секретного ПИН-кода. «Моя жизнь все равно открытая книга, — смеялась она. — Поэтому все могут читать ее».

У меня перехватило дыхание, когда я поспешно открыла список отправленных сообщений. В самом верху находилось сообщение от 2 сентября, которое было мне уже знакомо.

Посылаю тебе кое-что. Будь осторожна!

Это было последнее сообщение, которое отправила Эми.

— Посмотри видео, — нетерпеливо торопил меня Люк.

Но я уже нажала соответствующий символ, и появились первые картинки. Мне не пришлось искать слишком долго. Самое верхнее видео в списке было снято действительно 2 сентября. Мой палец, занесенный над дисплеем, задрожал, и я сделала глубокий вдох.

Это было последнее видео, которое Эми сняла в своей жизни, даже не догадываясь об этом. И оно предназначалось мне. Видео было снято в половине первого ночи. В это время Лиз еще не вернулась из Бостона.

Что я увижу на этом видео? Подтвердит ли оно все подозрения и спекуляции в отношении Вирджинии?

Я больше не колебалась и нажала на серую стрелку.

Нерезкое изображение, помехи.

Экран потемнел, потом появилось смазанное изображение белой стены.

А затем голос Эми.

Фей?

Когда я сделала звук громче, стало легче понимать ее. Она дышала тяжело, ее голос звучал отрывисто.

Фей?.. Ты меня слышишь?.. Это для тебя.

На дисплее появилось ее изображение. Ее огромные темные глаза резко выделялись на

бледном лице, как на рисунках в японских комиксах манга. Непричесанные волосы падали на плечи; над ее левым глазом висела одна-единственная длинная прядь, которую она усталым движением убрала за ухо.

Качество изображения было таким, какое бывает, когда мы общаемся по Скайпу, а ее голос звучал хрипло, астматически и взволнованно, но очень слабо. Из окружающей обстановки ничего не было видно, вот только на нижнем краю мелькало что-то узкое, белое.

Эми начала говорить.

Я не понимаю, что со мной происходит, Фэй. Тут какой-то странный сон. И снова туннель. И ты...

На мгновение, на одно долгое мгновение она закрыла глаза, словно теряя сознание. Я видела просвечивающуюся кожу ее век, длинные черные ресницы. Ей было трудно говорить. Она была вынуждена снова и снова делать паузы, чтобы восстановить дыхание.

Я тщетно пыталась сдержать слезы. Видеть Эми в таком виде — это было непостижимо, просто страшно. Казалось, что это была не она сама. То есть это была она — и в тоже время не она.

Я бегу и бегу, и вдруг... я подхожу к двери. Она такая огромная, такая угрожающая. Но в следующий момент моя рука уже

лежит на округлой дверной ручке, и у меня нет другого выбора, так как во сне нельзя самому что-то решать, не так ли?

Неожиданно мне показалось, что между мной и Эми не было никакого дисплея. Я почувствовала, что вопрошающе подняла плечи, так как действительно не знала, что и думать, и поэтому чуть было не пропустила следующие слова.

Итак, я открываю ее, а за ней ночь... но небо желтое, как сера. Я слышу гром, надо мной сверкает молния, и бушует ветер. А потом я вижу автобусную остановку на Стейт-стрит. Там, где уже некоторое время висит плакат, возвещающий о концерте Кэти Перри. Я не знаю, пойдём ли мы на него вместе с тобой.

Слушала ли я свой собственный рассказ?

Я чувствую себя необыкновенно легко... почти так, словно парю над землей и вижу саму себя, как я иду вдоль дороги.

Мне стало плохо. Именно так все и происходило. Эми двигалась так, словно вместо рук у нее были крылья.

Мне так холодно. На мне только белая ночная рубашка, а повсюду валяется мусор. Металлические пивные банки, пластиковые пакеты... и грязный синий носок. Фэй, тебе же знаком этот страх во сне, когда кажется, что у тебя на груди сидят страшные костлявые монстры, кото-

рые пялятся на тебя — и ты знаешь, что они готовы на все... именно так чувствую я себя. До тех пор пока не вижу тебя. Я зову тебя, но просто никак не могу приблизиться к тебе...

Я закрыла глаза. Снова открыла их. Как такое было возможно? Эми точно описывала нашу встречу на автобусной остановке, но ее самой там не было. Не было в действительности. Все это она... *видела во сне?*

— Фэй, как такое может?.. — спросил Люк, но я лишь покачала головой и отмотала видео назад.

Я зову тебя, но никак не могу приблизиться к тебе. Почему ты меня не слышишь? Я должна рассказать тебе что-то важное. Итак, я бегу и бегу... а расстояние между нами... остается неизменным. «Фэй, иди ко мне! Я должна с тобой поговорить. Пожалуйста, иди сюда!» — кричу я, однако в этот момент так громко гремит гром, что ты не можешь меня услышать. И... огромная молния раскалывает облака и разрастается все дальше и дальше, озаряет все новые пейзажи на небе... Я сдаюсь, так как в этот момент мне становится ясно: я не смогу догнать тебя, так как это всего лишь сон.

Изображение дрогнуло, и на миг показалось, что Эми была голой, пока в кадре

не появился край белой рубашки без воротника. Это была больничная ночная рубашка. Эми снова сделала глубокий вдох и в течение нескольких секунд лишь тяжело дышала, потом закрыла глаза, несколько раз сглотнула и, наконец, снова заговорила.

Знаешь, Фэй, я была в страшной панике в течение всего сна из-за того, что ты меня совсем не слышишь. А после того, когда проснулась, мне стало понятно: я боялась не за себя, а за тебя. Ты должна узнать правду. Я все время хотела сказать тебе это. Они не...

Видео резко оборвалось. Дисплей потемнел. Эми было так важно рассказать мне свой сон, что она израсходовала на это свои последние силы.

Меня била крупная дрожь.

Я даже не заметила, как Люк забрал из моих рук мобильник Эми и осторожно увлек меня за собой, пока мы не вышли на дорогу. Я ничего не чувствовала и тогда, когда он подтолкнул меня к открытой дверце машины и усадил на переднее сиденье.

— Она была там, понимаешь? — Мои зубы выбивали барабанную дробь. — Она была на автобусной остановке. Мы встречались, это доказательство. Она знает каждую деталь. Металлическую пивную банку. Синий носок. Она не могла увидеть это во сне.

Может быть, ей удалось сбежать из клиники, но ее сознание было настолько помутневшим...

Люк покачал головой.

— Нет, — тихо сказал он. — Человек в таком состоянии не смог бы преодолеть весь путь от Медицинского центра до Стейт-стрит. Я не могу себе такое даже представить.

Я сжала руки в кулаки, мои ногти больно впились в ладони. Лиз сказала то же самое. Но как иначе можно было объяснить все это? Как Эми могла пережить то же самое, что и я, если мы с ней вообще не встречались?

Люк находился где-то рядом со мной, но я его почти не замечала.

— Фэй, — тихо сказал он, — здесь что-то не чисто.

Я ничего не ответила. Казалось, я всем телом ощущала биение своего сердца, а мои мысли захлестывали меня, как волны, когда я тонула в море.

Люк был прав. Здесь явно что-то не чисто. Околосмертные переживания. Область исследований Вирджинии.

Это был обман чувств, наваждение. То есть до сих пор я считала все это галлюцинациями. Но Эми описала это переживание так убедительно, так реалистично.

Каким-то образом мы с ней где-то встретились, даже если этого и не было в реальности.

Что, если это действительно было возможно?

— Нет, — прошептала я и кулаками ударила себя по голове. — Нет, нет, нет, уходите. Убирайтесь прочь.

Сейчас я говорила точно так же, как Мисси, несла такую же безумную чушь. Бред сумасшедшей.

Кто-то схватил меня за руки. Сильные пальцы крепко держали мои руки.

— Все хорошо, — услышала я голос Люка. — Все хорошо, Фэй.

Я без сил упала в его объятия, и рыдания сотрясли все мое тело. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем я снова немного успокоилась и смогла говорить.

— Она звала меня, а я убежала прочь. Она была там, на автобусной остановке, да? Ведь иначе не могло быть. Скажи мне, что это единственная возможность, в противном случае...

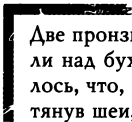
— Перестань мучить себя. Ты такая же сумасшедшая, как и я. Никто из нас не сошел с ума, понимаешь, Фэй? Всеу этому должно быть объяснение. — Его объятия стали крепче. — Я буду с тобой, если ты

мне это позволишь, Фэй? Мы это выясним. Я обещаю тебе, мы выясним это. Вместе.

И неожиданно у меня в голове всплыли слова, которые кто-то сказал мне совсем недавно:

Мир гораздо больше, чем мы думаем, Фэй. Речь всегда идет о познании. Человек не должен себя ограничивать. Просто пока еще у нас не на все есть ответы.

Глава 27

 Солнце озаряло море. Две пронзительно кричавшие чайки летали над бухтой Серебряные Пески. Казалось, что, широко раскинув крылья и вытянув шеи, они не высматривали добычу, а просто наслаждались последними теплыми денечками в этом году.

Послеполуденное солнце, сиявшее на ярко-синем небе, заливало берег золотистым светом, а горизонт был таким ясным и сверкающим, словно небо и море окончательно соединились.

Я остановилась и запрокинула голову.

Небо и земля. Действительно ли существовало между ними нечто большее, чем мы смутно сознавали?

Прошло два дня с тех пор, как я посмотрела видео Эми. Я носила ее телефон постоянно с собой и мысленно то и дело возвращалась к нему. Ночью, когда я беспокойно ворочалась в своей кровати, ее мобильник

лежал у меня под подушкой. Однако я так и не посмотрела видео еще раз. Что-то злое, что-то страшное витало надо мной. Я не проронила об этом ни слова, не выдала свою растерянность и глубокое замешательство. Не призналась в этом даже Люку, хотя он был единственным, кто знал мою тайну. То время, которое мы проводили вместе, мы в основном молчали. Он горел нетерпением, желая как можно больше узнать о своем отце и о Зоэ, я чувствовала это, однако он понимал, что сейчас не самый подходящий момент копаться в прошлом.

Только раз Люк попытался расспросить Мисси. Она все еще часто бывала у него в доме, но ему так и не удалось достучаться до нее и расшифровать ее совершенно непонятную болтовню.

Между тем я была твердо убеждена в том, что часть своего безумия она лишь играла, но утверждать это наверняка я, разумеется, не могла. Я долго раздумывала над тем, каким образом она могла добраться до мобильного Эми. При этом решение оказалось, в конце концов, совсем простым. Эми спрятала свой смартфон от Вирджинии под матрас своей больничной кровати. Мелинда Прайс нашла его только спустя несколько дней, когда заново перестилала кровать, и передала его моей тете. Лиз хотела отнести мобильник Донне и положила его в выд-

вижной ящик своего письменного стола — а потом?

Перед моим внутренним взором всплыли картины. Ворвавшись в кабинет Лиз, Мисси распахнула дверцы шкафов и выдвинула все ящики, когда из-за травмы головы оказалась в Медицинском центре Уэстмилл, — в приступе безумия, по крайней мере, так показалось мне тогда. При этом она наткнулась на сверкающий телефон, который Эми украсила яркими наклейками и бирками.

Я сняла свои вьетнамки, взяла их в руку и зарылась ступнями в теплый, сухой песок. После штормовой, прохладной погоды последних недель и этих ужасных событий меня согревал каждый луч солнца, касавшийся моей кожи. Так я и стояла, закрыв глаза и подставив лицо солнцу, вдыхала соленый воздух, а когда теплый бриз касался моего лица, делала глубокий выдох.

Я ничего не рассказала и своему отцу. Я умолчала о мобильнике и о том, что мы увидели и слышали. Словно хотела защитить от всего этого его, а не себя.

И, само собой разумеется, я ничего не сказала Лиз. И хотя некоторое время мобильник хранился у нее, очевидно, она не обнаружила это последнее видео. Сон Эми, каким бы запутанным он ни был, точно описывал нашу встречу на автобусной остановке, как ее пережила я сама. Я с трудом

могла себе представить, что Лиз утаила бы это от меня.

Конечно, теперь я могла бы показать ей это... но Лиз умолчала о том, что Эми еще раз пришла в себя. Она не позвала меня в свой Медицинский центр, когда застала там Эми живой. Могла ли я когда-нибудь простить ее за это? Даже если она поступила так только потому, чтобы не подвергать меня еще большей печали и безумию?

Лиз спросила меня, почему я сторонюсь ее. Она искала оправдания своему поведению, но сейчас она в значительной мере оставила меня в покое, если не считать коротких сообщений.

Я думаю о тебе. Я люблю тебя.

А я? Я сделала единственное, что могло спасти меня от безумия, я спасалась молчанием и спрятала глубоко в своей душе то, что произошло.

Солнце заполняло меня всю, до последней клеточки, мягкое осеннее тепло ласкало мою кожу, в то время как я прислушивалась к тихому рокоту волн, которые бились о берег.

Здесь было так хорошо.

Почти как раньше.

Джош и я проводили на этом пляже целые дни. Мы плавали, устраивали пикники и без помех целовались, укрывшись за скалами.

Я открыла глаза.

Ничего уже не было так, как раньше. Абсолютно ничего.

Эми была мертва, Джош все еще не появился, а я пришла сюда, чтобы встретиться с Джинджер. Вверху, на стоянке, я припарковала машину своего отца рядом с белым «Хаммером» Клэр Ланкастер, один вид которого я едва смогла вынести. Должно быть, Джинджер уже была здесь.

Пытаясь отыскать ее, я прошла несколько метров по пляжу. Наконец, справа, где скалы вдавались в море, я заметила на белом песке цветное пятно.

Джинджер написала мне письмо, с множеством вопросительных знаков и следами от слез. Письмо заканчивалось просьбой о встрече, так как, по ее словам, она должна была сообщить мне что-то важное.

Поверила ли я ей?

Я хорошо знала Джинджер. Если речь шла о том, чтобы защитить себя, она настойчиво убеждала меня до тех пор, пока у меня голова не шла кругом.

Еще никогда никому я так упорно не отказывала. Это стало неотъемлемой частью моей новой личности. Никогда больше я не доверюсь никому, кроме моего отца, Донны и... Люка.

Кэйлеб, который в школе не отходил от меня ни на шаг, считал, что мое поведение было некорректным, что Джинджер заслу-

жила шанс. Но только моему отцу и Донне удалось убедить меня согласиться на эту встречу. Вчера вечером, когда мы все вместе сидели на крохотной кухоньке Донны и зашел разговор об этом.

— Фэй, я все это тоже пережил, — сказал тогда папа. — В самом начале ищешь виновного. Кого-нибудь, на кого можно направить свой гнев. Но когда гнев уляжется, остается только печаль. Тогда не остается ничего, кроме осознания истины: человек, которого ты любил, умер. И это уже никак не изменить, даже если свалить вину за его смерть на кого-то другого.

— Ах так, папа? А как же быть тогда с ложью?

Я и сейчас слышу, как горько это прозвучало. Но имела ли я в виду действительно только Джинджер? Как же мала была ее вина по сравнению с преступлением, которое совершила Вирджиния.

Донна положила ладонь на мою руку. Она приготовила для меня и папы ужин, и во время еды меня не покидала мысль, что однажды мне надо будет обязательно показать ей видео.

— Ты права, — сказала она и посмотрела на меня долгим взглядом. Уже не в первый раз я с болью осознала, как же она была похожа на свою дочь. — Но ты не должна допускать этого, Фэй. Ты не должна ставить

эту единственную ошибку Джинджер выше всего того хорошего, что было у вас. — Ее глаза влажно блеснули. — Джинджер заходила ко мне, знаешь? Мы долго разговаривали. Она была и подругой Эми, никогда не забывая об этом.

Конечно, она была права. Все, что она говорила, было верно.

Почему же тогда впервые в своей жизни мне было так тяжело простить?

Потому, что в решающий момент она действовала, думая только о себе.

Я пересекла пляж и остановилась на том месте, где Джинджер разбросала свои вещи. Но ее самой нигде не было видно. На песке лежало черное полотенце, на нем короткая красная джинсовая юбка и ее белый вязаный джемпер, который мы купили вместе с ней на барахолке. Клэр отдала его в химчистку для дезинфекции, прежде чем позволила Джинджер надеть его. Розовые вьетнамки торчали в песке. Я нагнулась, вытащила их из песка и аккуратно положила друг возле друга.

Неожиданно яркий солнечный свет ослепил меня, как будто мне в глаза впились тысячи иголок, и у меня потекли слезы. Я вытащила из кармана солнечные очки, надела их и уставилась на море. Даже если передо мной и лежала спокойная водная гладь, по которой плыли клочки белой пены, я всем

своим существом ощущала мощь Атлантического океана.

Я сдвинула очки вверх, когда далеко в море заметила темное пятнышко.

Верхняя красная часть бикини Джинджер то и дело мелькала на волнах. Она на мгновение подняла голову над водой и, увидев меня, вытянула руку вверх и помахала мне. *Один за всех, и все за одного*, — поклялись мы, а Эми с очень серьезным выражением лица добавила: *Как в добрые, так и в тяжелые времена.*

Тогда мы смеялись до упаду.

Я опустилась на песок, сверкание которого казалось почти нереальным.

Еще всего лишь несколько гребков — и Джинджер достигнет берега. Она предстанет передо мной и посмотрит на меня своими большими глазами. Мне оставалось только несколько минут, чтобы запастись терпением и сделать то, что я обещала своему отцу и Донне. Просто выслушать то, что Джинджер хотела сообщить мне.

И вот она стояла передо мной, отряхнулась, и — я вздрогнула от испуга. На меня смотрели испуганные, широко распахнутые глаза, под которыми залегли черные полумесяцы. Дреды уступили место короткой стрижке, словно она отказалась от всякого протеста. Нет, остаток бунтарства остался. Окрашенные в светло-русый цвет воло-

сы выглядели на солнце почти белыми, как шапки пены, которые море прибывало к берегу.

В течение нескольких минут царило молчание, пока Джинджер вытиралась насухо и усаживалась на свое полотенце. Потом она начала сгребать песок и насыпать его на свои загорелые ноги, словно хотела раз и навсегда закопать себя.

— Ты пришла, — сказала она наконец.

— Да, — ответила я. — Иначе ты не оставишь меня в покое, не так ли?

Как тяжело, как легко... невероятно, но я заговорила прежним привычным тоном, каким мы с давних пор разговаривали между собой.

— Я бы поняла, если бы ты не явилась, — прошептала Джинджер, и мои глаза снова защипало. Я опустила солнечные очки. Когда, черт возьми, прекратятся эти слезы?

Я подождала, пока тихий рокот волн на мгновение смолк.

— Джинджер, где Джош?

Ее длинные серьги зазвенели, когда она покачала головой.

— Я не знаю этого. Я послала ему тысячу сообщений, я постоянно звоню ему, но он не отвечает. Он прислал только это единственное сообщение маме, чтобы мы не беспокоились. И его нет в Бостоне, это все, что мы знаем. — На ее ноги насыпалось еще

больше песка. — Я не могу поверить, что он так и не позвонил тебе. Для Джоша ты была самым важным в жизни.

Я предпочла промолчать. Как же сильно Джинджер заблуждалась. Но как я могла упрекать ее в чем-то, если сама так ужасно ошиблась в нем?

Обычно такой громкий, сильный голос Джинджер превратился в хриплое карканье.

— Прости меня, Фэй, прости меня за то, что я сделала. Мне так жаль.

А когда я ничего не ответила, она добавила:

— Ты же сама знаешь, какой я могу быть.

— Да, я знаю это, но... — Я подняла руки вверх и заорала на нее: — Я не хочу слышать никаких отговорок. Ни одного больше слова, о'кей?

— О'кей.

Она молчала. Мне удалось заставить Джинджер замолчать. И с этим ее тихим «о'кей» у меня с души словно камень упал. Впервые за несколько недель я смогла снова глубоко дышать, на какой-то короткий момент.

Теперь Джинджер заплакала, но не так, как обычно, громко всхлипывая. Слезы тихо катились по ее лицу.

Я сдвинула очки вверх, закрыла глаза и подставила лицо солнечному свету.

И неожиданно я поняла, что вчера имела в виду Донна. И мой отец. Я поняла их сло-

ва, но только головой, а не сердцем. Однако сейчас, сидя рядом с Джинджер, видя, как она плачет, ощущая ее присутствие, я почувствовала, как что-то дрогнуло у меня внутри. Я заплатила высокую цену, отказываясь встречаться с ней. Теперь я была страшно одинока.

— Это не важно, Джинджер, — тихо сказала я. — Больше не важно. И... ты не виновата в ее смерти.

Джинджер подтянула свои длинные, обсыпанные песком ноги к груди и положила на них голову.

Еще ни разу в жизни я не видела, чтобы она молчала дольше пяти минут. Но сейчас мы просто сидели рядом и молчали. Это был момент тишины. Такой момент, который понравился бы и Эми.

Море поднимало волны и снова принимало их назад. С каждой минутой я расслаблялась все больше и больше. Со мной происходило то, чего не удалось добиться даже моему отцу. Я почувствовала себя утешенной.

В какой-то момент Джинджер повернулась ко мне.

— Вирджиния поплатилась за это, ведь так? — спросила она. — Она покончила с собой. На своей яхте.

Монстр мертв, мелькнуло у меня в голове.

— Да, полиция подтвердила это. — Было приятно просто говорить о фактах,

о конкретных вещах. — Она замучила Эми своими исследованиями. Как говорят... — я сглотнула комок, возникший у меня в горле, — она интересовалась околосмертными переживаниями.

— Я знаю.

Удивившись, я повернула голову к Джинджер.

— Они тебе рассказали об этом?

— Нет, но у меня есть свои средства и пути, чтобы узнать то, что мне надо. — Она горько рассмеялась. — Даже если ты мне и не поверишь, но я могу быть тихой и почти незаметной. — Она продолжила. — Они утверждают, что Вирджиния Доннелли, она же Доктор Смерть, была сумасшедшей. Этот ее кабинет, он якобы представлял собой искаженное отображение ее безумия. По их словам, она не вынесла тяжесть собственной вины.

Я кивнула, когда вспомнила о разбросанных бумагах, которые Вирджиния, очевидно, просто смахнула со стола.

— Бабушка сказала отцу, что всегда чувствовала, что «с этой врачихой из Бостона» что-то было не так. — Джинджер сделала паузу. — Кроме того, я подслушала, что начальник полиции Тёрнер сказал моему отцу, когда находился у него в кабинете. Вирджиния отвязала яхту и подняла паруса. Буря вынесла ее в открытое море и швырнула на

скалы. Такого с ней бы никогда не случилось, но Вирджиния приняла наркотическое средство, от которого у нее отказали ноги.

Я озадаченно уставилась на Джинджер. Я еще ничего не слышала об этом, но я и не спрашивала.

Джинджер заметила мое удивление.

— Она привязала себя к мачте, понимаешь? Вирджиния хотела оставаться в сознании, когда будет тонуть вместе с яхтой.

Неожиданно мне стало нечем дышать. Я снова почувствовала огромную волну, которая накрыла меня с головой и наполнила мои легкие водой. Перед моим внутренним взором появилось лицо Вирджинии с широко открытым ртом.

Было ли там еще что-то? Мне казалось, что Вирджиния что-то крикнула мне. Но, возможно, она всего лишь улыбнулась?

— Все о'кей, Фэй? — услышала я голос Джинджер.

Я кивнула, хотя ничего не было «о'кей», и Джинджер знала это.

Она откинулась назад на песок и прикрыла глаза рукой от солнца. Сейчас, в открытом купальнике и с короткой прической, ее профиль казался еще более характерным, чем раньше, а худоба особенно бросалась в глаза. При каждом ее вдохе я могла легко пересчитать проступающие сквозь кожу ребра.

Какое-то время Джинджер лежала спокойно, но я чувствовала, что было что-то еще, о чем она хотела рассказать, но не знала как.

— Ну давай, говори уже, Джинджер, — сказала я.

Еще вчера я была бы не в состоянии подсказать ей ключевое слово, помочь ей заговорить, так как мне пришлось бы заставить ее сбросить маску. Но между тем я уже смогла почувствовать ее ранимость.

Она снова села и повернулась ко мне лицом.

— Ты помнишь... в ту ночь, когда умерла Эми, ты спросила меня, почему мы вообще встретились. Но я... — Она запнулась.

Я избегала ее взгляда и смотрела вдаль на море. Мне показалось, что сегодня горизонт находился дальше, чем когда-либо прежде.

— Она хотела потребовать от тебя объяснений из-за Кэйлеба, — спокойным голосом сказала я. — Это и было причиной, почему она встретила с тобой в тот вечер.

— Да, — подтвердила Джинджер. — Да, именно об этом шла речь сначала. — Ее голос изменился, словно она улыбалась, и я действительно заметила, как дрогнули уголки ее рта. — Скажем так: она обругала меня за это в своей типичной манере.

Ну, да... я заслужила это. Но знаешь, что было самым забавным? — Она не спускала с меня своих больших глаз, которые всегда напоминали мне о Джоше. — У меня возникло такое чувство, что это не стало для нее такой уж большой трагедией. Если бы Кэйлеб или я раньше покаялись бы перед ней, она бы нас простила. Просто она не должна была узнать об этом от Тайлера. — Джинджер принялась чертить ногой круги на песке. — Даже если ты мне и не пове-ришь — что, собственно говоря, я хочу этим сказать... — Она остановилась и подняла голову, словно желая убедиться в том, слушаю ли я ее. — То, что Эми была вне себя в тот вечер, имело под собой совершенно другое основание.

Я недоверчиво посмотрела на Джинджер. Был ли это ее обычный отвлекающий маневр? Нет, что-то занимало ее, это было очевидно. И, кроме того, разве и мне самой не приходило в голову, что это совсем не вязалось с образом Эми, чтобы подобная история полностью выбила ее из колеи? Даже если бы она подозревала меня в том, что я умолчала о поцелуе между Джинджер и Кэйлебом, она бы сразу потребовала от меня объяснений.

Я пристально вглядывалась в горизонт, где садилось солнце и на котором уже появился первый красноватый проблеск при-

ближающихся сумерек. Я нервно нагнулась, подняла камешек и начала вертеть его между пальцами.

Что же сказала Эми?

Ты же мневеришь, Фэй, не так ли? Все равно, что бы я ни сказала?

— Что это было? — спросила я, стараясь сохранять спокойствие. — Что было для нее так важно?

Джинджер снова вернулась к своим кругообразным движениям и принялась чертить на сверкающем песке неразборчивые узоры. Всего лишь в нескольких метрах от нас чайки искали среди скал свою добычу.

— Сразу после аварии я плохо помнила тот вечер, — начала Джинджер. — Эми прочла мне лекцию из-за Кэйлеба, а что было потом — ничего не помню, провал в памяти, понимаешь?

Я утвердительно кивнула. Джинджер даже не представляла себе, как хорошо я ее понимала.

— Но потом, во время обеда в воскресенье — боже мой, как же я ненавижу это мероприятие, — неожиданно все снова всплыло в моей памяти. Каждое слово, которое сказала Эми.

Ступня Джинджер, которая до сих пор непрерывно рыхлила песок, резко остановилась, и ее глаза сверкнули.

— Фэй, в тот вечер Эми хотела встретиться со мной, чтобы поговорить о «Клубе понедельника».

— О «Клубе понедельника»? — Я ожидала услышать все, что угодно, но только не это.

А Джинджер продолжала говорить.

— Ты помнишь, что в тот день, когда Эми вернулась из клиники, она была на приеме у... Вирджинии?

Я кивнула.

— При этом Эми кого-то увидела у Вирджинии. Или, скорее, она подслушала, о чем те говорили.

Мое сердце забилося быстрее.

— Кого? Кого-то из «Клуба понедельника»?

— Нет. — Джинджер покачала головой. — Это не был кто-то из наших, а какая-то врач со стороны, которую Эми, по-видимому, знала. Понятия не имею откуда.

— Врач со стороны? — Я приходила во все большее замешательство.

Джинджер продолжала:

— Именно об этом меня Эми и спросила. Не знаю ли я, у кого ты тогда лечилась. Но не это было главным. Гораздо важнее для Эми была фраза, которую Вирджиния сказала той посторонней врачихе. Точнее говоря, несколько фраз.

Она сделала беспомощный жест, словно

хотела смахнуть с лица длинную прядь волос. На долю секунды ее рука повисла в воздухе, пока, так и не закончив движения, снова не упала вниз.

К нам устремилась волна, более длинная, чем предыдущая, она уже почти добралась до нас. Начинался прилив.

— И? — Я уже не могла больше сдерживать свое нетерпение.

Чайки с криком взмыли ввысь и пролетели над нами в сторону моря. Джинджер выждала, пока уляжется шум, и, понизив голос, сказала:

— Вот слова Вирджинии: *Они не упустят Фэй из виду. Никогда. Она самое дорогое, чем обладает «Клуб понеделника».*

Эпилог

Уже наступил вечер, когда я пошла к Эми. На кладбище мне в лицо подул свежий бриз, пахнувший осенью и морем и принесший с собой запах бренности. Шагая между надгробиями с корзиной для пикника в одной руке и цветами в другой, я то и дело наклонялась, чтобы прочесть имевшиеся на могильных плитах надписи. Я прошла мимо склепов Ланкастеров, Уэстонов, Шерами и Сен Клеров, а также мимо могилы своей матери. Но единственный надгробный камень, у которого я остановилась, был камень Зои Фуллер. Я соскоблила мох с полустершихся букв, минутку постояла и, прежде чем продолжить свой путь, положила на зеленый газон розовую далию.

Могилу Эми я узнала уже издали. Она была единственной, на которой цветы стояли в вазе. Я сменила высохшие красные розы на свежие далии и поставила свою корзинку

на скамью перед могилой. Я предчувствовала, что не смогу проглотить ни одного глотка приготовленного мной коктейля из маракуйи с бананом и что сэндвичи с огурцами останутся нетронутыми. Я постаралась, чтобы все было так, как раньше, но уже ничто не могло быть так, как раньше.

Я положила засохшие цветы на траву рядом со скамьей и села. Потом я подняла капюшон своего пальто и прислонила голову к узловатому стволу старого дуба, росшего позади меня.

— Эми, ты там? — прошептала я. — Ты меня слышишь?

Я тебя зову, но ты меня не слышишь... — сказала Эми в своем сне, но это было не так. Я все слышала, каждое ее слово. И как же мне хотелось, чтобы это повторилось еще раз.

Только один-единственный раз.

— Я слышу тебя, — ответил голос, такой знакомый, что я узнала бы его из тысячи голосов.

Скамья подалась, когда кто-то сел рядом со мной.

Я медленно повернула голову в ту сторону.

Мы долго молчали и просто смотрели друг на друга. Я вдыхала его хорошо знакомый запах. Его лицо было бледным, утомленным от бессонной ночи и отмеченным глубокой печалью.

— Ты... снова тут, — сказала я наконец.
Джош кивнул.

— Да, — сказал он.

На коленях он держал пакет, завернутый в несколько слоев бумаги и перевязанный лентой.

— Где ты был? — спросила я. Или только мысленно задала этот вопрос?

Дождь взрыхлил свежую, темную землю на могиле Эми, а буря укрыла ее ковром из опавших листьев. Скромный деревянный крест с ее именем наклонился набок. Ее семья появилась в Блюхэвене сравнительно недавно. Эми была первой, кто лежал в этой могиле. Она будет чувствовать себя одиноко, так же, как я. Хотя Джош сидел рядом со мной.

— Где я был, это неважно, Фэй, — сказал он по прошествии нескольких долгих минут. — Но я был вынужден оставить тебя одну. Мне пришлось это сделать, так как в противном случае я был бы вынужден лгать тебе. — Он посмотрел на меня таким взглядом, полным отчаяния, что я невольно затаила дыхание, иначе мое сердце разорвалось бы. — Ведь я твердо обещал тебе, что больше никогда в жизни не сделаю этого.

Я уставилась на засохшие розы, лежавшие у моих ног. Последние цветы, напоминавшие о похоронах.

— Явилось ли причиной твоего отъезда приглашение в «Клуб понедельника»? — Интонация моего вопроса, сначала еще вопросительная, неуверенная, становилась все настойчивее. — В тот понедельник, когда ты был на заседании клуба, явно что-то произошло. — Это стало мне ясно, после того как я помирилась с Джинджер. — Тебе пришлось поклясться на Библии вечно хранить им верность? В том числе и в отношении меня?

Джош оставил мой вопрос без ответа. В вечернем свете его профиль казался высеченным из камня. Мне показалось, что он стал старше, более зрелым, а у его рта появилась горькая складка.

Его пальцы нервно поглаживали пакет, который он по-прежнему держал на своих коленях. Потом он развязал ленту и развернул бумагу.

Под ней оказались четыре записные книжки, которые Эми заперла в своем шкафчике. Я сразу узнала красные переплеты, выполненные под мрамор. Я взяла одну из записных книжек и открыла первую страницу, на которой Эми написала своим изящным почерком: *Бостон, июль 2015 года*.

— Откуда они у тебя? — Я ничего не понимала. — И почему теперь ты отдаешь их мне?

Но Джош продолжал упорно молчать.

Прошедшая ночь продолжалась восемь часов. Лежа без сна, я проводила минуту за минутой, размышляя. Ломала голову над тем, какое послание хотела Эми оставить мне. Но с какой бы стороны я это ни рассматривала, получалось одно и то же: это было предостережение. Она предостерегала меня от тех, кто до сих пор определял всю мою жизнь, точнее, был всем моим миром.

— Все это время записные книжки находились в распоряжении клуба, не так ли? — вспыхнула я. — Это они забрали их из шкафчика Эми. Было ли у них что-то общее с Вирджинией? С тем, что она сделала с Эми?

— Нет, Фэй. Ты ошибаешься, — тихо сказал Джош. — Это сделал я. Это я забрал записные книжки из шкафчика. Они только спросили у меня, знаю ли я, что с ними стало.

Ну, конечно. У меня словно пелена с глаз упала. Джош тоже знал комбинацию цифр. Ведь это он предложил нам расставить цифры наших дней рождения по возрастающей.

Джош повернулся ко мне.

— Понимаешь? Решение, которое я должен был принять, касалось того, кому я передам эти записные книжки.

Он пристально посмотрел на меня и затем положил записные книжки мне на колени.

— Фэй, — прошептал он, — я здесь потому, что выбрал тебя.

Я затаила дыхание. *Тебя*. Видимо, это означало, что он поступил вопреки воле клуба? Или нет?

— Ты понимаешь, что это значит? — спросила я.

Я почувствовала его дыхание на своей щеке, и мое сердце забилося слишком быстро, слишком громко.

— Нет, я не знаю. — Его голос звучал хрипло. — Но я не могу иначе. Так как, Фэй, я не могу без тебя жить. И не хочу. — Он прикоснулся лицом к моим волосам. — Ты должна довериться мне. Можешь сделать это еще раз? Довериться мне?

Его рука сжала мою руку так сильно, что мне стало больно.

Мы дышали в одном ритме.

Наши сердца бились в одном и том же ритме.

Я посмотрела на него, открыла рот, чтобы возразить, но прежде, чем я успела сказать хоть слово, он наклонился ко мне и его губы встретились с моими. Мои губы безвольно раскрылись, а мое тело готово было растаять.

Этот поцелуй, я почувствовала это, означал бесконечно много. Прошрое. Настоящее.

Обещание. Клятву на будущее.

После этого он поднялся, и по его лицу я поняла, что он думал о том же, о чем и я.

О доверии.

— Прочти, — сказал он, прежде чем вернуться и уйти. — Прочти, что написала Эми. И только потом скажи мне, какое решение приняла ты.

Я читала при свете вечерних сумерек, в то время как вокруг меня шумели деревья, а с моря приглушенно доносились протяжные крики чаек. Стало прохладно, и я плотнее запахнула свое пальто, прежде чем открыла первую записную книжку.

8 июля 2015

Дорогая Фэй.

Я решила все лето вести для тебя дневник. Когда-нибудь ты прочтешь все записи, и тогда ты поймешь, почему я обманула тебя. Но ведь ты и сама знаешь, какой убедительной может быть твоя Лиз, и, в конце концов, она права. Зачем беспокоить тебя? Ты должна насладиться своими последними летними каникулами вместе с Джошем.

Доктор Доннелли сведет мою маму с ума своей постоянной болтовней. Она рассуждает о моей болезни так, словно у меня рак в последней стадии.

Миокардит. Мне не нравится это слово, но тем не менее я нахожу разумным использовать для обозначения болезней латинские названия. Так как, честно говоря, для меня болезнь сердца всегда будет означать любовную тоску.

Да, ты смеешься сейчас.

Действительно, у меня на губах появилась улыбка. Как же хорошо Эми знала меня.

А что касается Кэйлеба, я должна была ожидать от него чего-то подобного. Ведь он далеко не Джош. На того можно положиться. Он настоящий джентльмен.

Я почувствовала, как у меня на глаза навернулись слезы.

А Кэйлеб, напротив, есть... Кэйлеб. Он смешит меня, и это делает меня счастливой. Но вот, останемся ли мы с ним вместе на всю жизнь, это одной судьбе известно — или, как сказал бы Кэйлеб, это не знает даже сама Вселенная.

Сегодня все утро у меня было обследование. Кардиограмма, ультразвук, спироэргометрия... Может быть, лучше мне изучать медицину, а не тебе? А потом еще МРТ... самый лучший способ заработать инфаркт

миокарда. Уж тут я действительно испытала панические атаки. А в остальном клиника на самом деле мне очень нравится. Да и как могло быть иначе? Ведь Лиз и доктор Доннелли долго раздумывали над тем, где я смогу получить самое лучшее медицинское обеспечение и одновременно смогу отдохнуть телом и... душой. Доктор Доннелли считает, что такие пациенты, как я, склонны к депрессиям.

Честно говоря, я думаю, что мне не хватает только балета и моих друзей по танцевальной группе поддержки. Когда я не могу танцевать, тогда я грущу. А когда я не могу видеть тебя, то чувствую себя одинокой.

То же самое я сказала и психиатру, которая посетила меня сегодня. Она хочет, чтобы я называла ее Эрикой. Она захотела узнать все, действительно все о нашей дружбе. Я рассказала ей, что мы с тобой родственные души, прямо-таки ментальные близнецы... После этого она расспрашивала меня только о тебе: как ты себя чувствуешь, как обстоит дело с твоими нарушениями сна, что ты видишь во сне, помогают ли тебе медикаменты, страдаешь ли ты все еще от панических атак. А когда доктор Майерс уже уходила, то еще сказала мне: «Ты можешь считать, что тебе действительно повезло с такой подругой, как Фэй. Она нечто совершенно особенное».

Записная книжка выскользнула у меня из рук. Мои пальцы дрожали. Я уставилась на высохшие розы рядом с могилой Эми и услышала в ушах голос, который произнес: *Ты нечто совершенно особенное.*

А потом перед моим внутренним взором возникла другая картина. Мне показалось, что эти слова вызвали во мне воспоминания.

Я снова увидела себя на яхте Вирджинии. Буря ревела так громко, что в моих ушах стоял сплошной гул. Я ползла по палубе, мои руки и ноги были мокрыми от воды, которая перехлестывала через борт. Мне удалось продвинуться вперед к Вирджинии, которая висела, скрючившись, под наклонившейся мачтой. Я встряхнула ее и позвала по имени. Я склонилась над ней, и ее глаза уставились на меня, а потом она открыла рот. Она что-то сказала. Она что-то сказала мне.

И сейчас я смогла громко и четко расслышать это.

Ты будешь следующей.

Я не рассказчик.
Но иногда действительность фантастичнее, чем любой рассказ.
Вселенная приготовила нам гораздо больше загадок, чем мы подозреваем.
Ты все еще не веришь мне? Тогда прочти следующие страницы.

Фэй Мейсон

Словарь

Адреналин, также **эпинефрин** — гормон стресса, вырабатываемый в надпочечниках и выбрасываемый в кровь; служит для того, чтобы в особых ситуациях подготовить организм к борьбе или бегству и поддерживает при травмах такие жизненно важные органы и функции, как, например, сердце и кровообращение; в скорой медицинской помощи адреналин применяется при остановке сердца в качестве лекарства для оживления сердца и легких.

Анамнез — предыстория заболевания по показаниям пациента; включает в себя ранние заболевания и заболевания, встречавшиеся в семье; врач расспрашивает об этом пациента перед началом лечения.

Асистолия — отсутствие механической деятельности и биоэлектрической активно-

сти сердца (или остановка сердца) с прекращением кровообращения, что при отсутствии медицинской помощи в течение нескольких минут приводит к смерти; асистолию определяют по нулевой линии на ЭКГ; *лечение*: немедленная реанимация или ввод медикаментов.

Внетелесные переживания (ВТП) — переживания, при которых люди, по их собственным показаниям, находятся вне собственного тела и могут наблюдать за собой или удалятся от собственного тела, не теряя при этом духовной связи со своим телом.

Галлюцинация — обман чувств, при котором образ возникает в сознании без внешнего раздражения какого-либо органа чувств, а человек убежден в реальности воспринимаемого; *проявление*: например, при шизофрении и психозах, а также при мигрени, эпилепсии или при побочном действии некоторых медикаментов.

Гипоталамус — область промежуточного мозга; *функция*: это важнейший центральный диспетчерский пост вегетативной (то есть инстинктивно управляемой) нервной системы: регулирует температуру тела, ритм сна и бодрствования, кровяное давление и дыхание.

Глиома — собирательное понятие для некоторых, частично злокачественных, опухолей центральной нервной системы; чаще всего они встречаются в головном мозге, но могут появляться как в спинном мозге, так и в черепно-мозговых нервах.

Дефибрилляция — электрическая стимуляция сердца извне, чтобы при прекращении кровообращения из-за фибрилляции желудочков сердца снова заставить орган биться в правильном ритме; *осуществление*: размещение на грудной клетке двух электродов; так называемый электрошок без прикосновения к пациенту.

Дефибриллятор — электрический прибор (чаще всего с ЭКГ-монитором для анализа ЭКГ), который способен положить конец нарушениям сердечного ритма с помощью нацеленных импульсов тока или электрошока.

Затылочная доля мозга — доля мозга, находящаяся в районе затылка, которая содержит в том числе и зрительный центр.

Идиопатическая инсомния — хроническое нарушение сна, которое начинается еще в раннем детстве и продолжается в течение всей жизни; причины возникновения

до сих пор точно не установлены; *последствия*: проблемы с концентрацией, хроническая усталость, а также снижение работоспособности.

Инсомния, или бессонница, — форма нарушения сна, при которой в течение как минимум одного месяца возникают проблемы с засыпанием или с качеством непрерывного сна, характеризуется недостаточной продолжительностью сна, что не позволяет организму полноценно отдохнуть, и поэтому человек чувствует себя разбитым.

Лаборатория катетеризации сердца — специально оборудованный лечебный кабинет, в котором могут проводиться медицинские исследования и лечение сердца, в том числе и с помощью томографии.

Магнитно-резонансная томография (МРТ) — способ визуализации, который используется при медицинских обследованиях и позволяет получить на экране изображение отдельных органов, функционирующих в теле пациента (например, сердца); при магнитно-резонансной томографии сердца врачи могут, например, увидеть изменения в сосудах сердца, а также могут определить, правильно ли снабжается кровью сердечная мышца (миокард).

Миокардит — собирательное обозначение воспалений сердечной мышцы (миокарда), имеющих различные причины; может привести к нарушениям сердечного ритма, угрожающим жизни, и к внезапной остановке сердца; симптомами миокардита являются в том числе беспокойство, стенокардия, бледность, слишком низкое кровяное давление, экстрасистолия и сердечная недостаточность.

Нарушения чувствительности, а также **гиперчувствительность** — феномен, при котором больной реагирует на раздражения органов чувств и воспринимает их значительно сильнее, чем обычный человек; до настоящего времени нет однозначного и общепринятого определения этого феномена.

Норадреналин — этот гормон, как и адреналин, вырабатывается в надпочечниках и выбрасывается в кровь; поддерживает сердечно-сосудистую систему; слишком высокая концентрация наблюдается при такой картине болезни, как сердечная недостаточность. Уровень норадреналина в крови повышается при стрессовых состояниях, шоке, травмах, кровопотерях, ожогах, при тревоге, страхе, нервном напряжении.

Околосмертные переживания (ОСП) — переживания на грани смерти; многим око-

лосмертным переживаниям свойственны такие общие ощущения, как: выход из собственного тела, парение над собственным телом и наблюдение окружающих, встреча с умершими родственниками или сверхъестественными существами, обзор пройденного жизненного пути, чувство перемещения через яркий «туннель».

Параноидальная шизофрения — наиболее часто встречающаяся форма шизофрении; основными симптомами являются бредовые представления и звуковые галлюцинации; из-за обрывочности мыслей или нарушения течения мыслей речь больного может стать непонятной; эти симптомы не могут объясняться ни неполноценностью умственного развития, ни органическим заболеванием мозга.

Радиология — раздел медицины, который изучает применение ионизирующих излучений для диагностических, терапевтических и научных целей, например рентгеновское излучение или МРТ.

Реанимация — оживление организма при внезапной остановке сердца или дыхания путем прямого или непрямого массажа сердца, искусственной вентиляции легких или дефибрилляции, а также других мер,

необходимых для поддержания системы кровообращения.

Сердечная недостаточность — сердечная слабость; нарушение работы сердца или сердечной мышцы как побочное явление или следствие различных заболеваний сердца.

Ствол головного мозга (Truncus cerebri) — так называют отдел головного мозга, который находится вне черепа в канале спинного мозга; структуры ствола головного мозга управляют такими жизненно важными функциями, как дыхание, сердцебиение, ритм сна и бодрствования.

Электрокардиограмма (ЭКГ) — графическое изображение протекания электрических токов сердца; они отображают возбуждение мускулатуры сердца во время биения сердца.

Эпилепсия — наименование целой группы хронических неврологических наследственных заболеваний, а также заболеваний, вызванных травмой или органическими повреждениями; характерными признаками являются судорожные припадки, потеря сознания, пена изо рта и прикусывание языка.

Выражение благодарности

Членам «Клуба понедельника» Германии

В Германии существует команда высококлассных врачей, физиков, философов и психологов, имеющих доступ к секретной информации, которая пытается разгадать загадку Фэй Мейсон. Их имена должны оставаться в тайне, чтобы не подвергать опасности все предприятие. В ближайшее время все они получат код доступа, который позволит им претендовать на бесплатный экземпляр этой книги, а также бесплатно посещать все общественные читки романа и другие мероприятия.

Я благодарю их всех.

Кристина Кун

*Чем фантастичнее история,
тем реалистичнее она должна быть.*

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродуцирована или каким-либо иным способом, в том числе использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
адеби-көркемдік баспа

YOUNG ADULT. ТРИЛЛЕРЫ
МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Кун Кристина

КЛУБ ПОНЕДЕЛЬНИКА

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

Ответственный редактор Т. Суворова
Редактор Д. Кузнецова
Художественный редактор Ю. Щербаков
Технический редактор О. Лёвкин
Компьютерная верстка М. Лазуткина
Корректор Н. Яснова

Адаптация дизайна Юрия Щербакова

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 31.07.2017. Формат 84x108 1/32.

Гарнитура «Mysl». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 5000 экз. Заказ А-1928.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала АО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
Один клик до книги

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: rescription@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

E-mail: hw@eksmo-sale.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-25-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Читалки БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7 (812) 601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 142701, Московская область, Ленинский р-н,
г. Видное, Белокаменное шоссе, д. 1. Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: rescription@eksmo-sale.ru
Нижний Новгород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, улица Карпинского, дом 29, бизнес-парк «Грин Плаза».

Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: rescription@eksmo-nn.ru

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: spv@szko.ru

Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).

E-mail: petrov.ea@eksmo.ru

Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самара.

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».

Телефон: +7 (846) 269-66-70 (71...73). E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростов-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44 А. Телефон: +7 (863) 303-62-10. E-mail: info@md.eksmo.ru

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростов-на-Дону. Адрес: 344023,

г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.

Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov.mg@md.eksmo.ru

Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015,

г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nk@yandex.ru

Хабаровск. Филиал РДЦ Новосибирск в Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7 (4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Тюмень. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алябашевская, 9А (ТЦ «Перестройка»).

Телефон: +7 (3452) 21-53-96 / 97 / 98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru

Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре

Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. ООО «ЭКСМО АСТ Син энд Син». Центр оптово-розничных продаж

Cash&Carry в г. Минск. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,

проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.

Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: eksmoast@yandex.by

Казавстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровский, 3 «А».

Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91, 92, 99). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073, г. Киев, Московский пр-т, д. 9.

Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forukraine.com

ISBN 978-5-699-90426-6

9 785699 904266 >

